

опустошитель

[иверсия курутьлы]

#2

социопатия

Журнал "Опустошитель"
#2. Социопатия
Москва, октябрь 2010
168 стр.

Редакционная коллегия:
Вадим Климов
Маргарита Кривченко

В оформлении обложки использован рисунок Валерии Мурысо
(<http://myruso.deviantart.com>).

Номер издан при поддержке Александра Донова (<http://nokunst.com>).

ISSN 2219-5424
Тираж 200 экз.

Опустошитель, 2010
<http://pustoshit.nokunst.com>

журнал

Опустошитель

#2. Социопатия

Бруно Беттельхейм
Роберт Вальзер
Ника Дуброва
Вадим Климов
Маргарита Кривченко
Станислав Курашев
Алексей Лапшин
Апполинария Тумина
Андреа Часовски
Олег Шинкаренко

Москва
октябрь 2010

Вступление*Решительная, абсолютная пустота*

Девятнадцатилетний юноша подносит к губам ложку фруктового пюре, чтобы узнать, не слишком ли оно горячее. Рядом сидит его полуторалетний брат, пюре предназначено для него. Юноша отправляет ложку в рот. Пюре настолько вкусное, что он съедает всю порцию на глазах у плачущего от обиды брата.

Мальчик просыпается в рождественскую ночь и спускается в кухню попить воды. В окне он видит мать, пришедшую из больницы, чтобы поздравить его с Рождеством. Она жестаи просит сына впустить ее. Мальчик игнорирует ее просьбу. До этого отец сказал, что если мать придет домой, не долечившись, то она умрет. Мальчик возвращается к себе в комнату, а утром на пороге дома находят труп его матери. Женщина умерла от переохлаждения.

Внимательный чиновник из заводского руководства замечает вальяжно сидящих рабочих на недавно установленных скамейках. Он хмурится и что-то шепчет подчиненному на ухо. На следующий день рабочие обнаруживают свои лавки со спиленными спинками.

Глава Ирана Р.М. Хомейни в речи по случаю дня рождения пророка Мухаммеда объявляет, что жизнь людей надо обеспечивать убийством. Замечая, что защита масс основана на казнях с целью наказания. Нельзя ничего исправить несколькими годами тюрьмы, говорит Хомейни, обвиняемых в принципе незачем судить, их просто надо убивать. Только установить личность, а потом убить. Установить личность - и убить.

Молодой отец. Утром он договаривается с неизвестными о продаже новорожденного сына и в обед отправляется на встречу с покупателями. Молодой отец с коляской идет по улице, спрашивая у прохожих мелочь. Забыл кошелек дома, объясняет он, а ребенку нужно купить детское питание.

После обжигающего лета с пожарищами на пол-России из пелены дыма мы швыряем в вас Опустошитель #2. Социопатия.

Ника Дуброва
Художник

Звонок в дверь, настойчивый, такой, что надо бежать и открывать. А я только зашла, разделась, наполнила водой ванну, пожарила овощи, налила чай. Он продолжает звонить. Иду открывать, босая, в домашней кофте. Он заходит, не здороваясь, как к себе домой, и говорит, достали они меня, теперь рабочий день до 10 вечера. Не знаю, кто это такой, вижу его первый раз в жизни, видимо, также последний. В синей куртке, вытянутой на животе, в синей же кепке, небритый. Как они меня достали, повторяет. Зачем он пришел, его только мне не хватало, сажусь на диван, беру в руки пульт, шелкаю. Слышу бульканье в ванной, ну что еще, встаю, иду проверить, ах да, он еще здесь, моет руки в ванной. В воду, почти прозрачную, с его рук стекает разводами зеленая краска. За весь день даже помыть негде было, рабочий день до 10 вечера, повторяет. Значит, теперь придется заново наполнять ванну, возвращаюсь к телевизору, шелкаю каналы. Останавливаюсь на своем любимом, про культуру и музыку. Выключи свое пианино, орет он мне из ванной, я так работать не буду. Работать - но я даже не знаю, зачем он пришел. Я пришла к себе домой, переделась, приготовила овощи, налила чай, я не спеша ем и смотрю культурный канал. Приходится слушать музыку без звука, потому что я ему мешаю, он хочет работать. Возможно, это скульптор, который помыл руки и будет теперь лепить статую греческой богини. Или ювелир, который принес с собой кусочки золота и рубинов, чтобы делать красивые украшения для женщин. Может быть, он только начинает свое дело и ему негде жить. Моя квартира тоже досталась мне нелегким трудом, и я понимаю его. Телевизор работает беззвучно, и я слышу, как он, ругаясь, открывает и закрывает дверь, видимо, втаскивает в квартиру материал, необходимый для своей работы. Что он там принес, мрамор или глину, которую потом надо будет обжигать в печи, или просто маленькие кусочки золота. Мне нравится лицо

пианиста, я смотрю на него, это, видимо, японец или кореец, пианист из азиатской страны. У него длинные тонкие пальцы желтого цвета, и жгуче-черные волосы, несомненно, этот мужчина талантлив. Я продолжаю смотреть концерт, и слышу, как художник, находящийся в моей квартире, тащит что-то по полу. Пианист играя чуть наклоняет голову, и свет огромных концертных люстр падает на его щеку, повторяя форму выступающей скуловой кости. Раздается резкий звук, такой, как если бы он одним движением намечал, скажем, линию горизонта или контур тела своей натурщицы. Звук кажется мне тем более странным, что скульптор может лепить без предварительного рисунка, а ювелир не делает такие большие наброски для своих украшений. Камера, снимающая концерт, опять фиксируется на пальцах играющего пианиста, желтых, с длинными ногтями. Без сомнения он талантлив. Я слышу бульканье и шорох, и сочетание этих звуков повторяется. Я пришла уставшая, голодная, хотела посидеть в тишине, но тут этот художник, и какой он тоже оказался талантливый, если может работать так быстро. Сочетание бульканья и шороха, как если бы это было постоянное трение каких-либо двух поверхностей, повторяется, это кажется мне тем более странным, что такой звук не характерен ни для творящего скульптора, ни для ювелира. Я выпускаю из рук пульт, ставлю на стол чашку чая и иду смотреть, что происходит у меня в коридоре. В ладонях еще осталось тепло от нагретой керамики, ох, как же не хотелось вставать. У тебя выпить не найдется, как только я появляюсь в коридоре, он сразу задает этот вопрос. Нет, не пью, отвечаю я, и смотрю на стену, он прочертил карандашом идеально ровную линию, и теперь кистью проводит по ней, да еще и всё, что оказывается ниже этой линии он тоже закрашивает краской. На полу стоит его банка, с каким-то ярко-зеленым месивом, и в нее он окунает кисть. Дай водки, я весь день на работе, поясняет он, голос у него спокойный, как если бы он не устал, работая весь день. Тем не менее, он красит очень быстро, настоящий профессионал, мастер своего дела, он проводит кистью точно по начерченной карандашом линии. Я вижу, что идеально ровная линия, которую он провел примерно где-то на высоте своего плеча, проходит по двери моей ванной, по двери туалета, по картинам, которые висят в коридоре с незапамятных времен. Вы бы хоть картины сняли, говорю я. Почему сама не сняла, 10 вечера, а у меня еще 20 подъ-

ездов на сегодня, он поворачивает голову и смотрит на меня, глаза у него провалились между щеками и бровями, и взгляд из этой щели не добрый. Поищи лучше чего бы выпить, повторяет он. Я смотрю, как деревни, моря, тигры, нарисованные на картинах, закрашиваются его большой зеленой кистью. Верхняя часть некоторых картин остается нетронутой, потому что находится выше проведенной им линии. Он красит быстро, наклоняясь к банке, зачерпывая кистью краску, и прикладывая ее к стене — так он проводит линию за линией. Краска разбрызгивается повсюду, я чувствую холодные липкие капли на своих щеках, на шее, я вижу пятна, упавшие на ковер. Он почти закончил, ему остался только маленький кусочек, пространство между туалетом и комнатой. Повсюду брызги зеленой краски, я тоже вся в этой краске, стою и вытираю её, но пальцы у меня уже грязные, поэтому я только размазываю зелень по себе. Пульт, видимо, заклинило, потому что включается звук, это звучат клавиши пианино, по которым ударяет желтыми пальцами музыкант. Пианино прорывается в коридор, стекает мягкими звуками по еще невысохшей, поблескивающей краске. Опять твое пианино, лучше бы выпить дала, говорит рабочий. А я думала, вы будете лепить статую, неловко говорю я, и тут же чувствую страх, он может меня ударить, если его рассердить, сейчас эту банку разобьет мне о голову. Пока не высохнет, не прикасаться, говорит он, у меня еще 20 подъездов, работаем теперь, пока не сдохнем. Ногой он толкает дверь, так что она ударяется о стену раскрывшись, он выходит, и банка с краской, раскачиваясь, расплескивает свое содержимое по коврам и по стенам. Я выглядываю в подъезд, и вижу, что рабочий спускается по лестнице. Стены в подъезде блестят свежей ярко-зеленой краской. Линия, от которой начинается покраска, проходит на той же высоте, как и та, что появилась в моем коридоре. Пианист в телевизоре продолжает играть. Я слышу, как этажом ниже, кто-то спрашивает, вы кто. Я это, подъезд красить, отвечает знакомый мне голос. У нас вам не подъезд, у нас квартира, почти орет какая-то женщина. И я слышу шаги человека, спускающегося еще ниже. А я даже не спросила, кто это, открывая дверь, а может быть, надо было.

С приездом!

В эту страну я приехала, чтобы заразиться чужой культурой, как заражаются болезнью. Люди здесь живут и жили просто — всё у них ладилось и, если какие проблемы и возникали, то только от желания жить еще лучше, и устроить всё так, чтобы всё было еще проще. Мой путь был непростой — сначала на пароме, потом объяснения на границе, из паспорта вырезали гирлянду, заявив, что так он больше подходит под правила международного законодательства, далее добиралась автостопом, рисовав на картонках известные памятники разных городов, потому что читать водители в этих странах уже разучились. Наконец оказалась на месте — негде было ночевать, но я, сделав вид, что сначала так у всех, пошла к какому-то мужчине, который на почте забыл бумажку со своим адресом — мои сумки в это время уже подобрал в аэропорту соотечественник-нелегал, увез их к себе, в блочное африканское гетто, мотивируя поступок тем, что так будет сохраннее — сумки будут у меня в квартире, а вот где будешь ты, неизвестно.

Раньше, когда я смотрела на жителей этой страны, оказавшись в ней случайно, проездом, мне нравились их миловидные, свежие лица, небрежно накинута одежда, будто бы ни с того - ни с сего начавшиеся разговоры. В вагоне поезда мне хотелось подсесть к какой-нибудь девице и чуть тронув ее за руку сказать, научи меня так же, пожалуйста. Но надо было возвращаться, и сделав последний круг по звездочкам, отмеченным на туристической карте, я уехала. И опять пошли эти бесконечные, как армия снеговиков, напояющие друг на друга проблемы, смутные, затянутые мыслью лица, грязь под ногами, неудачи, падения, упреки и угрозы. Нельзя ли всё это прекратить, говорила я, сидя в привокзальном кафе в пол первого ночи с каким-то полужнакомым и чуть пьяным мужчиной, зачем вы всё это делаете, спрашивала я у него, и он в ответ подливал себе еще пива. Знаешь, в других странах всё как-то проще, говорила я своей подруге, когда мы опоздав на автобус, не могли купить билет и на следующий, так как в кассе был обеденный перерыв. Но я не знаю никаких иностранных языков, объясняла она мне в ответ. Приезжайте к нам, у нас необычно, писала я знакомому иностранцу, и хихикала, опу-

кая письмо в поломанный почтовый ящик, а потом от него приходил ответ о том, что он не может получить визу, так как даже в его стране, но в нашем посольстве, творится что-то невообразимое, обеденные перерывы сменяются сбоями электричества, поломкой компьютеров, но если все даже открыто, то сотрудники все равно не говорят на его языке. Не знаю, что-то там у них опять не заладилось, слышу я, как кто-то с кем-то говорит в автобусе. А потом женщина — своей подруге, а у меня вчера сын умер, да что вы, слышит она в ответ, ну да, отвечает женщина. И через минуту начинает рыдать, зажимая руками рот, отчего рыдания кажутся еще более громкими, и все незаметно отворачиваются, не зная, чем помочь, но женщина рыдает всё громче, и на следующей остановке многие выходят, и я с ними, в общей суматохе.

Я в туалет, говорю тем, кто сидит за столом, и чуть потянув на себя скатерть, встаю и выхожу, в коридоре тихо, и приглушенно звучат голоса, молодой человек заканчивает свою историю, и все начинают смеяться. Возвращаясь из туалета я иду по коридору, вдоль белых дверей, и захожу в другую комнату. Через пол часа ко мне заглядывает друг, ты же сказала, что в туалет, удивляется он. Да я пишу просто, мысль появилась, говорю я быстро, махая на него рукой. Он уходит, дверь раскрывается и на пороге какая-то блондинка с огромными серьгами, а что это ты тут делаешь, пишу, отвечаю, это еще за чем, говорит она, и умирает со смеху. А вам никогда не приходилось ли об этом думать, спрашиваю я у своей преподавательницы. Да как-то вот, не задумывалась, отвечает она с недоумением на лице, да и какое это вообще имеет значение, не всё ли равно, добавляет подумав. Я стою у окна и смотрю на небо, красивое, усмехаясь говорит мой друг, который, оказывается, притаился у меня за спиной. А небо сине-серое, как дождь, размазанный по асфальту; и на нем апельсиново-желтым блестят окна домов. Скоро небо провалится в карман ночи, и оттуда его уж не скоро достанешь. Я ловлю последнюю синеву, поздневечерние краски, и опять кто-то появляется за моей спиной, слушай, там уже чай остывает. Начинайте без меня, говорю я быстро, но это ведь твой День рождения, слышу в ответ обиженный голос, да, это для всех повод вкусно поесть, отвечаю я. Люди расходятся, я собираю пустые тарелки и несу их на кухню. Перед тем, как гости разошлись, он опять со-

брал всех в своей комнате и крутил ручку старого граммофона, и все удивлялись, спрашивали, откуда такой редкий предмет, и он говорил, что от его прадеда, все восхищались и почему-то говорили, что никогда не слышали такой красивой музыки, а он продолжал крутить ручку, и музыка выползала из старой пластинки, сдернутая с неё острой граммофонной иглой. Несколько лет назад я торопилась на последний поезд метро, но все же стояла рядом с ним вот в этой вот комнате, и он также крутил ручку старого граммофона, и мне казалось, что это какая-то особенная музыка, и чтобы не сболтнуть лишнего, я только говорила, ах, как красиво. Видя мое смущение он чувствовал себя увереннее и повторял, что граммофон достался ему от прадеда, и я кивала. Потом были долгие приготовления к поездке, в которую мы так и не отправились. То ему не доставало денег, то билеты уже закончились, под конец появилась работа, от которой он не мог отказаться, хотя за нее ничего не платили, а потом выяснилось, что он не особенно хотел ехать в мою страну — далеко и холодно. Но если тебе здесь у нас неловко, не нравится, а там было действительно лучше, то почему бы тебе не вернуться, сказал он мне как-то недавно, оторвавшись от телевизора. Дело не в том, что там было лучше, ответила я, покачивая головой. Понимаешь, не с кем поговорить, писала я тогда в письме своей подруге. А твой новый друг, удивлялась она, когда я ловила ее голос в телефонной трубке, а он не знает всей этой жизни, отвечала я ей. Он мне только одно отвечает, и зачем ты обо всем этом думаешь, нельзя ли как-то попроще, не впадая постоянно в депрессию, объясняла я ей. Не все живут чувствами, говорила она мне с укором. Какие уж чувства, ему вообще на меня наплевать, просто необычно, что у него любовница из далекой страны, шутила я в ответ, но мне самой было несмешно. Когда я жаловалась ему, что не могу сдать экзамены, так как вечерами работаю — раскладываю по коробкам ботинки — да и вообще технические термины на чужом языке нелегко запомнить, он, посмотрев на меня, сказал, да, жизнь нелегкая штука, да и кто обещал, что будет иначе, и завернувшись в теплый плед, продолжил читать комиксы.

Есть у вас хобби, спрашивал работодатель, глядя мне в лицо, словно пытаясь высмотреть в нем подвох, я пишу, ответила я, и замолчала. Сказки, переспросил он в шутку, в некотором роде, ответила я. Страна богатая, города разбухают от магазинов и рес-

торанов, дома украшены скульптурами, как торты кремом, бери и ешь, но в рот уже не лезет. За эту красоту здесь друг другу выкалывают глаза — мол, посмотрел и хватит. В институте какой-то парень выкрал у всех планы, подготовленные долгими ночами, и перерезал провода у компьютеров — надеялся, что только он сдаст экзамен, а остальных выгонят — но его вовремя раскусили. У хорошего знакомого я спросила, где я могу найти работу, почему бы тебе не спросить в мясной лавке, там часто требуются уборщицы, крови ведь сколько натекает за день, дает он мне совет, я ведь все-таки три иностранных языка, отвечаю я. Это что, переводит он разговор на другую тему, тут такое с иностранцами с юга вытворили, заставили их стоять в очереди за документами, а инвалидам отказали в работе только потому, что сотрудникам полагалось стоять, нет, ну ты представляешь, возмущается он. Мой друг крутит ручку своего граммофона, только когда гости собираются уходить, когда же никто никуда не спешит, он предпочитает музыкальные файлы на своем компьютере. У меня уже за миллиард перевалило, как-то похвастался он. Но ты ведь не музыкант, сказала я в ответ, нет, думаешь, легко вот так вот ноты выучить, удивился он, посмотрев на меня в упор, и добавил, в моем возрасте такую информацию уже не одолеть, родители же в свое время в музыкальную школу ходить запретили. И действительно, в этой стране излишняя мысль запрещена, жить принято запросто — так, как поезд скользящий по рельсам — они здесь тоже, кстати, бесшумные, говорят, рельсы придумали новые, без стыков. В городе повсюду стрелки, собор, прачечная, мясник, церковь, туалет, кино, ресторан, рынок, музей. Ползаешь между домами, как по лабиринту, из которого живым не выйти, голова задрана вверх, глаза ловят стрелки, ноги перебирают в их направлении, всякая мысль сомнительна. Я тебе уже объяснял, говорит он, в городе только два приличных ресторана, один рыбный, другой мясной, я их обозначил звездочками на карте. А как же все прочие, их же еще штук двадцать наберется, удивляюсь я, в те даже не заглядывай, это для туристов, говорит он, повышая тон. Что ж, может быть, завтра откроются новые, предполагаю я, об этом даже не думай, отвечает он, в городе уже всё есть, новые предприятия устраивать запрещено — всё просчитано, всё работает. Чего же тебе еще, богатая успешная страна, кричит в телефонную трубку моя подруга, это не люди, это цветы, которые

растут в горшках, отвечаю я. Не это самое страшное, орет она, постарайся привыкнуть. Как-то уже я с ними говорила о том, что во всем мире люди живут не так, но они только отвечали, что больше не путешествуют, и в своей стране есть что посмотреть, дай бог, чтоб до смерти хоть половину изъездить, в каждой деревне музей и исторический памятник. Знаете, у них там революции, голод и наводнения, вы бы хоть съездили, взглянули, но вот еще, такой риск на себя брать, в ответ они только усмеваются, и добавляют, и так им отправляем старые кофты и полезные советы, как изменить политический режим, а заодно уж и саму страну свернуть в нужную колею.

Маргарита Кривченко В театре

Дело было в театре. У нас была небольшая театральная труппа и деревянная постройка, в которой проходило действие. Спектакль был всегда один и тот же. Никакого репертуара. Никаких премьер, расписаний, сроков и билетов. Играть начинали, когда вздумается. Ну и конечно, зрителей было мало.

Нет, я выразился неточно, заявив, что спектакль был один и тот же. Просто мы все чувствовали, что пора. Расставляли декорации, выходили на сцену и начинали играть. Освещение было мерзким, декорации – старая деревянная рухлядь – покрыты пылью, но нам это было только на руку. Мы играли многоактовые трагедии, модернистские фарсы, а иногда просто занудно декламировали со сцены какие-нибудь тексты, выбранные наобум и без особой причины. Удивительно, но зрители обычно у нас были. Иногда вдруг зал оказывался полон, воздух заполнялся спертыми человеческими запахами, а мы ощущали, как эмоции толпы энергетически искажают наши собственные чувства. Но чаще на стульях за сценой сидело два-три человека. Они молча, но терпеливо дожидались конца представления, и только тот факт, что они никак не проявляли недовольства и досматривали любое, даже самое скучное и длинное, действие до конца, показывал нам, что им все же скорее нравится спектакль.

Так вот, был такой ритуал. Сверху, над сценой, находился некий реквизит. Что-то такое большое и громоздкое. Перед самым началом выступления пара актеров тянула за канаты, якобы чтобы опустить «это» на подмостки. Сверху появлялись какие-то обтрепанные узлы и веревки, и когда казалось, что реквизит вот-вот рухнет вниз, канаты закрепляли, и действие начиналось. По окончании спектакля это нечто опять поднималось вверх. Так было каждый раз, но однажды, разумеется, случилось то, что по вероятности и должно было произойти. За канаты тянул я с одним парнем. Возможно, во мне, наконец, заговорило любопытство. Вот уже показались узлы и темная масса, но я, вместо того, чтобы закрепить канаты, дернул их еще сильнее. На пол грохнулась странная конструкция. Такая же старая и пыльная, как и все остальное, она представляла собой плетеные из толстых прутьев сани на полозьях, по форме напоминающие гипертрофированный черпак с короткой ручкой. Они действительно были огромными и заняли большую часть сцены.

На шум выскочил из-за кулис один из "режиссеров". Никакой режиссуры у нас, естественно, не было, но "режиссеры" были. Так вот, один из них выскочил и раздраженно сказал, что такого святотатства никак нельзя было допустить. И, мол, теперь все кончено, и он вынужден уйти.

За ним потянулись остальные, не все, но большинство. Я так и стоял на сцене, удивляясь гиперсаням и недоумевая по поводу криков этого человека. А он уже был в проеме выходной двери. За его фигурой вырисовывалась летняя ночь. Он еще договаривал что-то возмущенное, когда я обратил внимание на его куртку. Куртка была из толстой качественной шерсти светло-коричневого цвета с черными фигурными пуговицами разных размеров. Она мне что-то сильно напоминала, и я никак не мог понять что. Мы все одевались чудаковато, но эта куртка была поистине странной.

Так вот, на этом театр закончился, и в памяти моей ярко отложились сани-большая-ложка и куртка с пуговицами.

Больше ничего.

Проза

Вадим Климов

Бесплатное питание на вокзалах (микророман)

*Я до того не уважаю писательство,
что тушу сигареты о страницу,
над которой тружусь.*

-- Антонен Арто в изложении Джереми Рида

[1]

Речь пойдет о Бутербродной на окраине города. Заведении настолько неприглядном, что диву даешься, как о нем вообще кто-то написал.

Этим писательством я и занялся. Поэтому мне можете верить на слово. Текст насыщен таким количеством повторов, неточностей, ужасного стиля, бесконечных перечислений, вранья, дилетантства, опечаток, сумбура, непрочного сюжета, детского лепета, кустарщины, случайных восклицательных знаков, провинциальности, не тех падежей, времен и прочей подобной дребедени, на которую все равно никто не обращает внимания, что даже неловко.

Какое время – такие романы!

Орфография тоже не на высоте, пунктуация довольно условная. Наша писанина в них не нуждается.

На этом пока остановимся.

[2]

Вокруг Бутербродной, расположенной в таком неудачном месте, где и зданий, кроме ее собственного, нет ни одного, возникает необъяснимый ажиотаж. Люди вокруг тоже не живут, пото-

му что никто никогда не жил и не работал в этих местах. И тем не менее ажиотаж возник.

Сотни посетителей. Со стола не успевают убрать после одной компании, как его занимает другая. Любители поддать едва не разносят в щепки барную стойку. Занято абсолютно все. По восемь, по шестнадцать, по двадцать пять человек на квадратный метр. Кроме стульев, на которых по одному, максимум по трое. По шесть, по восемь, по шестнадцать человек за столом. Забиваются все углы, подоконники, цветочные горшки - и те заняты.

Некоторые люди стоят, скромно держа тарелки на весу, час-то со вторым блюдом в ногах, нервничая, чтобы никто не задел их тарелки, просят солонку у посетителей за ближайшим столиком, но те против, потому что их и без того шестнадцать человек, и солонка никогда не бывает на столе, ее постоянно трясут над чьей-нибудь тарелкой, передавая из рук в руки, каждое блюдо солят по пять раз, чтобы понять замысел повара, и эти шестнадцать человек, все они конечно против, они не позволяют какому-то пройдохе с тарелкой в ногах пользоваться их солонкой, кто-то даже поднимается со стула, усугубляя и без того напряженную ситуацию, завязывается драка, на вопли выбегают официанты, разнимают оголодавших людей и приносят еще одну солонку, которую тут же забирают посетители из-за стола, а свою швыряют стоящему мужичку довольно нелепого вида, тот трясет солонку над тарелкой и понимает, что она пуста, ни соли, ни чего-то еще, все вытрясли до него.

Тем временем люди толпятся у входа, ожидая своей очереди. Новые посетители заходят в Бутербродную, и без них под завязку набитую, еще и с кучей ждущих своей очереди, когда их пропустят к столикам, хотя бы к барной стойке или в освободившийся угол. Зашедшие напирают на всю эту публику, пока не начинают скрежетать ножки столов.

Толпа сносит все построения вместе с барной стойкой, барменом, официантами, стульями, жующими на них так и не заплатившими по счету посетителями с женами, детьми, друзьями, за которых нужно платить самим, потому что у тех за душой ни рубля, зато хорошие коммуникативные качества: долго и интересно рассказывают или долго и безропотно слушают.

И все великолепие с котлетами, супницами, рассыпавшимися по столу тефтелями, разлитым вином, надкусанным хлебом,

непрожаренной уткой, закусками, салатами, соусами, со всем этим бесплатным хлебом, надкусанным или еще целым, пельменями, ветчиной, сырами, паштетами и блинами, разъяренные от голода и того, что все это жрали у них глазах, люди сметают мебель, блюда и других посетителей, загоняют их в конец зала и набрасываются на остатки еды, которые к тому времени валяются раздавленными по полу помоями.

Стоя на четвереньках, слизывают супы, соусы, вина, хорошие и не особо ликеры, коктейли, горячий, обжигающе горячий шоколад, кофе по-мароккански, по-мексикански, по-турецки, по-албански, по-венски, по-малайски, по-румынски и кофе "Стандарт", пятьдесят видов чая, газировку, молочные каши, одеколон, бензин, обычную воду и грязь с ботинок только что с улицы.

Жидкости смешиваются на полу и всасываются сотней давящихся слюной глоток, рычащих в предвкушении. А другая сотня глоток набрасывается на съестное. Изысканные, виртуозно приготовленные блины с двадцатью тремя видами начинок.

Их следовало бы перечислить все, может быть, кроме нескольких не совсем удачных, но в том-то и дело, что все они одинаково хороши, и каждая нуждается в упоминании, и каждая будет упомянута, не сейчас, так через пару абзацев, не через пару абзацев, так через пару страниц, не через пару страниц, так через пару глав, или в самом конце, или в самом начале - эпиграфом, не первым, так вторым, или третьим, или четвертым, или предпоследним, или все-таки вторым, потому что это не самое главное в нашем тексте, но одно из самых главных, и поэтому следовало бы упомянуть эти начинки хотя бы в эпиграфах, если им нет места в основном тексте, но они не будут упомянуты ни там, ни там, ни в эпиграфах, ни в тексте, им будет посвящена отдельная глава.

[3]

Этот вандалистский инцидент, разнесший в хлам Бутербродную, своей нелепостью потрясший и ее хозяина и посетителей, повлек за собой ряд преобразований, о которых следует рассказать. Мы видим это как нудное перечисление административных актов реорганизации работы заведения.

Кого-то уволили с выходным пособием, кого-то без выходного пособия, но со штрафом, кого-то без штрафа, но с выходным

пособием. Уволили в общей сложности большую часть персонала. В реорганизованном варианте Бутербродной места им не нашлось. Все эти люди, скажем честно, они и сами не особо хотели оставаться там работать. Некоторые хотели, а некоторые нет, но большинство все-таки не хотело ни работать, ни оставаться в тех местах, и с радостью покинуло эти места, как только их уволили. С выходными пособиями, со штрафами, кто-то с пособиями без штрафов, кто-то со штрафами без пособий, кто-то и с тем, и с другим. Можно перебрать все возможные варианты, сейчас этого сделано не будет, важно другое – важно, что все эти люди покинули, наконец, те места с пособиями, или со штрафами, или без чего-то одного, или без обоих, но обязательно уволенные, и это их сплотило.

Проснувшись следующим утром, они покинули Бутербродную, и никогда их там больше не видели.

Что же касается оставшихся, этих сосунков, везучиков, родившихся в рубашках, о них ничего вразумительного пока сказать нельзя. Хотя кое-что все-таки можно. Это люди довольно унылого вида с посредственными умственными способностями. Не все, конечно, но большая часть.

Их всех обязали бросить курить.

Единственного послушавшегося велено было выпороть на глазах у персонала в помещении реорганизованной Бутербродной. Чистое просторное светлое пространство старой Бутербродной кануло в лету, поэтому пороли послушавшегося, так и не выплюнувшего сигарету, в грязном, скученном, темном пространстве реорганизованной Бутербродной.

Чтобы каждый, оставшийся в подчинении у месье Жлобеля, хозяина Бутербродной, понял, несмотря на свои посредственные умственные способности, в чем заключается новая концепция работы заведения.

И все они, действительно, поняли. И даже выпоротый, хоть и не смог принять участие в последовавшем торжестве, все же бросил курить и поклялся работать в реорганизованной Бутербродной с учетом новой концепции, продемонстрированной чуть ранее с его непосредственным участием.

Итак, мы подошли к моменту, когда рассказывать о прошлом Бутербродной уже нечего, а ее будущее еще не наступило. Иными словами, мы во временном тупике.

Все решительно изменилось. План реорганизации, задуманный месье Жлобелем, осуществился за несколько дней. Там был единственный пункт – сделать так, чтобы посетители не задерживались в заведении подолгу, а быстрее уходили, освобождая столы. Или, что гораздо проще объяснить персоналу: сделать пребывание в Бутербродной как можно дискомфортнее, чтобы посетители без лишних разговоров, без раздумий и напominаний сами устремлялись к выходу, забыв о еде и деньгах, чтобы в этом аду под названием Бутербродная невозможно было находиться человеку в твердой памяти и здравом уме.

Что же было сделано, а, поверьте, сделано было не мало? Действительно, чем еще было занять шайку скудоумных лицедеев после праздничной попойки в честь задуманных перемен, неугомонную шпану, разворовавшую бывшую Бутербродную в угоду теперешней, людей, все растерявших, загадивших, поломавших, толпе непривычных к труду неумех, каким аргументом можно было заткнуть их кривляющиеся рты под дешевой помадой, каким заданием отправить на грязную работу вроде мытья полов или потрошения животных?

Впрочем, все это не относилось к оставшимся работникам. Эти не сделали ничего плохого. Не успели. Им мало что доверяли в бывшей Бутербродной, они почти ничем там не занимались, были на подхвате, и поэтому не успели ни до чего дотянуться, ни одной пакости не сделали, ничего не треснуло в их руках, не выскользнуло, не смогли даже обварить кого-нибудь кипятком или прищемить дверью, нет, зато все время, пока работала старая Бутербродная, этим занимались другие, старые работники, которых уволили и они вынуждены были покинуть те места, чтобы искупить свою вину и вырваться из того ада, ада настолько смехотворного, микроскопического, иллюзорного, совершенно незаметного, что никто не обратил бы на их уход внимания, не вопи о нем на каждом углу оставшиеся работники.

И вот, бывшие лодыри, а теперь единственные работники Бутербродной, не имеющие никакого представления о том, чем

им предстоит заниматься, приступили к выполнению плана реорганизации.

Первым делом избавились от столов. Эта изящная рухлядь с антикварного аукциона давно мозолила официантам глаза. Все было выброшено. Изголодавшиеся по работе люди поломали это дерьмо вместе со стульями, даже не донеся до свалки. А на освободившееся место поставили высокие стойки для едоков, предпочитающих оставаться на ногах, а не валяться на диванах.

Люстры с того же антикварного аукциона с мягким умиротворяющим светом незамедлительно присоединились к столам. Вместо них прикрутили яркие галогеновые лампы, осветившие помещение так, что любая тарелка, любая вилка, будь она на столе или на полу, всегда оставалась хорошо видна, чтобы клиент не портил зрение, пытаясь выяснить, где здесь цыпленок по-мексикански, а где взболтанный вручную гоголь-моголь, чтобы, даже выронив вилку, возможно, так и не отмытую от жира, посетитель не ползал часами на четвереньках и не просил официанта принести еще одну, потому что вилок и так впритык и ровно столько, чтобы хватило на посетителей, набейся они битком, чтобы эти мощные, хоть и уродливые, но кто смотрит на потолок, лампы осветили каждый кубический сантиметр зала, и даже если клиенту заблагорассудится обедать под столом, который к тому же накрыт не помещающейся на нем скатертью, чтобы даже там, в крошечной тьме, клиент мог все это разглядеть и не поднимать шум по случаю паштета из гусиной печени вместо горячего шоколада, потому что не смог разглядеть.

Закончив с лампами, работники совершили следующий трюк. Они сдвинули стойки, поставив их почти вплотную и так, чтобы те поместились на половине зала. Экономия налицо.

Стойки были перенесены к выходу, одновременно работавшему и на вход. Да так, без этого не могло обойтись, что едоки в непосредственной близости от дверей мешали входящим, а, возможно, даже не позволяли закрыть или открыть дверь, выпирая плечом, левым, правым или обоими сразу, или выпячивая колено, или ступню, или непомерно разросшийся живот, локти, руки, целиком или частями, или даже голову, откинувшуюся в приступе смеха.

Работникам было плевать на это. В совершенстве владея планом реорганизации, они знали, на что идут.

Там же разместили барную стойку. Места хватило впритык. Ровно столько, чтобы средней комплекции мужчины могли окружить столы и, прижавшись к ним грудью, неподвижно стоять. От перемещений пришлось категорически отказаться. То есть, перемещения не стали совсем невозможны, но, например, чтобы пройти от столика номер семь к барной стойке, между которыми стояли столики пять и двенадцать, следовало гнать с них посетителей в том же направлении, освобождая себе дорогу, и была пара альтернатив, где этим людям рассосаться. Им можно было уйти в сторону свободной половины, выталкивая людей со столиков пятнадцать, девятнадцать и четыре, а можно в сторону выхода, занимая места у столиков семь и двадцать два. И здесь снова оказывалась пара альтернатив: стоняемые со своих столов едоки могли так никуда и не приткнуться, оставшись в свободной половине или на улице, но могли и приткнуться, двигаясь таким образом, чтобы проталкивать дальше еще кого-то, стараясь держаться подальше от зон без столиков - пустой половины и улицы.

Здесь важно отметить, что столики не были закреплены за конкретными посетителями, иначе перемещение стало бы совсем невозможным. Поэтому в определенный момент человек просто хватал свои тарелки и, встроенный в вереницу таких же бедолаг, тащился по лабиринту от столиков к барной стойке или от барной стойки к столикам, пока его не вышвыривало на свободное место, где он мог снова поставить тарелки и продолжить есть.

К описанной модели работники пришли интуитивно, не было произведено ни одного расчета, не поставлено ни одного опыта. Работники даже считали, что вряд ли им удастся воплотить это в жизнь, наоборот, они считали это утопией. Но могло ведь оказаться и не утопией, на что и была сделана ставка. Победил самый нелепый вариант.

Как же поступили с освободившейся половиной помещения? Неужели эти кошмарные преобразования делались только затем, чтобы она осталась свободной?

Конечно, нет.

В освободившейся половине, в дальнем от входа углу устроили гардероб. Скорее, даже не гардероб, сложно подобрать точное выражение. Можно сказать, это была приколоченная к стене доска, из которой торчали гвозди-вешалки.

Предполагалось, что попав в Бутербродную, посетитель протискивался бы между столиками, запуская в движение вереницы и без того постоянно толкающихся едоков, и в какой-то момент оказывался у гардероба, где в спокойной обстановке без нервотрепки мог сдать верхнюю одежду, стоять в которой прижатый к столу и постоянно перемещаться с места на место просто не смог бы, а, может, и смог, но уходить в такие дебри не осталось никаких сил, лучше в следующей главе расскажем про туалет.

[5]

Удобный момент, чтобы представить работников Бутербродной. Их пятеро: четыре женщины и мужчина: миссис Сплюснутая, пани Черепаха, сеньора Добрита, мадам Кашалот и Марио.

Впрочем, разделение на мужчин и женщин довольно условное: барахло, отнесенное к женщинам, не обладало ничем, что отличало бы его от мужчин. Это были унылого вида замарахи с надтреснутым голосом спивающихся подростков. На общем фоне выделялась разве что сеньора Добрита – единственная, в ком присутствовали грация и чистоплотность.

У остальных не было и этого.

Вспомнили про туалет. В бывшей Бутербродной туалета, как такового, не было. Точнее, его не было в помещении Бутербродной, но был сарайчик во дворе. Посетитель, почувствовав что-то, требующее выхода, долго не тянул, понимая, что это дорога в никуда, можно лишиться последнего уважения, он поднимался с изящного кресла, покидал компанию по антикварному столику, и, извинившись перед всеми, направлялся к выходу, где швейцар открывал перед самым его носом дверь, чтобы впотьмах искать сарайчик, залезть в него, ободрав одежду о торчащие гвозди, справить нужду, не обнаружить ничего, что сгодилося бы подтереть зад, отчаяться, убратся обратно, присоединиться к своей компании и остаток вечера шумно втягивать ноздрями воздух, опасаясь учуять худшее.

Таковы реалии бывшей Бутербродной. В новой Бутербродной все обстояло иначе. Новая Бутербродная стала продуктом изнурительного труда оставшихся работников и плана реоргани-

зации месье Жлобеля. В ней не осталось места сарайчику на задворках.

Поэтому между стойками и гардеробом поставили туалет. Миниатюрную туалетную комнату, скорее, даже не комнату, а уличную кабинку, впотьмах, чтобы никто не видел, приволоченную в Бутербродную. Стало не нужным выходить на улицу даже по нужде, все необходимое уже присутствовало внутри.

Но и на этом не остановились. Вспомнив о нелегком положении едоков, вынужденных перебираться с места на место по каждому поводу, работники придумали следующую вещь. На манер канав нечистот сделали углубления в полу и заключили по периметру помещение в эти траншеи. А затем соединили с утилизационным баком в туалете. Потом проделали отверстия в стене, чтобы нечистоты могли покидать Бутербродную в любой момент. Это позволило сэкономить на вывозе отходов. Экскременты сливались во двор, где уж точно никому не помешали бы.

А посетитель, находясь он за столиком у такой канавы, мог больше не думать об изнурительных походах по туалетам. Достаточно было расстегнуть ширинку, в крайнем случае приспустить брюки и вытряхнуть в канаву все, что считал нужным. Такого удобства не было ни в одном заведении.

Канавами и закончили преобразования Бутербродной.

Мы намеренно не рассказали ни о чем, кроме как о зале, в котором только и делают, что раздеваются, испражняются и едят. Но всему свое время. Расскажем и о кухне, и о комнате персонала, и о кабинете месье Жлобеля. Дочитайте хотя бы до этого места.

[6]

Честно говоря, все эти разговоры о нескончаемом потоке голодных, озлобленных, задохшихся в жаровне Бутербродной, посетителей порядком надоели.

Мало того, что большая часть сказанного – бессовестное вранье и преувеличение, так еще фокус внимания смещен на темы, которые за столом не поднимают. Не всем приятно слушать о канавках нечистот, в которые срут, не переставая жевать.

Уму непостижимо, зачем мы об этом рассказали.

Поговорим о чем-нибудь еще.

Основу блюд составили замороженные полуфабрикаты. Большею частью мясные: котлеты, шницели, зразы, бифштексы и прочая мертвечина. Продукты покупалось в магазине просроченных товаров. Всем занимался Марио.

Стоит рассказать о нем чуть подробнее, особое внимание уделив функциональным возможностям.

Первое: рост чуть меньше 120 сантиметров в холке. Рост целиком, или длина тела от пяток до темечка - 150 сантиметров - мало о чем говорит, так как огромная голова только усугубляет визуальный дефект. Ведь Марио - карлик.

Второе: руки, которых, можно считать, и нет. Есть две культи, оставшиеся после операции. Ни кистей, ни, тем более, ладоней.

Третье: короткие ноги. Примерно 40 сантиметров в длину, то есть как голени у среднесложенного мужчины. Собственно, это и есть голени, потому что ноги Марио не сгибаются в коленях, которых вроде как и нет. К тому же мышцы, с этим не поспоришь, мышцы на ногах Марио больше похожи на икроножные, чем на бедренные или какие-то еще.

Таким образом, говоря о Марио, мы имеем в виду обычный мужской торс, из которого торчат обрубки рук сантиметров по пятнадцать каждый, пара сорокасантиметровых голенищ и огромная, непропорциональная телу, голова. Одним словом, мы говорим об уроде.

Перейдем к деталям.

Четвертое: в углах рта у Марио кровоточат никогда не заживающие болячки. Чем их только не мазали подавальщицы, но все без толку, никаких изменений.

Пятое: вши.

Шестое: несколько залысин.

Седьмое: не гнущиеся, изъеденные грибком пальцы на ногах.

Восьмое: с одной стороны рта поверх нижней губы у карлика торчит клык.

Пожалуй, все.

[7]

Однако, вернемся к меню и пополнению запасов продовольствия. Как уже было сказано, пополнением занимался Марио. За

спину ему вешали огромный походный рюкзак, обрубок рук как раз хватало, чтобы тот держался. И отправляли на другой конец города в магазин просроченных продуктов.

Есть еще одна немаловажная деталь. Рост Марио в холке зависел от погоды и времени суток. Наибольшее значение достигалось к полуночи при сырой и ветреной погоде. Однако, из-за слабого здоровья Марио не всегда мог путешествовать в это время. Сырость моментально вызывала насморк, а ветер – стук в ушах.

Поэтому Марио жертвовал благоприятнейшими для роста часом и погодой и уходил за продуктами ближе к рассвету, когда ветер стихал, а сырость уже не так волновала его отоларингологическую систему.

Обычно, правда, ему не давали такой возможности и, не дожидаясь улучшения погоды, отправляли в магазин. Что было более чем странным, потому что речь шла о нескольких сантиметрах: при благоприятных условиях рост Марио составлял сто девятнадцать сантиметров в холке, а при неблагоприятных – сто шестнадцать.

Зато бывало, что и не отправляли.

[8]

Месье Жлобель обычно распоряжался снарядить Марио к полуночи, в это время холка работника парила высоко, и пинком под зад выдворить из Бутербродной с рюкзаком за спиной.

Марио бежал со всех ног, одинаково коротких и слабых, на другой конец города. Транспорт он не пользовался, там его всегда принимали за калеку-попрошайку, которым он работал до Бутербродной, возвращаться к прежнему занятию не хотел. А зайди он в метро, пришлось бы: расточительные пассажиры так любили его, что заваливали обедками и мелочью, наполняя карманы, запазуху и рюкзак, приготовленный для полуфабрикатов.

Марио всегда злился из-за чужой навязчивости, но, будучи невероятно косноязычным, даже не брался объяснять, что не нуждается в деньгах. Карлик бессловесно принимал пожертвования, пока его не ловила милиция или настоящие попрошайки, которых он боялся до кровотечения из культей.

Поэтому Марио не пользовался общественным транспортом. Более того, он старался не останавливаться на улице, иначе его и

здесь принимали за нищего, побирающегося у светофора или толпы на обочине.

Ему повезло, что, если не брать в расчет погоду, высота холки достигала наибольшего значения именно в полночь, когда можно было перебежать улицы хоть на красный свет, не опасаясь быть сбитым нагловатым водителем.

Не повезло в другом. Огромная нагрузка на короткие ноги, перемещавшие тело быстро и без остановок, к тому же на обратном пути прибавлялся вес битком набитого рюкзака, суший ад, после таких вылазок ноги распухали, увеличиваясь в объёме минимум в три раза, под кожей проступали толстые красно-синие вены, и, самое главное, подошвы стачивались от безостановочной беготни, и с каждым разом ноги становились все короче, Марио с ужасом ожидал дня, когда лишится ног окончательно.

Официантки жалели его как ребенка, которого ни у кого из них не было. Да и Марио годился им в отцы. И все равно карлика опекали и после его вылазок мазали больные ноги мазями, каждый раз новыми, которые провоцировали жуткую, ничем не заглушаемую боль, длящуюся неделю, а то и две.

Марио терпел, он вынужден был терпеть, потому что знал, несмотря ни на какую жалость, ни на какое притворство озбоченных его здоровьем официанток, ни одна из них никогда не согласится выполнить его работу хотя бы один раз, сегодня. Все об этом знали.

[9]

Марио ненавидел официанток, всех скопом и каждую отдельно, официантки ненавидели Марио и друг друга, каждая ненавидела Марио и всех официанток, кроме себя, каждая другая официантка ненавидела Марио и остальных, включая первую, кроме себя, каждая еще одна ненавидела Марио и всех официанток, включая первую и вторую, кроме себя, и так до бесконечности или, для наглядности, миссис Сплюснутая ненавидела Марио и всех официанток, кроме себя, то есть, пани Черепяху, сеньору Добриту и мадам Кашалот, пани Черепяха ненавидела Марио и всех официанток, включая миссис Сплюснутую, кроме себя, то есть, миссис Сплюснутую, сеньору Добриту и мадам Кашалот, и так далее до бесконечности, до еще большей наглядности.

[10]

Однажды по распоряжению месье Жлобеля Марио подвергли наказанию. Сейчас уже не вспомнить за что. Важно не это. Важно, что он был заточен на кухне, где уже несколько часов сидел скрюченный под раковиной.

Короткие ноги Марио погоды не делали. Отсутствие коленей не позволяло хоть как-то их согнуть. И все равно Марио согнул свои ноги. Благодаря превосходной природной гибкости, он выпятил их дугой под таким углом, что случайный зритель упал бы в обморок.

Собственно, что еще сказать? Скрючившись в три погибели благодаря ватному туловищу, Марио спокойно помещался под раковиной. Вопросов не возникало. Но он захотел упрочить свое положение, для чего решил склонить голову на бок, прислонив, например, левую щеку к левому плечу или, например, правую щеку к правому плечу или, например, левую щеку к правому плечу или, например, правую щеку к левому плечу, иными словами, еще больше ограничить свою высоту.

Но этот трюк Марио не удался. Дело в том, что у него не было шеи. Голова вращалась по часовой стрелке, против часовой стрелки, но не отклонялась вперед, назад, вправо и влево. Хорошей моделью такого устройства является автомобильный руль, который наделен всей подвижностью головы Марио в той же степени, в которой обделен остальным.

До Марио, до его мандариновой головы эта мысль так и не дошла, и он промучился под раковиной, скрюченный, пытаясь наклонить голову, шесть часов кряду. Пока месье Жлобель не дал распоряжение выгнать его из-под раковины и снарядить в магазин за полуфабрикатами. Потому что наступала полночь и Бутербродная нуждалась в продуктах, а обеды, как их ни экономили, все равно закончились.

Марио выскочил из-под раковины, как только открылась дверца. Одним махом – и он снова на свободе, возбужденно размахивает культиями, на которые тут же набрасывают рюкзак и по традиции пинком под зад выталкивают на улицу.

Что происходило после, можно угадать до секунды, оставим это кретинам. Интересно другое. Пока наш друг отбывал наказа-

ние, через форточку на кухню залетела птица с карикатурно маленькими крыльями, телом и головой, но с большим, просто огромным для такой мелюзги клювом, которым птица издавала звуки, похожие на человеческую речь.

Ошибка Марио заключалась в том, что он постоянно высывал голову из-под раковины. Никак не мог понять, что с ней делать. Потому что все попытки прижать голову к плечу никак не отражались на занимаемом пространстве.

Влетевшая на кухню птица заметила постоянно открывающуюся дверцу под раковиной. Марио придерживался графика 5:25: пять секунд голова снаружи и двадцать пять секунд внутри. Поэтому дверца постоянно скрипела и хлопала. Эти звуки, которых легко можно было избежать, едва не довели птицу до помешательства.

Она села на раковину и, когда Марио в очередной раз высунул голову, клюнула в темечко, рассчитывая, что после этого он перестанет ей докучать. Но Марио этого не понял. Он недоумевал, что произошло с темечком, когда оно высунулось из-под раковины, и испугался, что это повторится и под раковиной.

Поэтому карлик перешел с графика 5:25 на график 5:10: пять секунд голова снаружи и десять секунд внутри. Это привело к тому, что дверца стала скрипеть восемь раз в минуту вместо четырех, стучать четыре раза вместо двух, а птица, в свою очередь, клевала Марио четыре раза в минуту вместо двух.

На скрежет, грохот и стук клюва прибежали официантки-подавальщицы - миссис Сплюснутая и пани Черепаха. Они встали в дверях и наблюдали за происходящим.

Так прошло несколько минут, за которые петли восемнадцать раз скрипнули, дверца девять раз хлопнула, а Марио девять раз получил здоровенным клювом, из-за чего в области темечка образовалась дыра, в которую он незамедлительно засунул указательный палец.

Пришла мадам Кашалот. Протиснувшись между коллегами, она подошла к раковине с намерением как можно сильнее ударить коленом в лоб Марио, когда тот в очередной раз высунется. И что-то сработало в голове курьера, возможно, интуиция или предчувствие страданий, но он перестал показываться из-под раковины, просидев оставшееся время неподвижно.

Когда Марио выпустили и отправили за полуфабрикатами, птица полетела следом. Она сопровождала посланца всю дорогу, следила, чтоб его не надули с количеством котлет, как часто случалось.

Экономя время, Марио не снимал рюкзак, когда загружали продукты, а только вертел головой, пытаясь проследить за укладчиком. Теперь же, когда с Марио была птица, отпала необходимость вертеть головой, вместо этого можно было немного поспать перед изнурительной ночной сменой.

Курьер прислонился плечом к стене, уцепился за занавеску и заснул.

[11]

Но мы отвлечлись, заговорившись о карлике. Все из-за жажды повествования. Хоть карлик и не имеет никакого значения для нашего рассказа, мы все равно написали о нем. Хорошо хоть, не очень много.

Теперь же вернемся к Бутербродной.

Прежде, чем наказали Марио, прежде, чем он оказался под раковинной, произошло одно важное событие, не рассказать о котором было бы свинством с нашей стороны.

После закрытия заведения, но еще до его открытия, или на жаргоне официанток, в ночную смену, кто-то постучал в дверь. Первой услышала стук пани Черепаха.

В этот момент она убирала со столов посуду, снимала скатерти, стряхивала крошки и с помощью большой тряпки, полученной специально для этих нужд, боролась со следами подтеков вина, супа, коктейлей на основе абсента, въедающихся навечно, пота, сальных рук, следов ботинок, крови, растительного, подсолнечного и машинного масел, разбавленных в соке сигаретного ментола, соуса, горчицы, желудочного сока и туалетной воды с ароматом плешки. Пани Черепаха всеми этими подтеками и следами занималась, когда слышала или только подумала, что слышала, или ей показалось, что она только подумала, что слышала, а на самом деле, действительно, слышала, потому что, посмотрев на дверь, вроде бы увидела какие-то тени то ли людей, то ли не людей, потому что люди могли постучать в дверь, но с той же вероятностью кто-то еще или что-то еще тоже могло стук-

нуться о дверь целенаправленно или случайно, может быть, даже изначально случайно, просто задев ее, но потом им или ему пришла в голову мысль и они или он целенаправленно или случайно ушли восвояси или, наоборот, остались, но даже если их не было, что-то все же привлекло внимание пани Черепахи и стоило, наверно, пойти посмотреть, что это было и было ли вообще, стучал кто-нибудь или что-нибудь или их было сразу несколько человек или предметов, ударившихся о дверь, едва ни выломав ее, все-таки нужно было идти.

Весь этот ворох мыслей пронесся в голове пани, она прекратила свое занятие, когда отскребала чьи-то сопли, прилипшие к нижней поверхности стола, и застыла. В таком состоянии Черепаха провела несколько минут.

В зал зашла мадам Кашалот.

- Что встала как дерьмо в толчке? Дело надо делать.

Мадам Кашалот побагровела от возмущения, но пани Черепаха осталась неподвижна. Тогда Кашалот двинулась в ее сторону, распалаясь с каждым шагом так, что к достижению Черепахи, когда до той можно было дотянуться рукой, со всей силы влепила ей пощечину, от лязга ладони по морде задребезжали стекла.

- Что ты стоишь? - проорала ей на ухо Кашалот.

Пани Черепаха вышла, наконец, из оцепенения. Она решила рассказать о произошедшем пять минут назад.

- Я выполняла свою работу по уборке посуды, - начала она, - снятию скатертей, стряхиванию крошек и борьбе с помощью большой тряпки, полученной специально для этих нужд, боролась со следами подтеков вина, супа, коктейлей на основе абсента, въедающихся навечно, пота, сальных рук, следов ботинок, крови, растительного, подсолнечного и машинного масел, разбавленных в соке сигаретного ментола, соуса, горчицы, желудочного сока и туалетной воды с ароматом плешки, я всеми этими подтеками и следами занималась, когда слышала или только подумала, что слышала, или мне показалось, что я только подумала, что слышала, а на самом деле, действительно, слышала, потому что, посмотрев на дверь, вроде бы увидела какие-то тени то ли людей, то ли не людей, потому что люди могли постучать в дверь, но с той же вероятностью кто-то еще или что-то еще тоже могло стукнуться о дверь целенаправленно или случайно, может быть, даже изначально случайно, просто задев ее, но потом им

или ему пришла в голову мысль и они или он целенаправленно или случайно стучали, после чего ушли восвояси или наоборот остались, но даже если их не было, что-то все же привлекло мое внимание и стоило, наверно, пойти посмотреть, что это было и было ли вообще, стучал ли кто-нибудь или что-нибудь или их было сразу несколько человек или предметов, ударившихся о дверь, едва ни выломав ее, все-таки нужно было идти.

Мадам Кашалот залепила пани Черепaxe пощечину по второй щеке.

- Что ты несешь? - от ярости Кашалот заскрежетала зубами, - скажи нормально, что произошло.

В ответ она не услышала ничего. Только тишину, пустую беспросветную тишину, как поэтично.

И вдруг, словно взрыв снаряда в школьном двореке:

- Стучали, - проорала пани Черепaxa, закрыв ладонями раскрасневшиеся щеки.

- Дерьма кусок, - Кашалот прошла от Черепaxи к барной стойке, от возбуждения переворачивая столы, налила себе абсента в пивную кружку и двинулась обратно.

- Дерьма кусок, - повторила она, парой глотков опорожняла стакан в себя. - Кто стучал? Зачем? Сколько их было? - она обернулась и посмотрела на дверь, за которой, действительно, двигалось несколько теней, похожих на человеческие.

- С рук тебе это не сойдет, - мадам Кашалот плеснула остатки абсента Черепaxe в лицо, который едва не выжег той глаза, и пошла открывать дверь.

Три поворота верхнего замка налево, затем один поворот направо и еще два налево, два быстрых поворота нижнего замка направо и один долгий налево, четыре поворота среднего замка в произвольную сторону, но молниеносно, затем несколько, два или пять поворотов верхнего замка в обе стороны поочередно, постепенно снижая скорость, потом снова средний замок, который крутится два поворота налево в обычном режиме, но одновременно нижний крутится раз направо и раз налево с той же скоростью, и уже в конце все три замка поворачиваются в произвольных направлениях девять раз с условием, что верхний и средний вращаются в одном направлении, средний при этом быстро, верхний неважно, с какой скоростью, а нижний замок крутится в другом направлении медленно и как можно неуклюже,

обычно мадам Кашалот вращает его левой ногой, последним штрихом должна стать одновременная остановка всех механизмов, после чего в двери что-то скрежещет так, что мурашки по коже бегут, и дверь открывается.

Эту замысловатую систему придумал месье Жлобель. Уединившись ноябрьским вечером в кладовой с вином, он пробыл там несколько дней, после чего, израсходовав все вино, посвежевший, помолодевший, выбрался на свет с идеей замков.

Кстати, закрывалась дверь еще сложнее, чем открывалась. Поэтому покончим с этим рассказом. Он и так всем надоед.

[12]

Продолжим о работниках Бутербродной. Об их взаимоотношениях с входной дверью.

Мадам Кашалот справлялась с открытием двери лучше всех после месье Жлобеля, закрывала чуть хуже, в этом первенство было у миссис Сплюснутой, здесь следует сказать, что некоторые вообще не умели пользоваться дверью, тот же Марио, хотя и вынужден был постоянно мотаться за продуктами, техникой замков не владел, пани Черепaxa умела закрывать, но не умела открывать, хотя, как уже говорилось, закрыть эти механизмы было гораздо сложнее, чем открыть, сеньора Добрита не умела ни того, ни другого, поэтому к двери не приближалась, сосредоточившись на других занятиях, однако иногда она все-таки оказывалась у двери, простаивая возле нее по несколько часов, после которых могла открыть замки или наоборот закрыть, но могла и не закрыть и не открыть, то есть, простоять все это время впустую, а это явный талант.

Когда об ее таланте узнал месье Жлобель, он сразу же сделал сеньору Добриту заведующей, поставив над остальными работниками, включая и карлика Марио. Или можно написать так: когда об этом узнал месье Жлобель, он сразу же сделал сеньору Добриту заведующей, поставив ее над остальными работниками, а именно над миссис Сплюснутой, пани Черепaxой, мадам Кашалот, включая даже карлика Марио. Это одно и то же.

[13]

Что же видит мадам Кашалот на пороге, открыв все замки? Она видит трех мужчин, описать которых можно так. Роста ниже среднего, чернявые невыразительные лица без каких-либо примет, если не считать грубоватые черты, коротконогие, брюхастые, с заплывшими от пьянства и праздности глазами и синеватой перхотью, одетые в изношенные спецовки темно-желтого оттенка, хромые, с запахом перегара и дешевого табака, с нездоровыми лицами того же оттенка, что спецовки, с трясущимися руками и спадающими кольцами.

- Кто вы и что хотите в такое время? - выпаливает Кашалот.

Ей отвечает один из пришедших. От остальных его отличает разве что более темное по сравнению со спецовкой лицо, в то время как у его товарищей лица светлее спецовок.

- Я и мои коллеги, все мы вокзальные плотники, пришли к вам с другого конца города по приглашению карлика Марио, чтобы поменять окна.

Кашалот зевает, прячет пивную кружку в задний карман.

Приняв это за знак расположения, плотник продолжает.

- Вся работа делится на два этапа: снятие старых окон и установка новых. Наша цель – снять старые окна. После этого другая бригада сможет установить новые.

Мадам Кашалот закрывает пасть после зевка и приглашает мужчин пройти внутрь, где пришедшая в себя пани Черепаха может столы.

- Чтобы приступить к работе, нам нужно узнать, где находятся окна, - говорит плотник.

Кашалот показывает единственное в Бутербродной окно, сунув в его сторону указательный палец. Но прежде, чем плотники успевают отойти на пару шагов, сблевывает им под ноги пол-литра абсента.

- Не обращайтесь внимания, - успокаивает всех Кашалот и удаляется в служебное помещение, прихватив из бара бутылку текилы.

- Вот это баба, - произносит плотник, подталкивая подчиненных к окну.

Нескольких секунд хватает, чтобы выбить раму наружу, где она вдребезги разлетается на щепки и осколки стекла.

- Готово, - похлопывая одной рукой по другой и наоборот, подводит итог прораб. - Ждите другую бригаду, они вставят окно вместо вашей параша, которую мы только что демонтировали.

Пани Черепаха отрывается от соскребания собачьей шерсти и изображает кивок. Выходит хуже некуда, поэтому, отложив грязную тряпку, Черепаха тянет пальцами за уголки губ, растягивая их в подобии улыбки.

Неожиданная клоунада быстро надоедает плотникам.

- Проводите нас на улицу, без посторонней помощи мы все равно не выйдем.

В зал возвращается мадам Кашалот. Отпивая текилу из бутылки, она жестом велит пани Черепахе продолжать работу и сама берется проводить компанию до двери.

- Как скоро ждать другую бригаду? - спрашивает она, когда плотники оказываются на улице. - Как ни крути, сейчас не лето, можно дубу дать от такого мороза, а нам еще посетителей обслуживать.

- Не знаем, - плотники пожимают плечами, поглядывая друг на друга. - Никакой информации.

- Что ж, - машет рукой Кашалот, - спасибо, хоть старое окно выбили, будем надеяться, это ненадолго и скоро у нас будет тепло.

- Мне все равно, на что вы надеетесь, - говорит прораб. - До свидания.

Все прощаются. Едва держащаяся на ногах мадам Кашалот закрывает дверь на три замка, не сделав ни одной ошибки.

- Блестяще, - кричит в восторге пани Черепаха и пару раз хлопает в ладоши.

Мадам Кашалот кланяется, делает несколько глотков из бутылки и мертвецки пьяная валится под ближайший стол.

[14]

Следующий день был просто кошмарным. С самого утра в зал набилось невообразимое количество народу и все заказали одно и то же. Пришлось готовить сорок порций лягушачьей требухи в винном соусе.

Разбудили Марио и спешно отправили за продуктами. В самый час пик. С его-то ногами, не вылеченными с прошлого раза.

Марио понесся на другой конец города, а миссис Сплюснутая приступила к готовке.

Провизии хватило ровно на две порции, которые тут же вынесли в зал и оставили на барной стойке, объявив, что самые нетерпеливые могут взять и их, зато те, кто готов подождать каких-нибудь три минуты, получают блюда поистине президентские, не в пример этому дерьму.

Разумеется, Сплюснутой никто не поверил. Снося все на пути, толкая друг друга, посетители рванули к барной стойке. Чудом удалось сохранить Бутербродную в целости.

Два старика, ближе всех стоявшие к барной стойке, первыми схватили тарелки. Через пару секунд они уже запихнули в себя всю пищу и суматошно жевали посреди развернувшегося конца света. Через полминуты их вышвырнули из Бутербродной, кто кулаками, а кто и ботинками пройдясь по отвратительным старческим физиономиям.

Пусть валяются на улице, упиваясь набитым брюхом, а мы будем ждать президентских блюд в сотни раз лучше этих, которых все равно больше нет.

Посетители разошлись по своим местам и погрузились в ожидание.

А страсти тем временем только накалялись. Подтверждая опасения мадам Кашалот, в дыру на месте выбитого окна вдувало морозный воздух и посетители без верхней одежды, а в верхней одежде они не помещались перед столиками, начали замерзать.

Сначала мерзли немногие, только оказавшиеся у самого окна. Минут через десять мерзнуть стали стоявшие рядом с первыми, у которых уже зуб на зуб не попадал. А еще через десять минут мерзли все в зале: кто-то только начинал мерзнуть, у кого-то зуб на зуб не попадал, а некоторые, самая малочисленная группа, стоящая у окна, с минуты на минуту готовились отдать концы.

Ситуация осложнялась еще и тем, что обещанная еда, после которой можно было надеть, наконец, оставленные в гардеробе куртки и смыться домой, так и не была приготовлена, потому что Марио успел отойти на сущие метры и даже не догадывался, что творилось в оставленном заведении.

Время от времени в зал выходила миссис Сплюснутая предупредить, что приготовление блюд задерживается, но буквально

через пару минут все вынесут. Ответом ей служила отменная брань доведенных до бешенства посетителей.

Появились первые жертвы. Несложно догадаться, кто ими оказался. Разумеется, компания за столиком у окна. Семейство, празднующее день рождения младшей дочери. Пара родителей, три красавицы-дочки и слепая бабушка на костылях. Жертвы обстоятельств омертвели, рухнув под столик почти одновременно.

[15]

Когда произошла трагедия, Марио продвинулся всего на несколько метров.

[16]

Вернемся на несколько часов назад.

Когда в Бутербродную вошли плотники, месье Жлобель спал в кровати матери, мадам Марисоль. Хозяин Бутербродной оказался там, потому что неделю назад мадам Марисоль сломала ногу, избегая к себе на шестой этаж. Каких-то пять ступенек оставалось до двери и такой сюрприз.

Хруст кости слышит весь подъезд.

Но мадам Марисоль не валится с ног, даже если одна сломана. Мадам, как ни в чем не бывало, преодолевает оставшиеся пять ступенек и как вкопанная останавливается у двери. Нужно открыть замок, для чего женщина роется сначала в сумке, а потом во всех карманах. Но безуспешно. Она понимает, что забыла ключи на почтовом ящике, перебирая пришедшую корреспонденцию.

Мадам Марисоль спускается на первый этаж, хватает ключи и поднимается обратно. Ключ в замке, пара поворотов налево, один быстрый направо и еще семнадцать на предельной скорости снова налево, детище месье Жлобеля.

Первые симптомы травмы мадам Марисоль замечает спустя шесть дней. К тому времени нога становится коричневой, распухает, а так как это открытый, а не закрытый перелом, торчащий из ноги обломок кости цепляет любые колготки, какие мадам Марисоль ни надевает.

Первым делом она звонит сыну. Месье Жлобель бросает дела в Бутербродной, тем более, делать ему совершенно нечего, и выезжает к матери. Он не сразу понимает, что торчит у нее из ноги и почему та такого оттенка.

С пару часов Жлобель крутится вокруг ноги, подходя к ней то с одной стороны, то с другой, то перешагивая через другую ногу мадам Марисоль, а то и в прыжке перепрыгивая мадам целиком.

Ближе к ночи сына посещает мысль обратиться к специалистам, и тут же, буквально по телефону, он вызывает врачей.

Дальнейшее не нуждается в подробностях, отметим только самое главное.

Мадам Марисоль госпитализируют, врачи ставят диагноз: гангрена. Решают тут же ампутировать ногу, но вмешивается месье Жлобель.

Он не может оставить мать одну, он хочет непременно сидеть рядом и наблюдать за врачами. Но одно обстоятельство этому мешает: у Жлобеля слипаются глаза, ему нужно поспать.

- Оперировать будете утром, - говорит он врачам и выбегает из приемного покоя.

Месье Жлобель решает спать в кровати матери, потому что она ближе к больнице, чем его кровать в Бутербродной. Рационалист до мозга костей.

Он спит очень долго, не меньше двенадцати часов. Пропускает первый автобус, открытие метро и открытие Бутербродной. Месье Жлобель поднимается с кровати одновременно с падением под столик замерзшей семьи, ждущей заказ в его заведении.

Жлобель идет в ванную комнату, умывается, чистит зубы, быстро перекусывает тем, что находит в холодильнике, какой-то жуткой хренотенью для нищих старух, и отправляется в больницу.

Прекрасная солнечная погода и не слишком холодно. Месье Жлобелю хочется пройтись до больницы пешком.

Когда он появляется в приемном покое, медсестры мечутся из угла в угол, доктора нервничают с испариной на лбу.

- Наконец-то, - выпаливает один из них, увидев Жлобеля в коридоре. – За ночь гангрена расплзлась по всей ноге, придется ампутировать целиком.

Месье Жлобель пожимает плечами.

- Действуйте, как считаете нужным, - говорит он. - Полноги или целая – какая разница.

Медсестры перекладывают мадам Марисоль в коляску и, выхватывая ручки друг у друга, увозят в операционную.

- Одну минуту, - вмешивается Жлобель. - Мне нужно еще кое-что уточнить, без меня не начинайте, - и пулей вылетает на улицу.

Ловит такси, называет адрес матери, через пять минут он на месте. Поднимается на шестой этаж. Вот он уже внутри, в руках сантиметр, который Жлобель поднимает над головой и измеряет длину антресолей между прихожей и кухней.

Мужчина записывает результат в блокнот и выбегает из квартиры. Внизу его ждет та же машина с тем же водителем.

- Обратно, - рывкает он и таксист послушно возвращает машину к больнице.

Жлобель врывается в операционную с раскрытым блокнотом.

- Мы только вас и ждем, - приветствует его главный врач.

- Вот, - Жлобель протягивает доктору блокнот. - Это должно остаться от моей матери после ампутации.

Врачи и медсестры окружают их, пытаясь увидеть, что написано в блокноте.

- Это в сантиметрах или в граммах? - интересуется главный врач.

У Жлобеля киснет мина.

- Обойдемся без ваших шуток.

Главный врач берет у месье сантиметр и измеряет длину женщины от макушки до низа живота.

- Как раз, - кричит он и подбегает к Жлобелю с намерением обнять его. – С точностью до миллиметра. Жлобель, вы гений, именно здесь и нужно резать.

- Но как быть со второй ногой? - спрашивает медсестра.

Главный врач в ожидании смотрит на месье Жлобеля.

- Режьте и вторую, - неряшливо бросает Жлобель. - Пусть это вас не беспокоит.

Доктора тут же пускают в дело инструменты и со скоростью пильщиков лишают мадам Марисоль обеих ног.

- Готово, - кричит главный врач, на выдохе сбрасывая халат.

- Получилось превосходно.

Главный врач ищет глазами месье Жлобеля, но тот вышел из операционной в туалет.

- Все совпало, - воодушевленно говорит доктор, показывая медсестрам, чтоб увозили мадам.

- Так точно все просчитать, - восторженно орет он, оставшись один в операционной, - Гениально, как пеньюар Афродиты.

И падает замертво от переизбытка чувств.

[17]

А теперь снова перенесемся в Бутербродную.

Когда мадам Марисоль, все еще под наркозом, но уже без ног, вывезли из операционной, посетители в зале совсем распоясались и без стеснения требовали требуху в винном соусе. Тем временем Марио покрыл на коротких ножках порядочное расстояние, хотя и совершенный пустяк по сравнению со всем путем.

Посетители бесновались, предчувствовали, что скоро подохнут, все до единого, от мала до велика, кто раньше кто позже, заломив руки, вывернув шеи, выпучив глаза, скрючив ноги, на спине или на брюхе, улыбаясь, недоумевая, обливаясь потом, слюной, соплями или слезами, как-нибудь или кое-как, без разбору, через пять минут, минуту или пару секунд, если так ничего и не произойдет, рухнут и примерзнут к полу, женщинами и уже на них мужчинами, мужчинами и уже на них женщинами, детьми на женщинах, мужчинами поверх детей вперемешку с женщинами, частично под детьми с притащенными сюда же кошками, не большими собачками, своими или чужими, бездомными, выпрошенными или украденными у друзей или соседей, чтобы кто-нибудь составил им компанию.

Ужаснулись такой перспективе.

Чтобы согреться, люди начали кричать друг на друга, плевать на пол, толкаться, переворачивать столы, швыряться тарелками. Горы осколков дешевой, неудобной, бракованной посуды.

Откуда-нибудь доносился чей-то вопль, люди останавливались посмотреть на очередного беднягу с торчащим из лица осколком тарелки, а потом возвращались к крикам, плевкам, толчкам, крушению мебели и швырянию тарелок. Каждый волен изуродовать симпатичную мордашку, свою или чужую – без разни-

цы, продырявить щеку, порвать ухо или лишить глаза, чем только ни занимались, дабы забыть про холод.

Грохот столов и звон бьющихся тарелок разбудили мадам Кашалот. Уснувшая несколько часов назад прямо в одежде, она и сейчас была в ней. Кашалот поднялась с головной болью после вчерашних возлияний, пива, абсента, текилы, черт знает чего еще, и немедленно отправилась в зал.

На кухне Кашалот обнаружила забившуюся под стол дрожжащую миссис Сплюснутую.

- Сейчас они ворвутся сюда, - лепетала та. – Мадам, нам крышка.

Не проронив ни слова, Кашалот вышла из кухни и двинулась дальше.

Вот она и в зале. Не верит своим глазам. Столько труда понадобилось, чтобы привести в порядок помещение, столько сил угробить, наблюдая за бестолковой пани Черепахой, ничего не желающей делать без упреков и затрещин, и все насмарку, эти прожорливые кретины перебили все вокруг, исцарапали столы, елозя ими по полу, повсюду обломки, осколки, кровь, слюна, сопля, фекалии.

- Прекратите, - рявкнула мадам Кашалот, оглушив увлекшихся гостей поистине заворачивающими возможностями голосовых связок.

Все замерли, только несколько доходяг в углах зала стонали, готовые подохнуть с минуты на минуту.

- Мудаки, что вы здесь устроили? - закричала Кашалот, обводя Бутербродную взглядом.

Посетители не знали куда деться, стыдоба, готовы были под землю провалиться. Сплошь отцы семейств, достойные члены общества, чиновники префектуры, предприниматели, работники культуры и образования, кого только не было среди этого сброда с изрезанными лицами в изодранном рванье выходных костюмов.

- Нищebroды, клошары, прыщеды. Научитесь вести себя в приличном месте, а потом высывайтесь – не наоборот, - не унималась мадам Кашалот.

Мужчины спешно застегивали одежду, по крайней мере те, у кого остались молнии или пуговицы. Женщины поправляли задранные юбки, съехавшее белье, булавками скрепляли порван-

ную одежду, некоторые достали зеркальца и занялись макияжем, скрывая подтеки крови и набухшие гематомы.

[18]

Ярость мадам Кашалот пошла на убыль. Удивленная неожиданной тишиной, из кухни пришла миссис Сплюснутая.

Кашалот сразу же спросила ее, почему у посетителей нет еды, те как раз ставили столики и ногами сгребали мусор в небольшие кучки, которые затем заталкивали под очокурившихся товарищей.

- Или всю еду они побросали друг в друга? - добавила мадам Кашалот.

- Нет, - начала миссис Сплюснутая. - Без еды, потому что все заказали одно и то же - какую-то лягушачью требуху в винном соусе, которой у нас отродясь никто не ел и запасов мы не держали.

- Где Марио? - рявкнула старшая, изменившись в лице.

- Я отправила его за лягушками.

- Ладно, - Кашалот снисходительно кивнула, и тут же, не прошло и секунды, влепила миссис Сплюснутой головосносящую пощечину.

Мадам вообще любила пощечины, заслуженные или беспричинные, сбивающие с ног или едва ощутимые, оглушительно звенящие или почти неслышные, размашистые или исподтишка, филигранно техничные или до тошноты неуклюжие, остервенело злые или почти любовные, картинные или неряшливые – мадам любила все виды пощечин.

Сплюснутая, рыдая, убежала в кухню, а мадам Кашалот повернулась к посетителям и объявила, что сейчас им принесут пищу. Со стороны посетителей послышалось недовольное ворчание, тут же вспомнили про дыру в стене, кто-то заговорил о морозе.

Старшая официантка посмотрела на дыру.

- Бессовестные фигляры, - чуть слышно прошипела она. - Говорили, что сделают, а сами ни черта не сделали. Теперь эти болваны будут мерзнуть и мычать как коровы.

Мадам Кашалот вышла из зала. Миссис Сплюснутая рыдала за столом, обхватив голову руками, но, как только Кашалот показалась в дверях, вскочила, уголками глаз вобрав слезы обратно.

- Приготовь заказы не из лягушачьей требухи, а из прикорма, - распорядилась Кашалот.

Следует сказать, что на жаргоне работников Бутербродной прикормом называли мясо животных, запрещенных к употреблению в пищу Санитарной службой. В основном это было мясо собак, кошек и мышей.

Завсегдатаи без труда определили бы нарушение, подай, например, шницель из кошатины, и тут же заявили бы в Санитарную службу. А со шницелем из кошатины, которая всю жизнь питалась мышатиной пришлось бы повозиться, сто раз подумать, прежде чем заявлять куда-нибудь. Потому что вкус кошатины совершенно не похож на вкус кошатины, всю жизнь питавшейся мышатиной. Ничего общего.

Это - опытный факт, установленный месье Жлобелем, только что лишившим мать обеих ног и части туловища, и введенный им в обиход Бутербродной.

- Экономия набьет мои карманы монетами, - говорит Жлобель.

Сказав А, пройдемся уж по всему алфавиту. Мы имеем в виду сорта прикорма, которых ровно три. Градация по невыносимости вкуса.

Третий сорт – мышатина, всю жизнь питавшаяся другой мышатиной. Как обнаружилось, имеет мало общего с обычной мышатиной, хотя и тошнотворна до обморока.

Второй сорт – кошатина, всю жизнь питавшаяся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной. Гораздо съедобнее, но все равно не очень. До колiek в желудке.

И первый сорт. Вкуснее среди прикорма ничего не придумали. Это собачатина, всю жизнь питавшаяся кошатиной, всю жизнь питавшейся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной. Пальчики оближете, а потом сдохнете.

[19]

Наконец-то. Озябшим доходягам выносят еду. С инеем на лицах они приступают. В левой руке вилка, в правой нож, или в

левой руке нож, в правой вилка, или в правой руке вилка, в левой нож, или в правой руке нож, в левой вилка, опустим подробности.

Едва приведшие себя в порядок, в наспех заштопанном рванье, замаранные плевками, кровью и грязью из-под ботинок только что с улицы, депутаты, профессора, коммерсанты, многодетные отцы с дурнушками-женами и крохотными, невзрачными, убогими, смердящими детьми, директора школ, адвокаты, члены местного самоуправления, весь этот галдящий зверинец оказывается вдруг перед тарелками с едой.

Каждый за своим столиком, прижатый сзади и с боков спинами и локтями соседей, а спереди столиком, как сардина в банке. От предвкушения из носа начинает идти кровь, одежда промокает холодным потом и обрастает ледяной коркой.

Но главное все же в другом. Главное уже стоит перед ними – горячая еда на обрывке газеты, потому что посуду всю перебили. Вилка и нож в руках. Можно приступать.

Многие и приступают. Под видом лягушачьей требухи в винном соусе в рот попадает прикорм, для отвода глаз запеченный в дешевом портвейне.

Блестяще приготовленные блюда: первосортная собачатина, всю жизнь питавшаяся кошатиной, всю жизнь питавшейся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной, второсортная кошатина, всю жизнь питавшаяся мышатиной, всю жизнь питавшейся другой мышатиной, третьесортная мышатина, всю жизнь питавшаяся другой мышатиной.

- Подавитесь своей жратвой, - миссис Сплюснутая швыряет порции в физиономии гостей и уже оттуда прикорм попадает на столы.

Что начинается. Вилки лязгают о ножи, ножи в считанные мгновения распиливают жесткое собачье, кошачье или мышье мясо, а вместе с ним обрывки газет и крышки столиков, беспрепятственные тычки локтями, ругань, оглушительное жевание, вывихнутые челюсти, откусанные языки, смакование каждого кусочка, вымоченного в портвейне, годном разве что мыть ноги перед сном, алчные взгляды на соседские обрывки газет, жующие рты и чьи-нибудь полные благодарности глаза.

Под шелканье глоток в Бутербродной появляется месье Жлобель. С фальшивой улыбкой, напмаженными волосами, хо-

рошо выпавшийся, удовлетворенный, в дорогом костюме под еще более дорогим пальто.

Жлобель заходит в зал и, насколько возможно, сторонясь посетителей, пробирается к барной стойке, оказавшись у нее, поворачивает на девяносто градусов, чтобы теперь идти вдоль бара, после чего, выбравшись из этого чавкающего сортира, исчезает в служебном помещении.

Хозяин Бутербродной заходит в свой кабинет, заваленный пустыми, почти пустыми, скорее пустыми, достаточно пустыми, полупустыми, никакими, наполовину полными, достаточно полными, скорее полными, почти полными и полными бутылками с разнообразным пойлом. И запирается.

[20]

Как видите, все хорошо закончилось. А как начиналось: дыра в стене, жуткий мороз, ярость посетителей, убийства, угрозы. И тем не менее. Есть нюансы, но что о них говорить. Расскажем только о двух.

Первый.

Когда подали пищу, юноша довольно привередливого вида не торопился запихать ее в рот, а некоторое время тыкал вилкой, оценивая качество блюда. Затем юноша подозвал официантку и сказал ей примерно следующее.

Он сказал:

- Миссис, прежде, чем сделать заказ в вашем заведении, я внимательно изучил меню. Я делаю так всегда. Меня заинтересовало блюдо под номером 47: лягушачья требуха в винном соусе. Затем из раздела примечаний я узнал, что в приготовлении мясных блюд, не отмеченных звездочкой, используются только молодые животные. Я вернулся к позиции 47, звездочки не было. Из чего я заключил, что блюдо мне подходит. Я подозвал официантку, это были вы, и сделал заказ. Но теперь, когда блюдо здесь, меня волнует вопрос, кто подтвердит, насколько участвующие в приготовлении лягушки были молоды?

Миссис Сплюснутая плюнула ему в глаза.

И второй.

Когда подали пищу, старуха довольно привередливого вида не торопилась запихать ее в рот, а некоторое время тыкала вил-

кой, оценивая качество блюда. Затем старуха подозвала официантку и сказала ей примерно следующее.

Она сказала:

- Миссис, прежде, чем сделать заказ в вашем заведении, я внимательно изучила меню. Я делаю так всегда. Меня заинтересовало блюдо под номером 047: лягушачья требуха в винном соусе. Затем из раздела примечаний я узнала, что в приготовлении мясных блюд, не отмеченных звездочкой, используются только молодые животные. Я вернулась к позиции 047, звездочки не было. Из чего я заключила, что блюдо мне подходит. Я подозвала официантку, это были вы, и сделала заказ. Но теперь, когда блюдо здесь, меня волнует, почему от него несет как от моего супруга.

Миссис Сплюснутая ответила ей так.

Она сказала:

- Я уж не говорю, как несет от вас, мэм.

И тут же заплывала глаза старухи.

[21]

Давно не слышно о сеньоре Добрите. Где она? С кем? Зачем?

Вспомнили.

Любовная история. Замешаны двое: сеньора Добрита и карлик Марио. Какая неожиданность, обрубков способен на любовь. Смешнее не придумаешь.

Так вот, все происходило тайно. Добрита и Марио встречались пару раз в месяц, пока официантка не обезумела от таких отношений и не покинула Бутербродную навсегда.

Что же сделал Марио? Он не бросился ее разыскивать, не сообщил властям о пропавшем человеке, словом ни с кем не обмолвился. Не желал впутывать в отношения кого-то еще.

- Такова жизнь, - думал карлик с рюкзаком подтекающих полуфабрикатов за спиной.

Буквально через месяц после исчезновения, никто, кстати, так и не обратил на это внимания, Марио возвращался в Бутербродную. Как обычно его тянул к земле рюкзак, карлик хотел где-нибудь присесть, лучше даже прилечь. Он хотел есть, пить, ссать и любви.

Но курьеру удалось реализовать только одно желание. На горизонте маячило одинокое дерево, к которому он и устремился.

Через каких-то пять-десять-тридцать-девять минут, в темноте время течет незаметно, Марио уже стоял под деревом. Его внимание привлекли три предмета. Он поочередно помочился на каждый. А после того как застегнул ширинку, решил изучить, что это за предметы.

Ими оказались три мертвые вороны. Марио поднял одну и поднес к лицу, зрение у него ни к черту, только так и можно было увидеть подробности. Ворона как ворона: внешний вид, размер, густота перьев, плотность клюва, запах и вкус – все соответствовало общепринятым представлениям.

После первой вороны Марио изучил так же вторую и третью. Обе оказались идентичны первой. За исключением одного момента. В клюве третьей вороны карлик нашел записку.

Вернее, вначале он подумал, что это просто какая-то бумажка: обрывок газеты, салфетка или этикетка от бутылки, только развернув ее, Марио понял, что в правой руке он держит ворону, а в левой записку.

Предлагалось позвонить по одному телефону.

Подходя к Бутербродной, Марио понял, что речь идет о сеньоре Добрите. О чем еще могли рассказать по телефону.

Сдав продукты пани Черепaxe, расписавшись в ведомости, карлик отправился в свою комнату. Ему полагалось несколько часов отдыха. Марио хотел спать, но прежде решил позвонить по телефону из вороньего клюва.

Трубку взяла сеньора Добрита.

Марио представился.

На другом конце послышался голос. Голос принадлежал сеньоре Добрите.

Сеньора Добрита сказала Марио, что скучала по нему.

Марио сказал, что узнал ее голос.

Марио сказал, что нашел записку в клюве птицы.

Сеньора Добрита сказала, что хочет встретиться с Марио.

Сеньора Добрита сказала, что она скучала по нему.

Марио сказал, что очень хочет спать.

Марио сказал, что тоже хочет встретиться с миссис Добритой.

Марио сказал, что тоже скучал.

Сеньора Добрита сказала, что хочет встретиться сегодня в полдень на площади Канатоходцев.

Сеньора Добрита сказала, что целует Марио и сторает от предчувствия его увидеть.

Марио сказал, что очень соскучился и очень хочет спать.

Марио сказал, что целует сеньору Добриту в разные места и отправляется спать.

Марио сказал, что в полдень ему никак не быть на площади Канатоходцев.

Марио бессвязно что-то пробубнил в трубку.

Марио сказал, что целует сеньору Добриту в разные места и очень хочет спать.

Марио сказал, что очень хочет спать и встретится с сеньорой Добритой на площади Канатоходцев.

Марио положил трубку.

Сеньора Добрита положила трубку.

[22]

Проснувшись, Марио первым делом посмотрел на часы. Имея пятнадцатисантиметровые культи вместо полноценных рук, он носил часы на ноге. Где еще ему было носить?

Оставалось два с половиной часа до встречи с сеньорой Добритой. Ровно столько, сколько понадобится на дорогу до площади Канатоходцев.

Марио вскочил с кровати, собственно, даже не вскочил, а еле поднялся: когда он лежал дольше десяти минут на одном боку, внутренности переваливались в ту половину, которой он казался лежанки, то есть половина туловища оставалась пустой. Из-за этой пустоты Марио и не мог вскочить, только с трудом подняться, скрепя костями, сжав зубы, шумно вдыхая воздух через обе ноздри. Да.

Итак, Марио все-таки поднимается с кровати. Вот он уже на ногах. Еще раз смотрит на часы, согнувшись в три погибели. Нужно идти.

Опустим рассказ о путешествии на площадь Канатоходцев.

Когда Марио пришел, сеньоры Добриты еще не было. Он двадцать минут топтался вокруг памятника Канатоходцам с глуповатой улыбкой предвкушения. Возлюбленная так и не появи-

лась, когда сзади к нему подошла незнакомая девушка. Ради условности назовем ее донной Хрикич.

Девушка провела рукой по плечу Марио, он обернулся все с той же улыбкой. Хрикич не смутилась. Сделав пару комплиментов, она рассказала, что покупает мужу куртку, но не знает ни размера, ни вообще ничего, а Марио так напоминает ее мужа, они почти не различимы, и она просит его пройти в магазин и примерить курточку.

Карлик, разумеется, отказался, объяснив это занятостью.

- Но как же так? - удивилась девушка. - Вы уже полчаса мааетесь у памятника Канатоходцам, не зная, чем заняться.

- Это так, - согласился Марио, - просто я жду невесту, с минуты на минуту она должна прийти.

Тогда Хрикич предложила принести куртку из магазина, чтобы мерзкий карлик примерил ее, не сходя с места.

- Прямо здесь? Без зеркала? - заволновался Марио.

- А то, - ухмыльнулась донна Хрикич, - вам оно и не понадобится.

Марио вынужден был согласиться.

Девушка сразу же попросила и его куртку, утверждая, что это облегчит поиск нужного размера.

- Здесь так холодно, - сказал Марио.

- Я дам вам ватный платок!!! - успокоила его девушка.

Она сняла с себя огромный белый платок и накинула его на карличьи плечи. А потом вместе с курткой исчезла в магазине с краю площади.

Сеньора Добрита появилась только затем, чтобы увидеть возлюбленного в непотребном виде.

- Без букета, - подумала она. - Этот Марио, он как заноза в сердце, вечно с ним что-нибудь не так. А ведь я просила, намекала сотню раз, пока толстокожий карлик соизволил понять, о чем речь.

Доведшая себя до бешенства сеньора понеслась через всю площадь, чтобы влить возлюбленному олуху звонкую пощечину. Оглушительную. При всех.

Но ее опередила другая.

Рядом с олухом стала крутиться какая-то незнакомка. Они заулыбались друг другу, и сеньоре Добрите даже показалось, незаметно поцеловались. Так падал свет в тот момент.

Незнакомка сняла с олуха, ее жениха, нелепый платок и могла надеть какой-то предмет одежды.

- Подарила ему новую куртку, - подумала Добрита.

Сердце бывшей официантки разорвалось на кучки. Ноги безвольно согнулись в коленях. И она как попало повалилась на асфальт.

Никто не обратил внимания. Только наемный работник, перевозящий цветы с места на место, посмотрел в сторону свалившейся вдруг сеньоры, чтобы не задеть тележкой. Переднее колесо нырнуло в выбоину, тележка наклонилась, с нее слетели вазы, и с ног до головы женщину окатило холодной водой.

Добрита села на асфальте, мокрая, с прилипшими к коже лепестками. А площадь сложилась пополам от хохота. Так смешно, даже наемный работник забыл про цветы и сам едва не взорвался от хохота.

По щеке сеньоры Добриты поползли слезы. Она смотрела на смеющихся Марио с донной Хрикич.

- Как глупо, - подумала она.

[23]

А теперь немного успокоимся.

Забудьте мешанину, которую вам сдабривали все это время, наберите больше воздуха в легкие и медленно досчитайте до двадцати пяти. Это - эксперимент, после которого вы окажетесь в комнате пани Черепахи, у которой, я имею в виду пани Черепаху, сегодня выходной.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, вы в комнате Черепахи.

Крохотная, полтора на два метра, кладовка с низким потолком, едва хватает, чтобы сидеть на стуле, склонив голову над книгой. К счастью, Черепаха еще в молодости испортила зрение и читает, поднеся разворот вплотную к лицу.

Минимум мебели, только самое необходимое: половинка матраса, откидная полка, служащая столом, и пуфик на колеси-

ках, используемый еще и в качестве шкафа, в нем пани Черепаха держит свои пожитки.

Комнатка освещается лампочкой, свисающей с потолка на коротком проводе, чтобы не занимать центр помещения. С лампочкой связана забавная история. Сейчас мы ее расскажем.

Однажды в гости к пани пришел Марио. Он был сильно голоден, потому что в те времена месье Жлобель практиковал наказание лишением пищи, в чем быстро разуверился: стали пропадать продукты.

Марио изворачивался как мог, намекая сотруднице, что неплохо бы выложить съестное на стол, даже если это откидная полка. Ничего не добившись, озлобленный до синевы на губах, разочарованный в пани, Марио решился на грубость.

Он стал в центр комнаты, для этого достаточно было просто встать с пуфика, поднялся на цыпочках и обхватил губами лампочку.

Разумеется, она тут же застряла у него во рту.

Не в силах что-либо сделать, Марио вынужден был стоять, приподнявшись, насколько это позволяли короткие ноги, можно сказать, до упора, с задранной головой и лампочкой во рту.

Это продлилось несколько часов, пока пани Черепаха бегала по Бутербродной, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы ей помочь.

О происшествии узнал месье Жлобель. Исполненный любопытством, он незаметно подобрался к комнатке пани Черепахи, открыл дверь, рука инстинктивно нащупала выключатель. Жлобель нажал кнопку, мгновенная вспышка, Марио с выкатившимися от ужаса глазами вырвал лампочку вместе с патроном и выбежал из комнаты, грубо оттолкнув хозяина.

Уже после, когда его удалось поймать и кое-как привести в чувство, Марио отвезли в клинику, где студент-хирург вытащил из его рта посторонний предмет. Нехитрым движением студент вывихнул Марио челюсть, вынул лампочку и вправил челюсть обратно.

Всего-то. Но поясним, что стоит за этими словами: часы мучений, в течение которых пациенту был нанесен вред, меркнувший перед самой болезнью. Все из-за того, что студент-хирург неправильно запомнил, чему его учили, и сделал все неправильно, как бог на душу положил. Не будем об этом.

Однако, все хорошо закончилось. Заново родившегося Марио в предобморочном состоянии доставили в Бутербродную как раз к началу его смены. Миссис Сплюснутая окатила работника ведром воды, карлика наспех переодели (только верхнюю одежду), и ровно в полночь, как всегда и происходило, отправили за продуктами традиционным пинком по зад.

[24]

Пани Черепаха спит на половинке матраса, у нее есть еще полтора часа на это. А вы заглядываете в ее пуфик. Смотрите, что она в нем держит.

По сути, это полностью раскрывает человека, сдирает шелуху, ужимки, недоговорки, секреты, макияж. Заглядывая в пуфик, вы видите человека насквозь. Таким, каким он и сам себя редко видит.

Что же вы находите в пуфике пани Черепахи?

А вот что.

Фотографии детства и юности, более поздние фотографии тоже присутствуют, но их гораздо меньше. Все вместе занимают шестую часть пуфика.

Коробочку с драгоценностями, которые Черепаха не носит, даже боится лишний раз вынуть. Иногда, когда у пани нет настроения, она открывает коробочку и проводит подушечками пальцев по украшениям, избавляясь от дурных мыслей. Драгоценности занимают десятую часть пуфика.

Кожаные сапоги, подаренные Черепахе. Негодные для носки, потому что на четыре размера меньше. Третью пуфика.

Чистый комплект нижнего белья. Всего комплектов два. Один на пани – грязный, и один здесь – чистый. Комплекты постоянно чередуются. Восьмая часть пуфика.

Два обломка музыкальной пластинки. Если их сложить нужным образом, получится целая пластинка. Сороковая часть пуфика.

Зимние перчатки, кожаные снаружи и меховые внутри. Одна двадцатая.

Оставшееся пространство занимают мандариновая кожура и шоколадные конфеты, которыми пани защищается от моли.

Пока пани Черепаха не проснулась, а у нее крохотный моче-вой пузырь и беднягу кондрашка хватит, заметь она кого-нибудь в своей комнате, вернемся к жизни, досчитав до одного.

Двадцать пять, двадцать четыре, двадцать три, двадцать два, двадцать один, двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать, шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать, тринадцать, двенадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, вернулись.

[25]

Продолжим, чем еще заниматься, в самом деле, мастурбация спасает только на некоторое время, потом все те же трудности, черканем еще пару страниц.

Хотелось бы подробнее рассказать о месяе Жлобеле. Этом беспардонном хаме, чудом выбившемся в люди. Человеке, не испытавшем в жизни ни одного разочарования. Его жизненный путь сопровождался сплошными победами.

Бутербродная – единственное, чем Жлобель занимался в течение тридцати четырех лет, и какой успех.

Человек легчайшей судьбы. Никогда ему не приходилось рано вставать, выкручиваться, выбирать из одинаково плохих или одинаково хороших вариантов, заниматься физическим трудом, улыбаться через силу, проявлять характер, спешить, плакать или голодать. Всего этого он с легкостью избегал.

Непринужденный вид – вот главное, в чем заключается обаяние Жлобеля.

Всегда свежее, удовлетворенное, дружелюбное лицо, ни намека на напряжение или тяжелую мысль, только улыбка олигофрена. В таком виде месяе скакал по жизни, пока к тридцати четырем годам не натолкнулся на следующее.

В жизнь месяе Жлобеля ворвался смысл – Жлобель влюбился.

Вероятно, это произошло, когда мадам Марисоль делали операцию, между ампутацией левой и правой ноги.

Лицо хозяина Бутербродной стало вдруг синеть, затем зеленеть, желтеть. Затем лицо Жлобеля стало чернеть, стало белеть, краснеть, затем снова зеленеть, розоветь, сереть, стало вдруг лиловеть, затем бирюзоветь, коричневеть и приняло еще массу от-

тенков, которые не стоит здесь перечислять, хотя какие-то все же перечислим, правда, не сейчас, а когда займемся начинками блинов, обещанными ранее.

Что произошло с месье Жлобелем, из-за чего его физиономия стала менять цвет? Может быть, он кого-то увидел? Что-то увидел?

Нет.

Жлобель не увидел никого. И ничего. Решительно никого и ничего. В этом несложно убедиться, потому что в тот момент, когда лицо стало менять цвет, он находился в туалетной кабинке, в которой, кроме него, унитаза и рулона бумаги, ничего больше не помещалось.

Известно, что при мочеиспускании у месье дергался левый глаз. Вернее, глаз дергался все время, но при мочеиспускании достигался апогей интенсивности.

Также отметим, что левый глаз Жлобеля не являлся глазом в общеупотребимом значении. Это был, можно сказать, протез, вставленный сразу после рождения, потому что из чрева мадам Марисоль на свет вылез не обычный младенец, а младенец без одного глаза.

И вот, с протезом, едва не вываливающимся из глазницы, Жлобель влюбляется и меняет цвет лица, в чем, правда, не отдает себе отчета. Что забавно, предметом вожделения становится карлик Марио, которого Жлобель видел пару раз за всю жизнь. Но именно образ невзрачного Марио всплыл в памяти Жлобеля, когда он мочился в унитаз.

Такое с месье случилось впервые.

[26]

Как известно, после операции мадам Марисоль, Жлобель вернулся в Бутербродную. После чего заперся в своем кабинете с запасом вина и пробыл там до полудня следующего дня.

Как же развернулись события после того, как Жлобель вышел наружу? Встретился ли он с карликом? Добился ли ответных чувств?

Нет.

Нет.

Но нет и нет - не в смысле не встретился и не добился, это нелепо в таком крохотном заведении, а нет и нет - в смысле не все развивается так быстро, как нам бы хотелось.

Придется смириться и подождать.

Потому что когда Жлобель покинул кабинет, Марио еще не вернулся из продуктового ларька, что несколько странно, ведь обычно он возвращался через восемь часов, именно столько требовалось на дорогу туда и обратно.

Но месье Жлобель и не собирался встречаться с Марио. Он даже не знал, кто это такой. Не всех работников хозяин знает в лицо. Месье влюбился в образ, всплывший перед унитазом, не обязательно было знать, чей это образ.

Жлобель вышел на улицу подышать свежим воздухом. Время от времени он так делал, потому что в Бутербродной всегда чем-нибудь воняло: блинами, пирогами, пирожками, тортами, несвежей рыбой, лягушачьей требухой, арбузными корками, бутербродами, супом, кашей, спермой, косметикой, гнилым бельем и особенно чьей-нибудь обувью.

Впервые в жизни на глазах Жлобеля распустился цветок. Это был подснежник, показавшийся из помоев.

- Зима уступает место весне, - подумал месье.

Жлобель обернулся, не смотрят ли на него. И убедившись, что он один, упал на колени вдохнуть аромат цветка. Но подснежник ничем не пах. Это немного разочаровало Жлобеля, но он все равно сорвал первоцвет в расчете подарить возлюбленному, если когда-нибудь его встретит.

- Лишь бы это произошло, когда маман хоть немного оклемается, - Жлобель мечтательно задрал голову и уперся взглядом в небо.

Страдать от двух столь сильных переживаний, любви и еще одной любви, к этому вечный везунчик не был готов.

Влюбленный сложил цветок несколько раз и убрал в нагрудный карман. Вернее, он сначала убрал растение в нагрудный карман, но потом вытащил его и переложил в ширинку.

- Подарю, как только появится такая возможность.

Отлил за мусорным контейнером и вернулся в Бутербродную. Важная деталь: когда месье застегивал ширинку, цветок выпал и упал в лужу свежей мочи. Жлобель, потомственный француз, предпочел этого не заметить.

Он оказался в Бутербродной. Полупьяные завсегдатаи одобрительно хлопали его по спине, поздравляя с приходом весны. Месье Жлобель был так увлечен своим чувством, что не обращал на их фамильярность никакого внимания.

Молча улыбаясь, он прошел в кабинет и продолжил дегустацию вина.

[27]

Эту главу мы назовем так. Безудержная красота ног мадам Марисоль. Прекрасное начало.

Ненадолго вернемся к мадам Марисоль. Благо, это не так утомительно, как разбираться в устройстве Бутербродной. Оставим месье Жлобеля дегустировать Чебоксарские вина, мысленно приделаем великолепные ноги обратно к туловищу Марисоль и посмотрим, что получилось.

Когда мадам юной особой прогуливалась по парку, прохожие не отрывали глаз от ее ног. Никто не интересовался внутренним миром девушки или хотя бы ее образованием, только ногами.

Месье Жлобель, с малых лет росший без отца, знал об успехе ног матери, но сделать ничего не мог.

- По крайней мере, я отдаю себе в этом отчет, - говорил тогда юный Жлобель.

Мадам Марисоль в свою очередь считала, что сыну дела нет до ее ног и всеобщего восхищения их видом.

Правильнее было бы написать так.

Жлобель сам несколько раз видел ноги Марисоль и не без почтения отзывался о них. Потому что мадам, действительно, была известна в районе своими ногами и всякий, будь то ребенок или старикашка, хоть раз задумывался, что неплохо бы и посмотреть на это чудо, пока их не ампутировали или еще что.

Когда месье Жлобель вырос, он стал ценить ноги матери еще больше и, отлучаясь из дома, всегда фотографировал их, чтобы, не дай бог что случится, ноги мадам Марисоль всегда оставались под рукой, запечатленные на снимках.

Для этих целей Жлобель даже купил фотоаппарат. Ручной фокус, небольшой экранчик, на котором видно, что ты собираешься шелкнуть, одним словом, мечта. Вдали от дома Жлобель

всегда любовался материнскими ногами посредством экранчика. Их вид его завораживал.

Как таковые, ноги мадам Марисоль, действительно, можно было назвать красивыми. Но не при всяком освещении. В большинстве случаев виднелась пара жирных булок, покрытых плохо заштопанными колготками серого цвета.

Всего-то.

Но сколько шума вокруг этих булок.

Что же касается самой мадам, сейчас мы имеем в виду ее физиономию, это проще простого. Немного желтоватое, немного сплюснутое с немного выпирающим шнобелем личико могло бы служить зеркальцем для женщин, бреющих усики. Между тем, у Марисоль усики не росли нигде. И сколько Жлобель не показывал мать приятелям, вертя ее на всякий лад, чего чего, а усов никто не заметил. Смотрели только на ноги.

Однако, с возрастом месье Жлобель стал требовательнее. И потрепанные временем материнские булки его больше не впечатляли. Хотя вся округа и была от них без ума, ночами не спала, желая пощупать хотя бы в перчатках, из-за чего даже распалось несколько браков, кто о них теперь вспомнит.

А следовало еще сказать, чего по моральным соображениям мы попытались бы избежать, но из песни строчку не выбросишь, что с рождением каждого ребенка, ноги Марисоль удваивались в диаметре. Так что после рождения третьего брата месье Жлобеля они приобрели какие-то немыслимые размеры, заполонив все вокруг своей красотой.

Обратим внимание на один нюанс. Жлобель любил тощие ноги, в то время как материнские булки вряд ли такими назовешь. Это, скорее, две армейские тумбы с поставленным на них туловищем. Что это именно ноги, вряд ли придет в голову.

Однажды Жлобель, снабженный ингредиентами для приготовления цементного раствора, а именно: ведром цемента, тремя ведрами песка, пятью ведрами воды и резкой для пиццы, которую собирался использовать вместо шпателя, со всем этим Жлобель пробрался в подъезд матери, поднялся на ее этаж и сделал одну ступеньку выше остальных.

Сам же с пустыми грохочущими ведрами сбежал по лестнице и выскочил на улицу, посчитав остальное делом времени.

Так и случилось. Не прошло и пары месяцев, как мадам Марисоль, забыв ключи на ящичке для писем, споткнулась о ступеньку Жлобеля и сломала ногу.

Как вы помните, мадам не придавала случившемуся значения и почти неделю пробегала, не обращая на травму никакого внимания. Жлобель на это и рассчитывал. В итоге нога была поражена гангреной, из-за чего ее в последствии отпилили. Ее и еще одну.

После операции мадам Марисоль очнулась в палате, подняла одеяло и увидела, что замечательных тумбообразных ног больше нет, они выброшены на улицу.

Не на шутку разозлившись, она внезапно закричала на месье Жлобеля, который довел до этого. Но, слава богу, хозяин был уже в Бутербродной. Откупоривал пятую бутылку суданского портвейна.

[28]

Месье Жлобелю повезло.

Так подпортить фигуру матери и не получить по роже.

Это надо уметь.

А о ногах мадам Марисоль пришлось забыть.

Остались только фотографии.

[29]

Да. Все случилось именно так, как мы написали. Ни строчки неправды.

Мадам Марисоль через несколько дней перевезли домой, где поместили на антресоли доживать свой век, никому не мешая. Месье Жлобель не зря бегал домой и измерял длину антресолей, а потом обратно с сантиметром в больницу измерять длину матери без ног.

Все удалось. Не придраться. Тютелька в тютельку. Мадам Марисоль уместилась на антресолях. В случае чего можно было даже дверцы прикрыть, не боясь ударить ими женщину по голове.

Сразу скажем, что мадам так и не покинула антресолей, пока не окоцурилась окончательно. Всеми забытая, опороченная, укороченная по крайней мере в два раза.

Единственной отрадой остались фотографии потерянных ног, которые сын время от времени совал в щель между дверцами, чтобы унять материнский вой. Жлобель занимался этим только когда был в квартире маман, а это случалось очень редко. Почти никогда.

Месье Жлобель сдал квартиру с мамашей на антресолях. Дал объявление, указал номер телефона и сдал первому подвернувшемуся.

Так получилось, что новым жильцам квартира не понравилась.

- Все какое-то занюханное, - заявили они. – Хоть ремонт бы сделали.

Затем они спросили.

- Раньше здесь жила старуха?

Месье Жлобель устало закивал, представляя, как будет искать строителей, следить за их работой, требовать, ругаться и в итоге все равно заплатит, даже если результат окажется хуже, чем было до ремонта.

Как обычно повезло.

Случай свел месье Жлобеля с Марио. Двух зайцев наповал. Во-первых, месье, наконец, встретил объект своих любовных фантазий. Во-вторых, он встретил рабочего, который отремонтирует квартиру маман.

- Сделаешь ремонт? – спросил Жлобель.

Марио согласился.

Он знал хозяина как жадного, скудоумного, обрюзгшего, хитрого, убогого, лживого неврастеника. И знал, что Жлобель вряд ли заплатит за работу. Будет тянуть, пока от него не отстанут, а потом всучит жалкие крохи и с видом мецената заявит, теперь мы в расчете.

Но как велико оказалось обаяние хозяина. Марио был сражен. Влюбился как малолетка.

Из жадного, скудоумного, обрюзгшего, хитрого, убогого, лживого неврастеника Жлобель преобразился в жадного, скудоумного, симпатичного, хитрого, убогого, лживого неврастеника.

Какая перемена!

Какой размах!

Марио даже прослезился, подписывая сунутый месье договор. Поэтому как он ни старался прочитывать хоть пару предложений, ни слова не увидел.

[30]

Теперь Марио работал в двух местах: днем в Бутербродной, по ночам в квартире мадам Марисоль.

Распорядок дня был таким.

В семь часов утра его будили и отправляли на кухню, где он выполнял обязанности типа подай-принеси. Это длилось до девяти часов, когда в Бутербродной появлялись первые посетители. После чего Марио направлялся в зал носить тарелки от барной стойки к столикам и обратно, следя, чтобы вначале тарелки были с едой, а в конце без еды. Это продолжалось до двух часов, после чего карлика возвращали на кухню мыть посуду, которую до этого он носил от барной стойки к столикам и обратно. Марио мыл посуду до изнеможения. Обычно оно наступало к десяти вечера, именно в это время его ждал легкий ужин и два часа свободного времени, которые работник чаще всего проводил в туалете. Ровно в полночь его вытаскивали из туалета и отправляли в ларек за продуктами. Откуда он возвращался в шесть сорок пять, чтобы пятнадцать минут поспать перед новой сменой.

Теперь же, когда Марио работал не только в Бутербродной, но еще и в квартире мадам Марисоль, с продуктами он возвращался сначала в квартиру, выполнял запланированные работы, чтобы сэкономить время, даже не снимая рюкзака, и уже после возвращался в Бутербродную.

Но при таком распорядке карлик приходил в кафе не в шесть сорок пять, а ровно в семь, когда нужно было заступать на смену. Вдумайтесь в это и вам станет понятно: Марио лишился так нужного пятнадцатиминутного сна перед работой.

Несколько дней он ломал голову, как вернуть все обратно, чтобы снова спать пятнадцать минут перед работой. Но так ничего и не придумал.

Не приставать же с таким пустяком к месье Жлобелю. Тем более теперь. Когда они, можно сказать, стали любовниками.

Несмотря ни на что выход был найден.

Все случилось спонтанно. Измотанный двумя неделями с исковерканным графиком Марио вошел в квартиру мадам Марисоль и первым делом направился в туалет, где рухнул от усталости, чудом не раскроив череп об унитаз.

Запланированные на ремонтные работы пятнадцать минут Марио провалялся без сознания, после чего вскочил и, чувствуя себя отдохнувшим, помчался в Бутербродную.

С этого дня ремонт в квартире мадам Марисоль не продвинулся ни на йоту.

Потому что Марио приходил только спать. Он любил делать это в туалете. Разлегшись полудугой вокруг унитаза. Чистота, прохлада и свежесть – видимо, это привлекало работника.

А мадам Марисоль в это время бесшумно гнила на антресолях. Ее лицом начали питаться муравьи.

[31]

Следовало бы еще немного рассказать о Марисоль. Мадам многого лишилась с утратой ног. Помещенная на антресоли, вынужденная там доживать свой век, она первым делом распрощалась с популярностью, столько лет отравлявшей ей жизнь.

Все эти нелепые комплименты, как хорошо вы сегодня выглядите, прекрасный макияж, прическа, жакетка, платье, пальто, сапожки, улыбка, настроение, цвет лица, форма груди, изгиб бровей, носа, губ, плеч, рук, ног, округлость шеи, груди, талии, бедер, опухлость лица, щек, ушей, пальцев, блеск волос, ногтей, губ, зубов, туфель, колец, перстней, кулонов, брошек, цепочек, серег, чистота обуви, штанов, курток, головных уборов, трусов, тела, запах духов, зубной пасты, отсутствие пятен от еды, сока, чая, кофе, пива, вина, коньяка, виски, абсента, самогона, чернил, пыли, дорожной грязи, пота, отсутствие ссадин, гематом, шрамов, выбитых зубов, ожогов, растяжений, вывихов, переломов.

Все это успело смертельно надоест за столько-то лет. Но в комплиментах, хоть они и воспринимались навязчивыми банальностями, было что-то хорошее. Мадам поняла это уже лежа на антресолях.

С утратой комплиментов Марисоль лишилась и наслаждения жизнью.

Как всегда, правду узнаешь, когда это теряет всякое значение, когда ничего сделать уже нельзя. Мамаша Жлобеля уяснила, наконец, что без отравлений нет больше ничего.

Жизнь и есть каждодневная травля.

Теперь же, освободившись от удовольствий и зловония комплиментов, распрощавшись с половиной тела, Марисоль гнила на антресолях, сознавая никчемность единственной своей жизни.

А как еще могла сложиться жизнь с такими ногами?

Только так.

Считанные дни, проведенные мадам Марисоль на антресолях, состарили ее до безобразия.

Глубокие морщины избороздили все лицо, в них тут же забилась пыль. Но, лишенная необходимых для ухода за собой приспособлений, у мадам Марисоль не было даже зеркальца, она не заметила перемены.

Радовалась ежедневной кормежке из миски и отхожему месту в виде дыры в полу антресолей.

Круг потребностей свелся к поглощению и выведению пищи.

А еще через неделю вместе с ногами Марисоль лишилась и мозгов. Теперь ей казалось, что она живет за границей и мучается из-за собаки, доставшейся от первого мужа.

Мадам стала писать письма, указывая в качестве обратного адреса пару слов – мадам Антресоль.

[32]

Здравствуйтесь у меня своеобразный вопрос и я не уверена что вы им заинтересуетесь но все же у нас есть общая собака моя и бывшего мужа но он постоянно живет в Мексике там у него новая семья новая жизнь и новая собака а я со вторым мужем живу во Франкфурте мы недавно переехали из Кельна перед разездом с первым мужем я взяла собаку к себе и это принесло тяжелые лишения проблемы с домовладельцем и полицейским участком собака постоянно лаяла провоцируя скандалы с соседями но в Германии все не просто по их словам собака нарушала установленный порядок о покое в доме мы обратились к адвокату но он не помог только взял деньги и больше ничего мы поехали с собакой в отпуск было очень тяжело в Париже с собакой куда не

пускают ни в одно кафе ни в одну гостиницу ни в один кинотеатр мы спали на тротуаре муж привязывал собаку к ноге и она старая нервная постоянно скулила так что даже я привыкшая к ее фокусам безумно устала позже я отвезла собаку детям откуда ее забрали родители бывшего мужа потому что дети из-за нее ссорились так мы немного пришли в себя но затем родители бывшего мужа потребовали забрать собаку обратно я согласилась но попросила небольшую отсрочку потому что не знала как отнесутся к собаке в теперешнем нашем доме родители бывшего мужа категорически против отсрочки максимум на неделю ссылаясь на свой возраст но и мы тоже категорически против брать животное без отсрочки потому что знаем собака постоянно скулит лает и мешает соседям нас выгонят из дома на следующей же неделе альтернатива этому быть привязанным к дому куда не ходить без собаки с которой нас куда не пускают кроме этого собака категорически не нравится второму мужу у каждого свои вкусы он согласен взять ее на короткий срок но первый муж шантажирует меня зная как я привязана к собаке он говорит что ее нужно отдать в приют или усыпить в приюте она погибнет когда я думаю что собака останется одна в клетке даже и с другими собаками в соседних клетках у меня сердце обливается кровью собака для меня много значит это часть моей жизни сейчас ей одиннадцать с половиной лет и она очень ко мне привязана мы отдавали собаку на время когда жили в общежитии но я знала что она в надежных руках а не в приюте такое уже было родители бывшего мужа мстят мне за разбитую судьбу своего сына у меня с ними с самого начала не сложились отношения они дошли до того что обливают меня грязью на глазах у детей а теперь еще и эта собака она не требует какого-то ухода кроме регулярных прогулок и снова та же ситуация родители первого мужа знают что второму мужу не нравится собака и ставят меня перед выбором первый муж умывает руки он здесь не причем только я второй муж родители первого мужа и наша общая собака пожалуйста не упрекайте мне и так тяжело.

[33]

Ну ладно. Веселью конец. Черт с этой мадам Марисоль. Похоже, ничего стоящего от нее уже не дождешься. Без красивых ног, признания и самоуважения она не стоит нашего внимания.

Перескачем на другую тему.

Когда-то мы обещали перебрать ассортимент блинов. Этим и займемся. Все равно рассказывать больше не о чем. Искерпаны все персонажи.

Оставим их. Кого-то на антресолях без ног, внимания и рассудка. Кого-то на площади Канатоходцев с разбитым сердцем и срамотищей на глазах у всего народа. Кого-то в туалете заснувшим у унитаза с единственным желанием не просыпаться. Кого-то заваленным в своем кабинете горой пустых бутылок.

Кому теперь интересны эти доходяги?

Сейчас вы увидите список из двадцати трех начинок блинов. Вот это, действительно, захватывающе.

Итак...

Блины с картошкой, с грибами, с картошкой и грибами, с капустой и грибами, с мясом и грибами, с курицей и грибами с блохами, с грибами и сыром, с картошкой и грибами, с рисом и грибами, с яйцом и грибами, с обваренной, обжаренной и обсыпанной грибами сосиской, с обветренной ветчиной и грибами, с красной икрой и грибами, с гусиным паштетом, маринованными огурчиками, зеленью и грибами, с осетриной, обожравшейся грибами, с обветренной ветчиной и брынзой с грибами, с солеными арбузными корками и грибами, со стружкой красного дерева и грибами, с мандаринами вперемешку с грибами, с какими-то бутербродами, обернутыми ватой и грибами, с желудями, грибами, обернутыми целлофаном или фольгой, с диабетическим собачьим кормом на основе лесных ягод и грибов, с целым кабаном, обмазанным медом, с шампанским в мочевом пузыре, гусиным паштетом в желудке и грибами в легких.

Великолепный выбор.

Стоит еще сказать, что все это подавалось не в качестве блинов, а в качестве неких порций. Базирующаяся на условности идея заключалась в запутывании посетителей - чтобы никто не знал, что ему принесут.

Такова традиция.

Например, могли принести две детских порции, а могли одну мужскую, могли принести четыре маленьких детских порции, а могли половину гигантской мужской.

Главное было услышать, что при выходе в зал кричал официант.

Например, он мог кричать:

- Четыре детских с диабетическим собачьим кормом на основе лесных ягод и грибов.

Или:

- Половина гигантской мужской с целым кабаном, обмазанным медом, с шампанским в мочевом пузыре, гусиным паштетом в желудке и грибами в легких.

Или:

- Мужская с обваренной, обжаренной и обсыпанной грибами сосиской.

Существовала еще и так называемая женская порция.

- Пол женской с обветренной ветчиной и грибами, - бесновался официант и валился с подносом на пол.

Почему-то так чаще всего и случалось.

Поэтому женской порции посетители предпочитали любую другую.

[34]

Тем временем страсти в Бутербродной поутихли. Вернее, наоборот, страсти накалялись.

Наплыв посетителей перекрыл разумные пределы. Про столики забыли, люди валились прямо на пол и с голодухи разве что друг на друга не набрасывались.

Толпы обездоленных бродяг шныряли по залу, толкались, ругались, плевались, дрались, сквернословили, гримасничали, истерили, рыдали, кашляли. Все как обычно, но с еще большим идиотизмом, с обескураживающим размахом.

Такого количества остервенелых тунеядцев здесь еще не видели.

Пропорционально наплыву посетителей ухудшилось обслуживание. В два, в три, в семь, в восемнадцать, наконец, в двадцать пять раз.

В итоге случилось непредвиденное.

Пока месье Жлобель отдыхал в кабинете, где пытался хоть немного расслабиться, лежа на узком коротком диванчике. Пока он вставал с этого диванчика, шел к личному бару, брал первое, что подворачивалось под руку, пока откупоривал, делал несколько глотков, блевал, затем делал еще пару глотков, пока его желудок снова сводило судорогой, горло спазмами, голос хрипом, глаза слезами, чтобы после всего этого сделать еще несколько глотков, валясь на колени, отшвыривая бутылку, продолжая блевать.

Именно так.

Пока месье Жлобель пил, потом блевал, потом снова пил и снова блевал, пил и блевал, пил и затем снова блевал, и снова пил, чередуя, комбинируя, меняя бутылки, напитки, вкус, крепость, плотность, вязкость, стоимость, пока хозяин всем этим занимался, а наплыв посетителей в Бутербродной перекрывал разумные пределы в два, в три, в семь, в восемнадцать, наконец, в двадцать пять раз, а обслуживание пропорционально ухудшалось в два, в три, в семь, в восемнадцать, наконец, в двадцать пять раз, пока события развивались в этом направлении, случилось непредвиденное.

Случилось черт знает что.

Работники Бутербродной отказались выполнять свои обязанности.

Они всегда работали из-под палки. Из-под палки или очень медленно – так медленно, как им хотелось.

Насилию месье Жлобель предпочитал медлительность.

Поэтому и произошел дебош одичавших от голода мерзавцев.

Судите сами: когда на приготовление картофельного пюре уходила пара суток, а в зал его выносили еще дольше, мясо жарили над зажигалкой, бульон варили в сливном бачке, а приготовление блюд из собачатины, кошатины и мышатины начиналось с отлова собак, кошек и мышей вблизи Бутербродной.

Что еще оставалось делать оголодавшим мерзавцам?

[35]

Забегаловка и без того была на плохом счету, просто поблизости больше ничего не было. А теперь ее вообще стороной обходить будут.

Именно этого испугался месье Жлобель, когда пани Черепаша вбежала в его кабинет и рассказала о происходящем.

- Мерзавцы ломают зал, потому что официанты отказались выносить заказы, - проорала пани над ухом пьяного месье.

Пока Жлобель силился ее понять, суетясь в луже блевоты, в дело вступили полумертвые животные.

Курицы набросились на соплеменницу и общипали ее с головы до ног. Затем затолкнули в кастрюлю с водой. Разожгли огонь. Бежали, кудахча, вокруг кастрюли, добавляя то репчатый лук, то морковь, то чеснок, то сельдерей, то добавляли тимьян, то лавровый лист, то майоран, то гвоздику, то любисток, то черный перец, добавили даже мускатный орех. А их общипанная соплеменница тем временем мешала бульон, вращая высунутым из воды клювом по часовой стрелке.

Когда блюдо было готово, его подали на стол. Вареная курица на последнем издыхании пожелала приятного аппетита. После чего сдохла на глазах восторженных посетителей.

Что началось!

Восторгу мерзавцев не было предела. В нескончаемых овациях в кровь разбивались ладони, в клочья разрывалась одежда, разлеталась обувь, рвались голосовые связки, лопались кровеносные сосуды, посетители теряли голос, слух, зрение, фонтаны крови били из носов, ртов, глаз, ушей.

Благодаря курицам Бутербродную не разнесли в пух и прах. Даже наоборот – месье Жлобель заработал кучу денег. Какой успех на пустом месте. Признание. Триумф. Обожествление.

Посетители принялись за суп, а общипанные курицы самоотверженно прыгали в кастрюли, варились и подавались новыми порциями. Аппетит у мерзавцев разыгрался не на шутку. Все им было мало.

Марио, восхищенный жертвенностью животных, взялся готовить пирожки. Чем никогда не занимался, не представлял даже, с чего начать. Но нас интересует не чем он занимался, а что делал.

- Деликатес, кулинарный бестселлер, - заорал месье Жлобель, сунув первый пирожок в красный рот.

Марио сконфуженно улыбнулся.

Теперь все смотрели на него: Жлобель, пани Черепаша, мадам Кашалот, миссис Сплюснутая, вареные курицы, жареные

обезьяны, лягушачья требуха, собачатина, кошатина, мышатина и даже несколько посетителей, привлеченные пьяными выкриками хозяина этой дыры зашли посмотреть, что происходит.

Все устали на карлика в ожидании секрета пирожков.

- Как ты этого добился? – спросил месье Жлобель с набитым ртом.

Тут все и раскрылось.

Пирожки, нареченные Жлобелем "Духами Афродиты", отличались от обычных всего одной деталью. Прежде, чем залепить начинку тестом, Марио подносил пирожок к задку и выпускал порцию газа. И только после этого герметизировал тестом.

Таким образом, успех "Духов Афродиты" заключался в единственном дополнительном ингредиенте.

Жлобель пожал руку Марио и, согнувшись почти в три погибели, поцеловал его в губы. На время хозяин и подчиненный соединились ртами. Жлобель попытался вытолкнуть куски пирожка карлику в рот, но у него ничего не получилось: Марио выставил язык перегородкой.

Щелчок – и они отлипли друг от друга.

Месье поднялся и встал в полный рост. Карлик остался, где был до щелчка, и продемонстрировал окружающим, как именно он готовит пирожки.

Окружающие пришли в совершеннейший восторг. Дикие вопли жадных до кулинарных изысков гурманов. В этой дыре такого еще не было.

Жены вырывали пирожки у мужей, подносили ко рту, но не успевали надкусить, как детская рука выцарапывала пирожок теперь уже у них. У детей пирожки отнимали старухи. У старух инвалиды. У инвалидов бездомные. У бездомных прокаженные.

Дикий ажиотаж, конфликт сословий, поколений, полов. Обезумевшие старухи, придерживая выпадающие челюсти рвали на куски розовых детей, только-только оторванных от груди.

Респектабельные бизнесмены, чиновники с многочисленной родней, едва дышащие животные, официантки и во главе всех месье Жлобель. Гонимые кулинарной похотью, в хаосе движений, звуков, ничего не видно, не слышно, крики, стон, оголенные эмоции.

Все устремляются к задку Марио, хватают пирожки, проглатывают, не пережевывая, не чувствуя вкуса, тянутся, чтобы взять

еще, каждый раз одно и то же, цикл, бесконечно повторяющееся действие.

Месье Жлобель палкой строит всех в очередь, бьет выскочек по рукам, по ногам, вышибает зубы, оглушает. Но выскочек слишком много. Надолго Жлобеля не хватает. Он выбивается из сил, валится с ног, хватается за сердце и хрипит.

Кто-то плюет ему в лицо. А потом закидывает остаток пирожка месье в рот.

Жлобель хрипит.

Остаток пирожка оказывается в его левом легком.

Жлобель не может дышать.

Жлобель теряет сознание.

Жлобель умирает.

[36]

Все.

Конец игры.

Вот мы и добрались до финала.

Из глав осталась только эта и последняя, тридцать седьмая.

Больше ничего не будет.

Всем привет.

Salut.

Прощайте.

[37]

Пришла скотская весна. Куда ни посмотри, всюду виднелись грязные сугробы. Дороги покрылись ледяной коркой. Безрадостное зрелище. Не пройти, не полюбоваться.

Зима все переварила, перемолола и выблевала обратно. Город, жителей, беспардонную хамку природу. С низкого серого неба сочилось отчаяние.

Я вышел из подъезда. По дороге разминал суставы, кровь никак не отливала из затекших предплечий. Очередная растрепанная впустую ночь. Роман не увеличился ни на строчку.

Творчество. Страдания. Бессонница большую часть года.

Как все осточертело.

Я такой же как этот город. Мы с ним близнецы. Пара ливерных колбасок в общей кишке. Одна судьба на двоих.

Порыв морозного воздуха едва не свалил меня с ног. Я удержался, но лишился шарфа. Ветер сорвал его с моих плеч. Нужно было обмотать шарф вокруг шеи, хотя бы заправить в пальто. Не хватило ни сил, ни разума. После нескончаемой зимы и трех бесплодных ночей я едва соображал, где нахожусь.

Ладно. Бог с этим шарфом. Двинемся дальше.

[37]

Я направлялся в местную забегаловку. Одну на километры вокруг. Черт меня дернул поселиться в этой дыре.

Что-то задержало у входа. Там была неудобная высокая лестница с обледелыми ступеньками. Наверно, я хотел набраться сил, прежде чем пуститься в авантюру восхождения.

Перед возвращением к письменному столу я нуждался в чашке крепкого кофе, в наблюдении за редкими посетителями. Может быть, наткнусь на удачного персонажа, который оживил бы мое повествование хотя бы парой оригинальных реплик.

Нужно было взбираться по лестнице.

Сначала правая нога оказывается на первой ступеньке. Очень осторожно – руками цепляюсь за шатающиеся перила. Затем левая подтягивается туда же. Фиксируется положение, нужно устоять на скользкой поверхности, не упасть. Только за тем, чтобы начать все сначала.

Снова поднять правую ногу, занести над второй ступенькой, встать. Аккуратно подтянуться на перилах. Переставить левую ногу, устоять, не слететь кубарем обратно.

И опять все сначала.

Третья ступенька, четвертая, пятая, шестая.

После шестой короткий перерыв. Нужно восстановить дыхание, силы, душевный покой. Осмотреться. Пересчитать, сколько осталось ступенек. Еще двенадцать.

Продолжаем.

Седьмая, восьмая, девятая. Что-то я разогнал. Десятую ступеньку я преодолеваю почти сразу после девятой, забывая зафиксировать тело в устойчивом положении. Дурной знак. Доб-

ром это не кончится. Сколько раз повторял себе, но так и не сделал нужных выводов.

Правая нога ступает на одиннадцатую ступеньку. Я резко подтягиваюсь на перилах, толкаюсь левой, правая скользит по поверхности, ослабшие руки не могут удержать меня, как и ожидалось, я лечу кубарем вниз.

Лучше бы я упал со второй ступеньки. Одиннадцатая – это перебор. Высота три с половиной метра. Я не разбиваюсь только благодаря своему везению.

Оказавшись у подножия лестницы, я медленно поднимаюсь на ноги. Стряхиваю с пальто грязный снег. Восстанавливаю дыхание. Привожу в порядок одежду. Хорошо, что больше нет шарфа: меньше работы.

Затем я хочу продолжить свое восхождение.

[37]

Вернее, пока только думаю, что хочу продолжить свое восхождение.

Мой взгляд привлек возвращающийся со смены рабочий. Как и от меня, от него несло усталостью, на лице застыла гримаса бессмысленности.

Рабочий посмотрел на меня, перекладывая сумку с инструментами на другое плечо. У него блеклые, выпотрошенные, холодные глаза.

Этот рабочий, он уже не мог терпеть, не мог больше скрываться за пустотой обескровленного существования. Суевольно.

Мы поняли друг друга с одного взгляда.

Я подмигнул ему.

Рабочий не выдержал, и перед тем, как я продолжил восхождение, перед моим исчезновением в забегаловке, в которой я бывал каждое утро, в которой не осталось ни свежести, ни вдохновения, которая не способна даже прорвать гнойник меланхолии, пробудить интерес к жизни, после которой нельзя было написать ни строчки, так она изматывала своей обыденностью, так вот, этот рабочий будто угадал мои мысли, как угадывает мысли ребенка мать перед абортom, рабочий раскусил меня и плюнул в проходящего мимо мальчика.

Вязкая, похожая на сперму, слюна сползла с брови ребенка, повиснув крупной каплей у его рта. Он не заплакал только от неожиданности.

Я все еще стоял у лестницы, когда официантка высунулась из приоткрытой двери и выкрикнула пару ругательств. Ей тоже поперек горла все это было. Особенно морозный ветер, который продул ее насквозь, лишив способности к деторождению.

Рабочий ухмылялся. Плевков немного развлек его.

Мать отвесила ребенку затрещину, чтобы тот не расплакался прямо здесь, на улице, на глазах у людей. Вытерла ему лицо обрывком газеты, которую читала. Растворившаяся в слюне краска осталась на щеке испуганного мальчика.

Наконец-то.

Рабочий и мать с сыном разошлись в разные стороны.

Я остался один. Измученный нелепой сценой, замерзший на сквозняке перед входом в забегаловку.

Я все-таки смог подняться по лестнице и зайти в кафе с вывеской "Бутербродная". Где озлобленная, уставшая официантка прохрипела, чтоб я убирался и никогда больше не приходил сюда, потому что их тошнит от одного моего вида.

[37]

Если вы хотите знать, как я отреагировал на слова официантки, я скажу как. Мне было плевать на них. Каждое посещение, а я всегда посещал это заведение утром, начиналось с ругательств персонала. Меня это уже не трогало.

Я заказал чашку кофе и блин с желудями и грибами, обернутыми целлофаном. Но больше всего в тот момент мне хотелось не кофе и не блин, больше всего мне хотелось сходить в туалет.

Я отошел от стойки. Это убогое кафе не имело столов со стульями. К счастью, народа было не так много, как обычно, так что я без лишней толкотни прошел в туалет. Можно было сделать все посредством стоков в полу, но я предпочел уединение.

Три из четырех туалетных стен оказались оборудованы дверями. Рядом с четвертой стоял унитаз. Одну дверь я закрыл за собой, с помощью нее я и оказался внутри. Но вот две другие. Они могли открыться в любой момент. Какое здесь может быть уединение.

Хуже всего было то, что я не знал, куда ведут эти двери. Вроде бы, в зале Бутербродной имелась только одна дверь в туалет, которой я и воспользовался.

Я задумался.

Нет, я не мог думать в том состоянии.

Вы не поверите, я расплакался. Не знаю даже, из-за чего. Меня ждали горячий кофе и блин, а я плакал, стоя над унитазом. Даже не сидя.

Мне казалось, дома человек может заниматься чем угодно, пусть хоть скатерть жует, но в общественном месте, в публичном туалете. Какое право они имеют оставлять три двери вместо одной.

Нельзя лишать человека уединения. Всего остального – пожалуйста. Но уединение оставьте. Пусть это будет дом, больничная палата, тюремная камера или туалетная кабинка – не важно. Пусть у человека будет хоть какое-то место, где он мог бы остаться наедине с собой.

Я так и не смог справиться свои потребности. Спустил для приличия воду, вымыл руки и вышел в зал.

На стойке меня ждали кофе и блин. Но отсюда я не видел, с чем был этот блин. С чем я просил или нет?

[37]

Продолжу.

Хоть это угрюмое повествование всем уже осточертело. У всех оно в печенках. В селезенке. В левом легком. Рыбной костью застряло поперек горла.

Пусть.

Что с того, если профаны отплеиваются? Не такая уж роскошь писать этот роман. Я бы сказал наоборот. Но не буду. Скажу только, что мне все равно, как вы воспринимаете текст. Все равно он скоро закончится. Можно прощаться.

- Прощаться? А как же мы, ваши читатели? – заголосили дерьмоглоты.

Не знаю, что и сказать... вам... дерьмоглотам.

Наверно, никак. Никак вам не быть.

Так слишком грубо, все-таки это мои читатели, а не дерьмо в прорубе.

Возможно, придумаю для них что-нибудь позже.
А может быть и нет.

[37]

Я так и не подошел к своей стойке. Так и не узнал, с какой начинкой принесли блин. Часто их путали. Случайно или намеренно – мне безразлично.

Я жалел только о кофе. Чего я хотел, так это чашечку крепкого кофе.

Но в этом заведении не было чашек. Кофе приносили в пластиковых стаканчиках. Ужасная подробность, но без нее не обойтись.

Да!

Кофе стояло на стойке в пластиковом стаканчике.

Когда я вспомнил, что здесь всегда так, что посуда только пластиковая, потому что когда-то разбили всю обычную, меня передергивает.

Об этом ли я мечтал? Есть с газеты, пить из пластика? Я, писатель, готов терпеть, мучиться и все равно молчать, унижаться, переносить лишения, вжав голову в плечи.

Как черепаха. Но у черепахи нет плеч, а у меня есть.

Как же это достало! Вечно одно и то же. Отчаяние, сменяемое апатией.

Пусть хоть сейчас будет не так. И, действительно, все меняется.

Меня разрывает на части, я взбешен, в ярости. Сколько можно? Есть с газеты, пить из пластика?

Я человек, а не крыса. Я француз.

Нет, я не француз. Я пишу о французах, но сам я не француз. Не поляк, не испанец, не англичанин, не итальянец. Я не пойми кто.

Я автор.

[37]

Повторимся. Я так и не вернулся к своей стойке, а зашел обратно в туалет, благо, едва успел выглянуть из кабинки.

Мгновение и я снова стоял в помещении с унитазом и тремя дверями в трех стенах.

Эти двери, одну я закрыл, но две оставались вне моего контроля. Я хотел узнать, куда они ведут.

Возможно, они были закрыты. Возможно, были декоративными, нарисованными на стенах, но не существующими в виде функциональных объектов.

Прежде всего, я хотел разобраться.

Я подошел к одной двери, правой от меня, левой от унитаза, и потянул за ручку. Дверь не двигалась ни в одну сторону. Действительно, это были лишь нарисованные на стене контуры с вкрученной ручкой.

Оригинально, ничего не скажешь.

Я подошел ко второй двери. Вернее, ко второй стене – левой от меня, правой от унитаза. Хотелось узнать, контуры ли на ней или правда дверь.

Я потянул за ручку сначала на себя, а потом от себя. Когда я тянул на себя, дверь или контуры двери никак себя не проявили, создалось впечатление, что это не дверь в привычном смысле, а только рисунок на стене с приделанной ручкой.

Но когда я стал толкать от себя, тоже ничего не произошло. Дверь или контуры двери так никуда и не сдвинулись.

Я готов был уже выйти из туалета к стойке с остывшими кофе и блином, но решил вдруг, нечасто такое случается, двинуть ручку вправо, а затем, если ничего не произойдет, влево. Мне также пришлось в голову двинуть ручку вверх, а затем, если все равно ничего не произойдет, вниз. Но этого не потребовалось.

Я двинул ручку двери или контуров двери сначала вправо. Ничего. А затем влево. В этот момент в дверь, с помощью которой я попал сюда, начали стучать.

- Долго еще вас ждать?

Я не ответил.

Главным образом потому, что дверь или контуры двери посредством ручки, которую я двигал влево, поддавалась. Контуры оказались дверью, поэтому теперь я буду писать в единственном числе.

Каково, а!

С таким пристрастием изучить устройство туалетной кабинки и в результате найти лазейку. Конечно, я тут же юркнул в образовавшуюся брешь.

[37]

Я оказался в комнате.

С этого момента будем называть вещи своими именами. Не пугайтесь. Несмотря на то, что я всего лишь писатель, попавший во внутренний мир забегаловки, я уже знаю, о чем пишу. Ближе к концу вы в этом удостоверитесь. Слово писателя против вашего пижонского недоверия.

Я оказался в кабинете месье Жлобеля.

Хозяина не было видно, сперва я заметил только карлика. Он сидел за столом с печатной машинкой и стучал по клавишам. В комнате не горел свет, практически ничего не было видно. Я обратил внимание на угол с карликом только благодаря шуму печатной машинки.

Карлик что-то писал.

- Писатель, как и я, - пришло в голову.

Фактически я стал писателем только благодаря этому карлику. Что вы на это скажете?

Пока ничего не говорите. Дочитайте до конца. Осталось совсем чуть-чуть.

Марио сидел за огромным столом хозяина Бутербродной. Короткие ноги свешивались со стула. А на культи рук он приделал хитрые приспособления, позволившие печатать на машинке.

Печатал он как бы одним пальцем, но двумя руками. А хитрым приспособлением послужили два обломка лыжных палок.

Я хотел было проявить себя, но с другой половины комнаты послышались стоны.

Говоря, другая сторона комнаты, я имею в виду, что дверь, в которую я заглядывал, делила комнату пополам, если провести через ее ручку линию, перпендикулярную стене. Комната имела очертания правильного прямоугольника.

Итак, в другом конце кто-то стонал. Но там было еще темнее и, если Марио я как-то разглядел благодаря его нетипичной физиологии, то издававшего стоны разглядеть не смог.

В темном углу стояла кровать, на которой, очевидно, лежал стонущий человек.

Этого объяснения мне хватило на первое время.

Потом, спустя пять или десять минут, возможно, шесть, а, может быть, и девять, семь или восемь, восемь или семь, возможно, девять, а, может быть, шесть, десять или пять, короче, в промежутке между пятью и десятью, десятью и пятью минутами, пока я всматривался в темноту, мои глаза привыкли и я все увидел.

Отчетливо!

Когда я понял, что вижу комнату отчетливо, первым делом я оторвался от Марио и посмотрел на того, кто лежал на кровати.

К чертям собачьим такое любопытство! Им оказался месье Жлобель.

Марио печатал на машинке, а Жлобель с приспущенными штанами, подштанниками, шортами и трусами, все они были приспущены, мастурбировал. Иными словами Жлобель дрочил.

Марио печатал на машинке и время от времени поворачивал голову, чтобы посмотреть на хозяина, но делал это настолько резко и коротко, что не мог ничего увидеть.

В этот момент я понял, что у меня вырос живот. Не прямо сейчас, пока я подглядывал, а вообще. Пока я жил, сидел за письменным столом, ходил в Бутербродную и больше ничего не делал.

Вырос живот.

Марио, наконец, дернул головой так сильно, что не смог не заметить Жлобеля. Он оторвался от печатной машинки. Развернулся, оказавшись к ней спиной.

Месье Жлобель мастурбировал, глядя в потолок. Они не видели друг друга. Вернее, один видел, а другой нет. Можно сказать, первый видел, а второй не видел. Или даже, что равносильно, второй видел, а первый нет. Зависит, с кого вы начинаете. Кого принимаете за единицу отсчета.

Я погладил живот.

Жлобель постанывал.

- Вы не в детском саду, - вдруг сказал карлик, - чтобы коверкать фамилии. Вы не очень уже молодая женщина, возможно, следует вести себя пристойнее. Я не понимаю, почему с вами склонны сюсюкать, ваши слова – явное хамство. Я могу быть не

согласна, но ваше поведение переходит все мыслимые границы. Я не желаю, открыв любую книгу, видеть в ней ваше невнятное бормотание. Прозвища, которые вы даете незнакомым людям, дистилляция самого отталкивающего – выходит за рамки моего понимания.

Марио закончил речь и готов был повернуться к печатной машинке, когда ему ответил месье Жлобель.

Он сказал так:

- Мадам, вы вроде тоже уже не первой свежести, почему вы видите соринку в чужом глазу и не замечаете бревно в своем?

Я запустил руку под пиджак, рубашку, майку и затеребил себя за пупок.

Карлик вернулся к своему занятию. Месье продолжил стонать.

Марио сказал, не поворачивая головы:

- Признаки беременности я испытывала с детства, но чтобы прямо так.

Я осмотрительно вынул руку из-за пазухи.

А Марио продолжил беседу с хозяином.

- Пара подруг твоей маман, которых я знала, это такие старушки, одуванчики. Раздавленные жизнью несчастные люди, которые терпели многое и твою маман в том числе. Избавь этих бедолаг от таких мучений.

Жлобель взорвался! Не прерывая стонов он начала кричать.

- Все это время я кормил тебя с рук. Ты мизинца мадам Марисоль не стоишь. У тебя крошечный член, которым ты орудуешь в Бутербродной, и за душой у тебя больше ничего нет. Я прогоню тебя как клошара. Никто мне слова не скажет. Пошел вон.

Жлобель выпустил белесую струю, которая тут же прилипла к потолку.

Я снова запустил руку и стал гладить живот.

Понятно разочарование Марио. Он всегда предпочитал совершенно другое. Ему нравились тощие, безгрудые, мальчишковые девушки с короткой стрижкой и вкусом расплавленной пластмассы во рту.

Но Жлобель не таков. Это тучный, грудастый, женоподобный урод без волос, но со вкусом кала во рту.

Марио в негодовании вышел из-за стола, а затем вообще из комнаты. Он воспользовался второй дверью, если считать ту, у которой стоял я, первой.

Жлобель простонал:

- Мне нужен Клотримазол, лекарство от лишая.

И вышел вслед за карликом.

Еще с минуту я гладил живот, сунув руку под пальто с утеплителем, свитер, кофту, фланелевую рубашку, обычную рубашку, майку с длинными рукавами и майку без рукавов. Боже мой, как же я во всем этом запарился.

Затем подошел к печатной машинке. В ней остались печатные листы.

На первом можно было прочесть.

Бесплатное питание на вокзалах (микророман)

*Все считают, или, точнее, предполагают,
что все это, вероятно, должно закончиться
какой-нибудь поучительной историей.*

Вот именно, для пиздюков.

-- Луи Арагон

[1]

Речь пойдет о Бутербродной на окраине города. Заведении настолько неприглядном, что диву даешься, как о нем вообще кто-то написал.

Этим писательством я и занялся. Поэтому мне можете верить на слово. Текст насыщен таким количеством повторов, неточностей, ужасного стиля, бесконечных перечислений, вранья, дилетантства, опечаток, сумбура, непрочного сюжета, детского лепета, кустарщины, случайных восклицательных знаков, провинциальности, не тех падежей, времен и прочей подобной дребедени, на которую все равно никто не обращает внимания, что даже неловко.

Какое время – такие романы!

Орфография тоже не на высоте, пунктуация довольно условная. Наша писанина в них не нуждается.

На этом пока остановимся.

[2]

Я хватаю рукопись и возвращаюсь с нею в туалет. Присаживаюсь на унитаз, рукопись передо мной.

Первая глава заинтриговала, поэтому я продолжаю.

Читаю, читаю, читаю.

Читаю, не в силах оторваться, так здорово написано. Блестяще, бесподобно, остроумно, язвительно, осмысленно.

Я в восторге!

Читаю, потом возвращаюсь и перечитываю еще раз, по странице, по абзацу, по строчке. Каждая буква на своем месте, каждый знак. Выверено до микрона, не придерешься.

Меня распирает от зависти. Кусаю локти, начинаю с ногтей и через локти добираюсь до всего остального. Умора, от этого текста можно порвать рот в улыбке, провалиться в унитаз насовсем.

Черт возьми! Почему не я это написал? Ведь так просто. Мой стиль, мои идеи, все стырили из моей головы, просто не успел записать.

Стоп! Несколько секунд на принятие решения.

...карлик вышел... может быть, никогда больше не вернется... мало ли, что он сунул в печатную машинку... он и пользоваться-то ею не умеет... по клавишам с трудом попадал... а теперь еще и рукопись у меня... и я как раз писатель, пришел выпить чашечку кофе после окончания романа... который захватил с собой... размер небольшой, хвастаться нечем, но каково содержание... пальчики оближете, а потом сдохнете...

Решено! Оставляю рукопись на память.

[3]

Тем временем в дверь уже ломятся совершенно обезумевшие посетители. Я сую рукопись в штанину. Пара секунд и они выламывают дверь к черту. Врываются, я только и успеваю, что вскочить с унитаза. Какие мерзавцы!

[37]

ЦЕНОК

август 2008

Станислав Курашев В день осенней годовщины битвы при Фермопилах

Это был один из последних дней, когда я видел Филидора.

Наши пути все больше расходились, и той осенью уже разошлись окончательно.

Я беспробудно пил и больше мне ничего не было нужно, впрочем, так со мной продолжалось уже много лет, Филидор же – наоборот – почти бросил пить и окончательно – курить, то ли пытаюсь дожить до девяноста четырех лет, то ли повинуюсь голосам в своей голове, то ли, наконец, его природная разумность возобладала над иссушающим ветром трамонтаны в одиноких предгорьях души.

После изучения древнегреческих классиков, он пережил довольно сложный период вегетарианских пельменей, потом он увлекся трудами мадам Блаватской, после - каким-то средневековым старцем Бриарием, (изобретателем ненастоящих гомункулов), наконец он тщательно и плотно подсел на Бхагавад-Гиту, которую он воспринимал как нечто среднее между гомеопатией и акупунктурой.

Но в тот день – это был день осенней годовщины битвы при Фермопилах – мы все еще поддерживали дружеские отношения, и он ночевал у меня дома, в давно необитаемой спальне, так как я всегда спал в гостиной.

Я проснулся в шесть утра, предыдущим вечером я не пил и поэтому спал мало и плохо.

Готовой еды не было, в холодильнике лежало три килограмма картошки, подаренные в прошлое воскресенье доброй женой,

а также лук, хлеб, майонез и шампиньоны, принесенные вчера Филидором, так как я заранее предвидел сегодняшнее утро.

Больше в холодильнике ничего не было.

Я включил медленное радио и люминесцентный свет кухни, а потом занялся терпеливым приготовлением тушеной картошки с грибами, совсем как какой-нибудь последний и вконец обнищавший потомок древнего аристократического рода, который, так явственно дрожа от утреннего холода, кладет дрова в кухонную печь, чтобы преодолеть озноб и приготовить яичницу, из тех яиц, которые ему принесла старая добрая женщина из соседней деревни, которая знала еще его деда, с которого, в сущности, и началось разорение рода.

И в ожидании того, когда печь нагреется, он снова ложится в постель, которая находится здесь же на кухне, потому что все остальные помещения родового замка, он, из экономии, не отапливает и от скуки берется за девичий дневник какой-нибудь герцогини, найденный за фолиантами в их библиотеке.

Филидор проснулся в восемь, мы позавтракали картошкой с грибами, потом за черно-сладким кофе, он рассказал то, что ему снилось сегодня – путешествие вниз по шахте лифта, которая внизу вдруг обратилась совсем иным, абсолютно - иным, не к месту вставляя индийскую речь и цитаты из «Бхагавад-Гиты».

О своем сне я умолчал, мне не хотелось рассказывать, это был обычный для меня кошмар, и я очнулся далеко не в эвфемистическом поту – будто бы я находился в комнате вместе с женой и еще одной женщиной, которая давно умерла, и в комнате было много самых разных животных и некоторые пытались проникнуть в комнату, а некоторые пытались ее - покинуть.

Животные были самые разные и хищные и вполне безобидные, и змеи и пауки и так далее, и все они двигались как-то бессмысленно, как-то безмозгло, словно они были поражены какой-то болезнью, особой агрессии они не проявляли, только когда натыкались на кого-нибудь из нас, и кусали не особенно больно, но - болезненно, и все это длилось так долго и было наполнено каким-то безысходным безумием...

Фаренгейт улицы был сумрачным и торжественным, как и подобает осеннему утру.

Дул резкий южный ветер, который, пожалуй, даже был немало приятен, несмотря на весь свой холод.

Это был еще не тот ветер, который по ночам убивает бездомных и прокаженных, но его было вполне достаточно, для того чтобы повысить уровень продаж шуб из каменной куницы в центральных магазинах из разноцветного стекла и золотых букв.

Мы двигались к мосту номер пять через городскую реку, так называемый Мост Братской Любви (в этом городе все мосты имеют названия) к месту randevu.

Почему так он назывался – этого уже никто не помнил, может быть от того, что это было одно из излюбленных мест для самоубийства наших несчастных сограждан, а может быть по совсем другой причине.

Randevu было с сестрой Филидора – Лией, которая должна была передать нам котенка №7.

Лень рассказывать, но для любознательных читателей, необходимо объяснить причину нумерации.

Начался весь этот ужас лет пять назад, когда по аллее Мертвых Космонавтов никто не гулял по ночам, а билет на трамвай имел нечетную стоимость, в отличие от нынешней не просто четной, но и - двузначной.

Филидору кто-то подарил котенка, кто это был – добрый или злой гений – Филидор не помнил, по причине сильного опьянения, но он очень этому обрадовался, он почему-то увидел в нем возможного продолжателя своих трудов (он тогда занимался какими-то исследованиями и зачем-то купил на пенсию бабушки монокулярный микроскоп, который и по сей день лежит у него на холодильнике как дань человеческой глупости) и даже дал ему какое-то сложное имя, что-то на В – то ли Валькирия, то ли Варфоломей, на следующее утро, он уже не смог вспомнить и поэтому му котенка все звали просто – В.

Вроде бы ничего страшного, но спустя год, добрая Лия подобрала на улице еще одно животное, которого я, уже сознательно, назвал Мухтаром, таким образом, окончательно предрешив его никчемную судьбу.

В квартире усилилась атмосфера разлада, смешанного с кошачьими испражнениями, но и это было еще терпимо, пока однажды не выяснилось, что В и Мухтар – разнополые существа и В глубоко беременна.

В принципе выясниться это могло и раньше, потому что они постоянно совокуплялись, но Филидор, занятый исследованиями

и написанием псевдоготических баллад в редкие минуты отдохновения (от исследований), думал, что они просто так странно играют.

Наконец В родила четырех гаденышей, от которых удалось избавиться далеко не сразу и с огромным трудом.

Я много раз предлагал Филидору просто повесить их всех на балконе, на бельевой веревке, предварительно связав их хвосты вместе, чтобы ветер и обезвоживание сделали свое дело, ну и потом этот уродливый пятиэтажный дом превратился бы в так называемый Дом со Скелетами.

Ну типа разговор с шофером – куда на Уралмаш-то, братан? ну там, знаешь, чуть дальше Дома со Скелетами... денег-то сколько?

Но Филидор, движимый псевдогуманными чувствами, всегда отказывался, по той же причине он отказывался от кастрации Мухтара, чтобы не разрушать какую-то там его индивидуальность.

Точно так же как какой-нибудь итальянский рабочий, для которого дети – дар Господа, а аборт и противозачаточные ампулы – изобретение Дьявола, заставляет жену рожать ему ублюдков одного за другим, пока она не превращается в изможденную блядь, высохшую от ненависти и бесконечных беременностей, а он сам не умирает в приюте для бедных, глядя в доброе лицо, склоненного над ним католического священника, невнятно бормочущего о покаянии души.

С тех пор с периодичностью в несколько месяцев, квартира Филидора превращалась в ад.

Когда все его слабохарактерные знакомые оказались одарены разноцветными гаденышами, с ярко выраженными дегенеративными чертами Мухтара, то Филидор дал объявление в бесплатную газету, где предлагал отдать в добрые руки добрых, но ласковых котят, с неожиданным добавлением в конце – можно бесплатно...

Это и был период описываемых событий.

На этот раз В родила семерых котят, восьмой родился с шестью лапами и двумя хвостами и сколько Филидор его не выхаживал, но это существо все-таки умерло.

После котенка №1, купленного каким-то сумасшедшим стариком за символическую цену в пять рублей, Филидор впал в

глубокую депрессию, но котенок №2 неожиданно принес удачу, его купила интеллигентная супружеская пара, дав Филидору пятьсот рублей и вполне разумно рассудив, после мимолетного знакомства с Филидором, что он найдет этим деньгам иное применение, вдобавок еще 11 упаковок кошачьего корма.

Филидор помолодел на несколько лет, его морщины несколько потускнели и он купил себе на эти деньги четвертый том расширенных комментариев к Бхагавад-Гите у слепого бродячего торговца.

Он долго вчера мне рассказывал об этом и, рисуя быстрые столбики цифр на газете, говорил, что долго размышлял над этой проблемой и что если достать породистую пару кошек, то можно получать за их потомство очень неплохие деньги и так далее.

Правда, с сожалением, добавил он, перерывы будут на несколько месяцев между беременностями.

Можно же две пары кошек завести, сказал я, чтобы процесс был непрерывным... Или три...

Его тусклые глаза засветились и я понял, что эта мысль не приходила ему в голову, и он снова взялся за столбики цифр, чему-то несмело улыбаясь.

Так все и шло с переменным успехом, пока не остался только уродец №7, которого этим утром Филидор должен был отдать в добрые руки какой-то женщине, в 11 утра, у южного входа в «Цепелин».

Итак, мы двигались к Мосту Братской Любви по бесконечной улице 8 марта, той самой улице, каждое дерево на которой бургомистр в прошлом году обещал опутать электрическими разноцветными гирляндами, чтобы ночью было светло и красиво.

Пораженные горожане единодушно переизбрали его на восьмой срок, потом, правда, выяснилось, что электричества в городе не совсем для этого достаточно, какие-то там возникли проблемы с переменным током, но это уже было неважно.

Бургомистр у нас был феноменальный, начав карьеру с должности младшего санитаря в лечебнице для душевнобольных, он добрался до самого высокого кабинета в магистрате, карабкаясь вверх чуть ли не по трупам.

Но это совсем иная история, а сейчас вокруг были утренние пчелиные муравьи, хитиновые головы которых вмещают только работы и деньги, радостные звонки трамваев, непрерывные по-

токи движущихся экипажей, обычный утренний бездарный театр с дешевыми духами пульчинелл и с лишенными духовного начала реинкарнаций лиц Панталоне.

Не может же тебе всегда везти, клоун, - сказал я, когда мы достигли пространства автовокзала, - когда-то это должно закончиться и может быть даже сегодня, ну типа, отдам котят в добрые руки, это на самом деле условный сигнал для какого-нибудь отделения мозамбикской армии освобождения, филиал которой находится именно здесь, в регионе Урал-Север.

И это означает, что прибыл финансовый курьер с деньгами для продолжения борьбы, которые для удобства конвертированы в промышленные алмазы.

И та девушка, которая звонила тебе вчера, она звонила на самом деле курьеру, и совсем уже скоро, через пару часов, тебе придется объяснять, куда ты дел алмазы и что это за мерзкая тварь с хвостом, которую ты принес на место встречи.

А потом – подвал, в котором тебе еще несколько дней предстоит безуспешно искать ответ на эти простые общечеловеческие вопросы.

Тебя будут приводить в сознание люди с негроидными чертами лица, когда ты это сознание будешь – терять, и в эти минуты, разноцветная тварь с хвостом и блеклыми усами, которые, проживи она тысячу лет, обратились бы – китовым усом, будет торопливо прятаться за пустые бочки в форме вакуумных цистерн, у дальней стены подвала, в которых, судя по выветрившемуся запаху, находилось то ли холодное вино, то ли керосин, лишенный даже самого низкого октанового числа.

И в подвал обычно первым будет спускаться неприметный человек с саквояжем - один из членов национального фронта освобождения республики Мозамбик - в котором безупречное знание русских идиом так явно бы выдавало выпускника орenburgской сельскохозяйственной академии, а характерный акцент – коренного жителя восточных (традиционно – неблагополучных) окраин Мапуту, в том, конечно, случае если бы он хоть раз сказал бы тебе хоть одно слово.

В безобидной коже саквояжа – сталь хирургических инструментов, о чем тебе уже известно, в густых волосах – ранняя седина, делающая его, как ни странно – еще - моложе, а на его бордовой футболке модного цвета «красный жасмин» (надежно скры-

вающего отпечатки крови) – силуэт птицы с огромным клювом (древний и зловещий символ национального фронта освобождения) и две вертикальных надписи заглавным шрифтом суахили – Святой Брат Пеликан...

Я замолчал и с каким-то непонятным раздражением закурил новую сигарету.

Филидор безрадостно молчал, его серые глаза смотрели куда-то вниз - грустно и устало.

Мы миновали изумрудные светофоры остановки Фрунзе, потом – светящийся пунктир цельсия угловой башни трамвайно-троллейбусного парка, который медленно двигался вверх, вслед за холодным солнцем октября, и зеленые блики цифр, символизирующих радиационный фон, которые были впрочем, вполне безвредны для этого времени года.

Да, но не слишком ли много проблем даже для такого небольшого пространства – души рукописных листов, заполненных кровью, тела и бесплотные голоса в подъездах, которых не слышать никому живому, даже сквозь сквозной воздух скважин дверных замков.

Наверное (зная его впечатлительность к моим прилагательным) он представлял себе сейчас грустную поверхность подвала, воображая себя чем-то вроде Анны Карениной, а может быть - Маты Хари, ну или же - Орлеанской девой, которая в утро казни дарит бриллиантовую булавку, скрепляющую на груди - плащ, доброму тюремщику, взамен на черствый хлеб для безумного из соседней камеры пыток.

Я докурил сигарету и отбросил ее с отвращением, - а ты хоть знаешь, что было сказано в приговоре епископа блаженной Жанне Д'Арк, - спросил я его, закуривая новую сигарету, - за несколько минут до того как был зажжен костер?

Нет, - сказал он, несколько изменившимся голосом и я понял, что видимо, угадал его мысли.

Я сделал паузу, ожидая, когда мимо нас пройдут две земные веселые женщины с отчетливыми голосами и со странной злобой ответил – как собака возвращается к собственной блевотине, так и ты снова вернулась к собственной ереси...

Мостовая обрела небольшой уклон, почти незаметный на фоне приближающихся куполов трамвайной остановки Джакомо Федоровича Большакова.

Мы миновали небольшую каменную лагуну, где неподвижный ветер приближающейся реки так надежно огражден с западной стороны – кофейней №7, а с востока – двадцативосьмизатными уродцами, и где все недокурные сигареты неизбежно обращаются пеплом Помпеи.

Чтобы преодолеть структуру молчания и мое раздражение, направленное даже не на него, а просто – вовне, Филидор достал беспроводной телефон и оттуда донеслось почти неслышное грустное бормотанье Лии.

В общем-то, если разобраться, - наконец сказал я, - это, скорее всего, просто небольшая интродукция к зловещим и трудным для восприятия событиям, которые будут происходить в бесконечно далеком будущем.

Смысл, я думаю даже не в алмазах, то есть для нас смысл только в них, но те, кто будут смотреть на этот день сквозь кристальное зеркало галактик, увидят – иное.

Ну, скорее всего эта тварь, которая будет сидеть с тобой в подвале и на которую члены национального фронта освобождения республики Мозамбик просто не будут обращать внимания (что вполне понятно – на их родине из-за тотального превосходства карликовых лемуринов и пальмовых пауков, генетическая война кошками давно – проиграна, и они низведены в статус – крысы), будет по ночам все-таки выползать из-за вакуумных цистерн и из-за отсутствия в подвале какой-то еды, ему придется слизывать твою кровь и сквозь обморок сна, ты будешь чувствовать его жадные и омерзительные прикосновения.

Это и будет момент – изменения.

Так, в эпоху владычества на этой планете термитов, странной искривленной эллипс орбиты странствующей Черной дыры входит в первый контакт с Юпитером, и весь промежуток после красного и до фиолетового - заполняет горящий гелий-2, а еще чуть позже все подземные лабиринты гигантских термитов заполняет – межзвездное вещество.

Так, Икар, поднимаясь к Солнцу, впервые ощущает его бесконечный холод.

Так, Буонапарте, в темном воздухе Ватерлоо, освещенном лишь горящими редутами, ждет доброго и прекрасного Груши, но дожидается только незаконнорожденного садиста и подонка Блюхера.

Так, Ланселот, отдает свой меч Мордреду, и это означает мучительную смерть всех кого он любит.

Так, Мариус, подслушивающий в соседней комнате, отказывается выстрелить, чтобы предотвратить убийство Вальжана и не понимает, что именно сейчас его душа дает трещину, что именно сейчас он утрачивает власть над своей душой, обрекая ее на гниение, пока она не сгнивает – окончательно.

После первоначального головокружения и тошноты, вкус твоей крови ему покажется даже – приятным, а еще позже, эта тварь предпочтет этот вкус – всему остальному.

Все так случайно и все так бессмысленно на нашей грустной планете.

Твоя генетическая цепочка с деревянными амулетами самоубийств, алкоголизма, безумия и исчезновений предшественников, скрепленная надежными узелками твоих бесплодных вегетарианских пельменей и его искаженная и разрушенная ДНК мертворожденных и рожденных с двумя хвостами, разделенная на особую специфику Мухтара.

Метод соединения – кровь, а тот незаметный катализатор артерий – особое наркотическое вещество, которое используют только партизаны полной луны республики Мозамбик.

Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя...

Дальнейшее вполне понятно и легкопрогнозируемо – когда твой труп будет закопан, и члены сопротивления покинут этот подвал, катализатор начнет действовать, и через пять поколений родится настоящий монстр, по сравнению с которым телепатические кошки Ультара покажутся просто безобидными колибри.

Он начнет политику объединения кошек, а потом политику – разведения, которая закончится уничтожением людей и так далее и так далее.

И что делалось, то и будет делаться и все, кто родился, очень скоро умрут.

Из-за этого незаметного подвала разрушенного дома на Карла Люксембург, мудрая раса членистоногих из системы Лебедь 6, будет процветать вечно и окажет огромное влияние на все развитие той части Вселенной.

В альтернативной истории вся эта раса была уничтожена людьми, активно осваивавшими космос, из-за их прекрасного нежного мяса, с которым на Земле, уже были глубокие проблемы.

Кошки также, в свое время, достигли планеты членистоногих и вступили с ними в контакт, но их мясо, кошек не привлекло и они полетели дальше.

Кошки предпочитали – кровь.

А у мудрой расы ученых и философов, кровь была фактически – холодным ядом.

В общем, им очень повезло, что в свое время, курьер, перевозящий промышленные алмазы для нужд революционного движения республики Мозамбик, очень плотно завис на окраине Душанбе в караоке-баре «Жэнэгдаарсандэ» в компании псевдоузбекских девственниц, с каждым днем все больше теряя человеческий облик и чувство ответственности за изучением местной алкогольно-наркотической продукции...

У Филидора снова зазвенел Сибелиус переносного телефона – в грустных шепотах - Лия где-то задерживалась, не было трамвая или был, но не подходящий и так далее.

Чтобы синхронизировать промежуток времени мы, по предложению Филидора, зашли в аптеку между Большакова и Декабристов.

В длинной очереди стояли видимо те, кто хотят жить вечно.

Филидор, как обычно, отправился к разделу лекарственных трав, протирая и без того прозрачные стекла очков, а я стал рассматривать разноцветные бальзамы и настойки, профессиональным взглядом алкоголика.

У меня однажды был кратковременный период, когда я пытался бороться с алкоголизмом, с помощью бальзамов, и выпивал за день десятки стаканов чая с этой гадостью.

К настоек же я всегда чувствовал какую-то приязнь, по причине их такого безыскусно-отвратительного вкуса и их стоицизма – последнему прибежищу равнодушной души, высчитывающей мелочь на сигареты без фильтра.

О закуске тут речь уже и не идет.

Запах десятков ужинов в вечернем подъезде - вполне достаточная закуска.

А теплая железная батарея, поверьте, намного сильнее порнографического фильма.

О, сколько я выпил этих настоек – целая поэма боярышника.

Я очнулся от медленных воспоминаний и направился к Филлидору, он держал в руках «Сбор лекарственных трав №4» и о чем-то разговаривал с помощником фармацевта на особом профессионально-птичьим языке посетителей аптек.

Наконец, он, с сожалением положил упаковку обратно на прилавок, и мы вышли на улицу.

Мы пересекли сдавленную, словно втиснутую в ландшафт города чьей-то раздраженной рукой улицу Декабристов и нам открылись холодные очертания Цирка, а сразу же за цирком находился мост Братской Любви.

Афиши цирка предлагали посетить ледовое представление «Принцесса Мелизанда и 99 пингвинов», на огромном плакате была изображена золотоволосая красавица, держащая на руках пингвина, глядящего на нее маленькими влюбленными глазами.

Чуть дальше касс находилась рекреация, из динамиков доносилась какая-то детская хренотень, и маленькие злобные лица детей, катающихся на многочисленных каруселях, странным образом гармонировали с холодным и небрежным гримом пожилого клоуна, продающего билеты у входа.

Торговец воздушными шарами, в костюме Микки Мауса стоял рядом с ним, он держал в руке смятую маску животного и курил сигарету, бессмысленно глядя на находящуюся в пятнадцати шагах перед ним, станцию метро «Геологическая», словно размышляя о том, как он очутился в этой ловушке, из которой нет выхода – между Сциллой электрического подземелья и Харибдой мерзкого детского смеха.

Мы прошли мимо него, он как раз докурил сигарету и перевел бессмысленный взгляд на голову Микки Мауса в своей левой руке, и взошли на мост номер пять.

Воздушные шарики торговца были наполнены гелием-2.

Я прислонился к перилам и стал смотреть на спокойную реку.

Лия опаздывала.

Внизу у памятника Неподкупному Сотруднику Милиции (еще одно изобретение бургомистра) сидела какая-то старушка с маленькой внучкой и говорила ей что-то неслышное, показывая рукой на бронзу памятника.

На постаменте почему-то стоял крупный волк на задних лапах, одетый в милицкий сюртук, расплзающийся на нем по швам.

Видимо опять произошла какая-то накладка, как с освещением деревьев на улице 8 марта.

Снести памятник было невозможно, он был огромен как трамвай, поставленный на автобус и стоял на каком-то безумно глубоком фундаменте из-за особенности берегового рельефа, и его разрушение грозило разрушением всей набережной и всякими другими природными несчастьями.

В хищно сжатых передних лапах волк крепко держал какие-то небольшие предметы, которые были похищены контрабандистами в первую же ночь после церемонии открытия.

Так как на все упоминания о памятнике в средствах массовой информации, бургомистр, в приступе меланхолии, наложил табу, то уже никто толком не помнил, что это были за предметы.

Двадцать третий трамвай здесь не ходит, - ответил я, повернувшись к Филидору, в ответ на его слова, что Лия уже села в двадцать третий и через пять минут будет.

Блядь, - сказал Филидор, - а где он ходит?

Я сделал неопределенный жест и снова продолжил созерцание внучки, которая пыталась дотянуться до левой руки волка, в которой по разным версиям была дубинка или наручники или электрошок.

Поэтические натуры высказывались за уголовный кодекс или весы Фемиды.

Но только очень немногие еще помнили, что на самом деле в левой руке волк держал – шприц.

Река была еще совсем незакрыта льдом, в ее неглубоких, отравленных, измученных водах, чувствовалось, как это ни странно, даже какое-то благородство, какое-то последнее высокомерие, словно предсмертная записка отверженного, написанная без орфографических ошибок – разборчивым, красивым почерком.

Словно бы она была мыслящим существом, переживающим неудачный момент жизни, но знающим, что все это не навсегда – что уйдут люди, потом – камень, стиснувший ее берега, а еще позже – очистятся воды.

Дальше памятника виднелись одинокие фигурки людей у самой воды, держащие в руках приспособления для ловли ихтиандров.

Впечатление они производили безрадостное.

Наконец – было уже пять минут одиннадцатого – на трамвае, который так явственно был ни двадцать третьим, ни даже тридцать вторым, приехала Лия.

Она передала Филидору котенка №7, тот сразу же крепко вцепился в его шарф, с какой-то отчаянной ненавистью осматривая все вокруг – этот чуждый и безумный мир.

Ну что, ребята-парни, - доброжелательно сказала Лия, немело подделываясь под псевдонародный говор, который в тот год был в моде, среди малообразованной части горожан, - как животное то согреете, рубликом подарите – сигареты луну обкуривать, да или просто – роса заутреня?

В соответствующих выражениях попрощавшись с Лией, мы пересекли мост, и, спустившись на левую сторону набережной, двинулись в обратную сторону – к «Цепелину».

Эта часть набережной заканчивалась тупиком, поэтому прохожих здесь не было совсем, а гуляющих – крайне мало.

Ну, вот и все, - заметил Филидор, имея в виду существо, прятавшееся у него под курткой, - теперь видимо назад дороги нет.

Ну, это может быть, - продолжил я, - что-то типа одного из вариантов той древней скандинавской саги про Терминатора.

Ну, то есть ты – марионетка добра, то есть – членистоногих, а мои кукловоды зла – это люди, уничтоженные кошками.

И ключевая точка пересечения судеб всех трех рас – именно сегодня.

Бесконечная игра в кристалле.

А мы лежим с закрытыми глазами в охлажденной камере, крест-накрест переплетенные друг с другом инфракрасными датчиками тепла.

Мои кукловоды, к сожалению, – наиболее слабы в этом искривленном треугольнике звезд.

Это жалкие остатки человеческой расы в джунглях Мозамбика, который кошки очень долгое время не трогали и он остался почти не разрушен из-за сентиментальности, так несвойственной кошкам, просто когда-то именно эти люди – члены регионального отделения «Урал-Север» национального комитета борьбы за

независимость республики Мозамбик – так или иначе, но дали им - жизнь.

Им удалось как-то выжить и когда кошки отправились к звездам, они восстановили исходную точку матрицы, где победа означает для них собственную смерть, а поражение – смерть тех, кто и так уже много тысяч лет мертвы.

Такие дела.

Причем если бы кошки объединились с членистоногими (а такая возможность теоретически существовала), у людей не было бы никаких шансов изменить прошлое, но кошки не воспринимали иные расы как разумных партнеров.

Узость мышления вампиров, как когда-то писал Вергилий, что поделаться.

Ну а членистоногие, решив все свои философские проблемы, стали исследовать параллельное время и все возможные пути развития своей расы в ответвлениях прошлого, и с удивлением обнаружили, что за редким исключением, все вектора сходятся именно в этом дне на бесконечно далекой планете.

Такой вот ужас.

И вся наша несчастная жизнь была только искусственной прелюдией к одному этому дню.

Ничего на самом деле не было – ни страдания, ни горя, ни разлук, это была всего лишь необходимая интродукция, и я думаю, кто бы ни победил сегодня, в этой войне миров, они вознаградят нас за это, и завтра будет солнечный и теплый день и все оставшиеся дни будут - такими.

Стихи – не о хлебе насущном, любовь – без вытягивания жил, может быть даже – бессмертие...

Одинокий остров людей, уходящий в темноту, зная, что где-то там раса спасена, и благословляющий нас, или вечная благодарность членистоногих, для которых мы станем богами и этот холодный и грустный день будет тщательно изучаться в их академиях.

Конечно, они будут плохо понимать все наши разговоры, но столетия исследований все-таки, наверное, дадут какой-то результат и одни исследователи будут тяготеть к тебе, но иные - ко мне.

Ну и типа цивилизация постепенно разделится именно по этому признаку, конечно, мои поклонники будут в меньшинстве,

они слишком буквально воспримут мой скептический взгляд на вселенную и противоположные черты моего характера.

Они, наконец, догадаются, что такое алмазы и в знак уважения ко мне будут совершать смертельно опасные экспедиции к далеким планетам в поисках алмазов.

Ну, типа такой корабль, с трудом приземляющийся рядом с огромным музеем моего имени (правда, все-таки заметно уступающий в размерах – твоему), откуда выходят четверо выживших из всего экипажа, и они несут большой контейнер с алмазами, на котором пятна их холодной крови.

И хранитель музея, сверяясь с картотекой, отправляет их в хранилище 462, где еще есть место для алмазов...

Ну и так далее, вплоть до гражданской войны...

Набережная окончилась тупиком, но мы вскарабкались вверх и перелезли через высокие перила моста Сфинксов на Декабристов.

Я сразу же свернул в переулок, и мы пошли дворами, чтобы отдохнуть от прямых улиц.

Повинуясь безошибочному инстинкту штурмана, я провел Филидора, лабиринтом мусорных баков, строительных заборов и пустых детских площадок, и когда он уже начал нервничать, потеряв чувство направления, за очередной стеной проулка, внезапно открылась громадная пирамида «Цеппелина», словно из грязного окна заброшенного дома Кэмдена.

Было без десяти одиннадцать.

Мы подошли к условленному входу в здание и расположились подле, на скамейке.

Не успел я закурить сигарету, как у него зазвонил телефон.

Ну, вот и все, - сказал Филидор, - это все...

Он встал и отошел, в воздухе явственно чувствовался прогорклый запах жира от жирового комбината, который производил, видимо не меньше миллиона литров майонеза в день, так как, несмотря на то, что он находился на расстоянии семи остановок отсюда, дым его труб ощущался вполне беспрепятственно.

Я закрыл глаза – кухня в замке уже согрелась, и это тепло так приятно, и чай – горяч, в девичьем дневнике, герцогиня описывает свой первый случайный опыт, на конюшне, с помощником конюха – простыми и откровенными словами, все так как оно и было на самом деле, и даже в этом скотстве, юноше из совсем

обнищавшего рода, она все равно кажется невинной и прекрасной...

Открыв глаза, я увидел Филидора, он стоял надо мной, настроение у него было замечательным.

Пятьдесят рублей, - сказал он, отвечая на мой невысказанный вопрос, - очень кстати неплохие деньги...

Он попрощался со мной и ушел, ему уже пора было на работу, он перешел улицу и медленно пошел в сторону Родонитовой.

Больше мы с ним никогда не встречались.

Я еще какое-то время сидел на скамейке, не думая ни о чем, потом пошел домой, благо идти мне было недалеко.

По пути, я зашел в магазин и купил бутылку водки, и на всякий случай, пива.

Кто победил в войне миров, так и осталось неизвестно, но следующий день, после дня осенней годовщины битвы при Фермопилах, не был наполнен ни солнцем, ни теплом.

Я проснулся днем с жесточайшей головной болью, меня тошнило, и старые шрамы на руках горели медленным внутренним огнем.

Я добрался до оазиса холодной воды в ванной и долго пил ее, смачивая руки, потом меня рвало водой и какой-то мерзкой слизью.

Когда, наконец, я вытер лицо полотенцем и взглянул в грязное зеркало над раковиной, оттуда на меня смотрел совершенно незнакомый человек.

И в этом человеке не было ничего приятного.

Во внутреннем кармане куртки еще оставалось несколько асигнаций и я машинально оделся и пошел в магазин.

Добрые соседи по лестничной площадке были на работе, в лифте тоже никого не было.

Тот чужой человек в зеркале ванной был моим единственным другом, всех остальных в этом городе я – ненавидел.

По-настоящему теплый день наступил только в скучном месяце апреле, но я в то время весны находился уже в другом мире.

Я сидел на трамвайной остановке – темной и холодной – и ждал трамвая, но его не было уже очень давно.

Очень хотелось курить.

Вокруг моей половины остановки был только черный саван ночи.

В другую сторону трамваи шли довольно часто, на другой стороне горели фонари, и в трамваях были вечерние женщины и мужчины, слышались неразборчивые голоса, и там была – жизнь.

Но мне нужен был трамвай в другую сторону.

Это был самый первый - самый тусклый – трамвайный круг ада, о котором дошедшие до тех кругов, где расплавленная сталь совести, где клыки птеродактилей сыновней любви, где окровавленная дыба – одиночества, вспоминают с ностальгией и умилением.

В этом круге ада находились те, кто нерегулярно оплачивал свой проезд в трамвае, был груб с добрыми кондукторами и так далее и тому подобное.

Дверь из этого круга вела в следующий – троллейбусный круг, и я – предчувствуя все оставшиеся круги – даже порадовался что в том городе, где сейчас был первый теплый день апреля, были троллейбусы, за проезд в которых я не платил практически никогда.

Очень хотелось курить.

Наконец трамвай подошел – через день или неделю ожидания – и я сел на свое любимое левое заднее сиденье.

Внутри было темно и пусто, как и за окнами.

Трамвай тронулся, я прислонился головой к стеклу и почувствовал, что засыпаю.

Ехать было еще долго, но проезд в этом трамвае мной уже был оплачен.

Судьба остальных героев моей повести мне известна, но рассказывать, что с ними было дальше – всю эту уильямсбонскую муть – у меня нет никакого желания.

Все они были людьми довольно скучными и трезвомыслящими, даже жестокосердный бургомистр с его многочисленными талантами и фантазией Шелоб, замкнутой в подземных лабиринтах метрополитена.

Котенок №7 оказался женского пола и его хозяйка дала ему старомодное имя - Мирра (Миррочка).

На удивление быстро, следы деградации, доставшиеся ей в наследство от Мухтара, по мере взросления, смягчила женственная мягкая шерсть и удивительно симпатичный носик.

С генетической душой, – хитрой и болезненно жестокой – которая передавалась абсолютно всем потомкам того странного

союза невлюбленных, оказалось сложнее и ее удалось только замаскировать.

Но впрочем, это было не так страшно.

Ее хозяева жили в небольшом коттедже примерно в километре за южными воротами города.

От «Цеппелина» этот путь шел так – на запад до 8 марта, и дальше на юг по 8 марта, мимо жироккомбината, по Титова, мимо приюта для девственниц, через Вторчермет, через Южные ворота города, минуя Нижнеисетское кладбище, где были похоронены мои родные, за которым на небольшом расстоянии и был дом Миррочки.

Они обожали Мирру и она там прожила вполне счастливую жизнь, не зная ни голода, ни страха.

Она умерла в пятнадцать лет, совершенно внезапно, даже не будучи серьезно больной.

Смерть словно бы вытерла мокрой тряпкой ее лицо и когда хозяева нашли ее труп, они с трудом узнали свою любимую Миррочку сквозь внезапно проступившие злобные и отвратительные черты Мухтара.

Они вызвали пожилого ветеринара, который наблюдал Мирру почти всю ее жизнь, чтобы он установил точную причину ее смерти, дабы успокоить свою совесть, так как они не исключали возможности, выплавав слезы, снова взять в дом котенка.

Ветеринар произвел вскрытие и к своему изумлению обнаружил в ее желудке маленький вакуумный контейнер из высокопрочного пластика.

Он с трудом разрезал пластик и не поверил своим глазам – в контейнере было семьдесят четыре превосходных алмаза.

Опытный ювелир, по формальным характеристикам, сразу же бы определил их мозамбикское происхождение.

Впрочем, достаточно было бы взглянуть на их уникальный цвет – цвет, начинающего выцветать неба, - который встречается только среди алмазов этой богом забытой африканской страны, да и то крайне редко.

Этого оттенка нет ни в словарях, ни в спектре Солнца и его вряд ли смог бы воспроизвести Рафаэль.

Даже в великом многообразии изученных людьми небесных тел, этот цвет присутствует в спектре всего лишь одной звезды,

которая на наших навигационных картах звездного неба, обозначена как Лебедь 6.

Олег Шинкаренко Сломанный человек

Я познакомился со сломанным человеком, когда он медленно шел по улице мне навстречу. Прежде всего я обратил внимание на походку сломанного человека - она производила такое впечатление, будто бы он хочет остановиться, но не знает где. Мне показалось, что человек этот задумал остановиться именно передо мной, потому что он шел прямо мне навстречу, еле перебирая ногами. Вот он замер на месте, и я уже было хотел обойти его, как вдруг заметил мольбу в его глазах.

- Пожалуйста, не сворачивайте, - сказал он, - я знаю - у вас столько сил и уверенности, что вам не составит труда добраться куда угодно; даже если придется бежать - вы прибегнете к этому, Не задумываясь над последствиями, в то время как я, даже если подумаю о том, чтобы сделать еще один шаг, просто упаду. У меня совсем нет сил, а до моего дома еще так далеко! Отнесите меня туда, пожалуйста!

У человека был такой измученный вид, что мне не оставалось ничего другого, как взять его на руки и понести к нему домой.

- Я передвигаюсь с трудом, потому что у меня слабое уставшее сердце, - жаловался сломанный человек. - За последние несколько месяцев оно окончательно испортилось - вот-вот остановится, - а на новое у меня не хватит денег. Да что новое! Даже бывшее в употреблении сердце стоит недешево: нужно откладывать целый год только для того, чтобы внести первый взнос. Обычно после этого сердце

сразу же заменяют, если только есть уверенность в том, что все остальные органы здоровы, и человек может работать, чтобы выплатить кредит, но, глядя на меня, этого не скажешь.

Человек, нажав на потайной крючок, раскрыл в груди маленькую дверцу и, вытащив сердце, стал крутить его у меня пе-

ред глазами и так, и сяк, чтобы я убедился в правдивости его слов. Сердце действительно было довольно ветхое, уже совсем не светилось, а только едва вздрагивало, будто от холода.

- Я бы уже давно собрал необходимую сумму, если бы только не мои глаза, которые совсем отказываются видеть, поэтому я вынужден временно брать напрокат чужие. Арендная плата съедает все мои ежемесячные накопления, - сломанный человек горестно вздохнул. - Испорченное сердце не позволяет мне устроиться на работу, а сломавшиеся глаза не позволяют совершить немедленную пересадку сразу же после уплаты первого взноса. Я вынужден просить подаяние как документально зарегистрированный инвалид. Но я придумал, как выйти из положения! Нужно только немного денег, чтобы выкупить одну подержанную пару глаз. Мне совсем недорого по знакомству предлагает ее моя соседка, причем на очень выгодных условиях: я могу заплатить сперва лишь за один глаз, а взять сразу оба, оставшуюся же сумму верну после того, как устроюсь на работу. Как видите, Она очень добрая женщина, несмотря на то, что еврейка. Затем я уплачиваю первый взнос и, после пересадки сердца, начинаю зарабатывать на второй глаз и выплачивать оставшуюся часть денег по кредиту. Вы ведь не станете отрицать, что это довольно остроумный план?.. У него есть только один недостаток: я не могу одновременно откладывать деньги и на уплату соседке, и на первый взнос. Честно говоря, Сумма ежедневного одноразового подаяния инвалидам столь мала, что я вообще не могу ничего откладывать - все проедаю. Но это ничего. Больше всего меня пугает необходимость уплаты долга моему брату за искусственные руки, которые он подарил мне на день рождения. Он сказал, что хотя это и подарок, - деньги за них все равно надо ему вернуть, и он согласился достаточно долго ждать возврата долга (хоть полгода!) именно потому, что это подарок. И что вы думаете?

Прав ли мой брат? Я думаю, что прав. Ведь руки-то - взгляните! - действительно хороши! Прелесть что за руки! Как настоящие! несмотря на то, что целлулоидные. Мой брат - очень добрый человек, и вы окончательно в этом убедитесь, если узнаете, что я сплю с его женой (своей-то у меня нет). Он позволяет мне это делать совершенно бесплатно и даже дает займы тот орган, без которого (увы!) ничего бы не состоялось. Зачем он это делает? Не для того ли, чтобы, когда кульминация уже близка,

внезапно распахнуть дверь и громовым голосом напомнить о том, что я задолжал ему? Так происходит каждый раз и, - не знаю как жена брата, - а я давно привык. У меня даже выработался определенный рефлекс, и я ожидаю появления брата, без которого теперь, я думаю, у меня ничего бы не вышло.

- Ах, жизнь теперь так подорожала! - вздохнул сломанный человек, - для того чтобы заплатить брату, очевидно, придется продать дом. Но вот мы уже и пришли; вы можете опустить меня на землю.

Встав на ноги, человек направился к небольшой картонной коробке, видимо, из-под телевизора, и, каким-то непостижимым образом забравшись в нее, закрыл картонные клапаны коробки изнутри.

Я не уходил, чувствуя, что он наблюдает за мной через отверстие в стенке и тоже чего-то ждет. Было слышно, как он учащенно громко дышит внутри и ворочается, пытаюсь принять насколько это возможно более удобную позу.

- Дайте мне денег, - наконец сказал он голосом, как в стеклянную банку, - мне стыдно просить, но я нуждаюсь в деньгах. Дайте хоть немного.

Я даже подумал: "И в самом деле, не дать ли ему немного денег?" Мне ведь это нетрудно. Я в деньгах не нуждаюсь. У меня всегда их предостаточно.

- Нет, я не дам вам денег, - ответил я, - не потому, что жалко, а просто - мне не хочется. Поэтому денег вы не получите.

Уходя, я услышал, что сломанный человек плачет, и пожалел его, но потом подумал, что он ведь мог и смеяться: звук-то одинаковый!

Передо мной сидит бородатый мужчина и неторопливо пьет кружку светлого пива

Передо мной сидит бородатый мужчина и неторопливо пьет кружку светлого пива. Видно, что он хочет заговорить со мной, но только не знает с чего начать. Я бы помог ему, потому что скучаю. Я понял, что мои друзья сегодня уже не придут, но только разговоривать мне все равно лень, тем более с незнакомцем. У

него могут быть какие-то свои идеи, в которые он непременно постарается меня посвятить. Я этого не люблю - у меня свои идеи, я бы и сам с удовольствием о них кому-нибудь рассказал, да только слушать охотчих нет! Вот приятели мои - и те не пришли. Если разговаривать с этим бородачом, так еще чего доброго возникнет глупый спор, грозящий обернуться дракой. В пивных такое не редкость. Я бы, может, и набил ему морду, но это так обременительно! Я думаю о том, к чему может привести драка с этим типом и внутренне содрогаюсь. Конечно, борода его достаточно длинна для того, чтобы покрепче за нее ухватиться и, скажем, трахнуть его головой об стол, но что я стану делать, если это не прекратит наш спор? Достаточный ли это будет для него аргумент? А если после этого он решит свалить меня на пол? Посмотрев на него еще раз, я понял, что ему это не составит труда! Мужчина отхлебнул немного из кружки, глотнул и открыл рот. Он, видимо, все же хотел мне что-то сказать. Некоторое время посидев так, он, наконец, положил в рот орех. Разговор не клеился. Он заказал еще пива и уставился на меня, как будто не на что было больше смотреть. Мне это надоело! Как только слова уже готовы были сорваться с его губ, он сразу же клал в рот орех или делал глоток из кружки. Такое может любого вывести из себя! Я не выдержал.

- Отчего бы Вам не сказать мне то, что собираетесь?

Это заставило его сосредоточиться. Я увидел, как он собрался с мыслями и открыл рот. Затем он засунул в рот палец и извлек кусочек ореха, который, видимо, застрял у него в зубах.

- Хотя меня и раздражает Ваше поведение, я все же поддерживаю этот нелепый разговор! Вы, я смотрю, хотите знать все о моих отношениях с женщинами? Это очень бестактно с Вашей стороны! Вы понимаете, что это неприлично? Сам вопрос, заданный Вами, мне неприятен. Я уже не говорю о той форме, в которой он был задан! Прекратите есть, наконец!

Мужчина сразу послушался меня и стал гладить свою бороду, как будто опасаясь за ее судьбу. Видно было, что он не ожидал такого поворота дел. Я же не из таких, из которых можно за просто веревки вить! На меня где сядешь, там и слезешь!

- Я не стану Вас обманывать, как это делают некоторые в тесной мужской компании за бокалом пива, и рассказывать о своих бесчисленных победах. Это неправда. У меня было совсем

не много женщин! Начну свой рассказ с одной не особенно привлекательной толстушки. Однажды у меня была такая женщина. Она, бедняжка, любила все необыкновенное. Я часто произвожу такое впечатление. При мне многие стараются вести себя как-нибудь удивительно, чтобы не ударить в грязь лицом. Очень зря они кривляются! В душе я обыкновенный и простой. Просто я почему-то очень злой человек, хотя для этого нет никаких причин на первый взгляд. Я стал угощать эту женщину зачем-то бутербродами и пирожными. Купил и ей и себе, но она отказалась. Понятно: она просто хотела похудеть и заодно продемонстрировать мне это стремление! Она сказала: "Я не люблю есть и редко бываю голодной. Я люблю путешествовать!" Ишь, какая лягушка-путешественница! Лучше б она ела! Мне пришлось доесть и ее порцию.

С этими словами я разорвал небольшой кусочек рыбы, давно и соблазнительно лежащий на тарелке передо мной. Когда ешь соленую рыбу, очень важно избавиться от всех костей - даже самых мелких! Нет ничего хуже, чем подавиться костью! Этого я никому не пожелаю. "Но отчего в рыбе так много костей?" - спросите вы. Представьте себе такую ситуацию: вас ест какой-нибудь великан и громко ругается, приведенный в бешенство обилием в вас мелких и острых костей! Он ковыряется в вас, пытаясь извлечь хоть маленький кусочек безопасного мяса, но - тщетно! И вот кость попала ему в горло! Он кашляет, тужится, слезы навернулись ему на глаза - Ужас, правда? После этого на рыбу вы станете смотреть под другим углом зрения! Тут я отхлебнул немного пива. Кстати, этот способ (насчет великана) мне советовала моя мама. Восхитительная женщина!

- Я вынуждена сказать тебе, - это сказала мне та девушка, - что никогда не видела своего отца. Он уехал сразу после моего рождения в командировку и там погиб при загадочных обстоятельствах. Это случилось в районе одной электростанции. Атомная электростанция находилась неподалеку от леса. Отец ехал на станцию по дороге, проложенной через лес, и один охотник, стрелявший в крупное животное, случайно попал в моего отца. Как такое могло произойти? - спросишь ты. Вот в чем загадка! До сих пор никто не знает: был ли это несчастный случай, или преднамеренное убийство? За неимением доказательств ни того, ни другого охотника посадили в тюрьму. Объявили, что он будет

там сидеть до тех пор, пока не выяснятся обстоятельства, проясняющие его судьбу. Однако, с условием, что он будет сразу же выпущен, если только найдется человек, способный доказать невиновность охотника. Я решила стать этим человеком!

При этих словах в глазах девушки возникло нечто поразительное, отчего я посмотрел на нее по-другому. Я больше не смотрел на нее, как на еще одну модель для своих ленивых психологических опытов. Я теперь понял, что она камень, летящий вперед к цели. И этот камень должен разрушить все мои планы.

- Я сразу догадалась, - продолжила девушка, - что дело здесь нечисто! Спустя семнадцать лет после гибели отца я приехала в город, где он погиб, и сняла там квартиру, чтобы приступить к неторопливому расследованию. Знаешь, как мне было трудно! Я ведь не детектив. Да и сама эта история совсем не детектив. Так только кажется на первый взгляд.

Передо мной лежат конфеты. Я беру одну из них и читаю: "Ход Королевы". Я бы с удовольствием съела ее, если бы не одно обстоятельство. Вот посмотри на эти фотографии!

Я взял снимки в руки и увидел лица двух мужчин. Я догадался, что один из них - отец девушки.

- Один из них, - сказала она, - мой отец, а второй - его невольный убийца. Я хочу провести небольшой психологический тест. Попробуй догадаться, кто из них кто!

"Ну, - подумал я, - это совсем не сложно. Ведь отец девушки должен быть похож на нее!" Я присмотрелся и вскоре обнаружил, что мужчина на первой фотографии очень похож на мою собеседницу. Конечно, это ее отец! Кроме того, края фотоснимка темнее, чем центр. Это значит, что его недавно вытащили из рамки: центральная часть просто выгорела на свету! Я представил себе комнату девушки. На столе стоит рамка с фотографией погибшего отца. Тогда я без промедления указал на нее.

- Так я и думала! - воскликнула девушка с радостью - Это вовсе не мой отец. Это тот самый охотник, его убийца! Вы видите, что мой отец совсем не похож на меня. Это очень странно, но только на первый взгляд. Дело в том, что этот мужчина - не мой родной отец. То есть, конечно, кроме него у моей матери не было никого, но она очень долго не могла забеременеть. Врачи ломали над этим голову целый год, заставили проделать уйму всяких исследований - все зря! Вскоре выяснилось, что вся причина в

отце. Он производил некачественную сперму. Мама никак не могла забеременеть от спермы с таким низким содержанием активных сперматозоидов. Пришлось произвести искусственное осеменение. Вы наверное не знаете, но по этическим причинам сперма для искусственного осеменения анонимна. Мужчине всегда тяжело осознавать, что где-то есть реальный человек, ставший виновником беременности его жены, поэтому доноры скрываются за общей кодировкой, в которой можно распознать лишь расу, национальность, комплекцию и цвет волос. Женщина приходит и выбирает себе воображаемого любовника. Не все ведь имеют мужей! Большинство желают забеременеть, так и не найдя себе партнера. Обычно на капсуле с образцом наклеена этикетка, отражающая общий тип мужчины. Удачно забеременевшей женщине выдают копию этого изображения, как поздравительную открытку, чтобы она знала, как примерно выглядит биологический отец ее ребенка. У меня сохранилась эта открытка. Вернее, я украла ее у матери! Она ведь не знает, что я веду поиски. Вот, взгляните! Обратите внимание, как похож стилизованный мужчина из Центра Биологических Отцов на человека, который убил моего бедного папу! Нетрудно догадаться, что именно тот охотник и был моим настоящим отцом! Вы видите, какая вырисовывается сложная и запутанная картина!

В этот момент бармен позвал меня к телефону. Я очень удивился. Кто это может мне звонить?

- Скажите, - спросил меня бармен очень тихо, - где вы познакомились с этой девушкой?

- Какое вам дело! - возмутился я.

- Дело в том, что она - сумасшедшая. Я знаю ее очень давно. Она часто сюда приходит с разными мужчинами и всем рассказывает одну и ту же историю о своем отце. Вообще-то она безобидна, но я решил вас предупредить на всякий случай. Знаете, мало ли что придет ей в голову! Хотите я вас от нее избавлю?

- С удовольствием! - обрадовался я. Мне порядком надоели таинственные рассказы моей безумной собеседницы.

- Тогда следуйте за мной!

Мы прошли в какую-то дверь, якобы ведущую в черный ход через продуктовые склады, но потом оказалось, что это служебный проход в другой зал заведения! Бармен привел меня сюда и

посадил прямо перед вами! - сказал я равнодушному бородатому мужчине.

Он снова положил в рот орех. Казалось, его ничем не прошибешь. Я попросил принести мне вазочку конфет "Ход Королевы". И чай.

МЕРТВЫЙ ТЕКСТ

Роберт Вальзер
Служащий¹

Своего рода иллюстрация

Луна заглядывает нам в окна,
Она видит меня в образе бедного служащего.
Служащего еще никогда не делали предметом письменного сочинения, хотя он крайне знакомое жизненное явление. По крайней мере, насколько я знаю, не делали. Наверное, он слишком будничным, слишком безвинным, а также недостаточно бледный и опустившийся, недостаточно интересный персонаж, этот застенчивый молодой человек с пером и счетами в руках, чтобы служить материалом для господина сочинителя. Но в данный момент именно он и послужит мне таковым. Для меня было удовольствием заглянуть в его маленький свежий и мало исследованный мир и найти там уголки, столь таинственно затененные, но все же освещенные нежным солнцем. Конечно, во время этой прекрасной прогулки я недостаточно широко открыл глаза, пробежал мимо многих приятных местечек, как это часто случается в путешествиях. Но если я изобразил лишь кое-что из многого, то это чтение, пусть внимание к подобным мелочам и не обязательно, может стать очень освежающим и ни в коем случае не утомительным. Прости, читатель, что я в своем предисловии оправдываюсь перед тобой, но подобные предупреждения суть настоящая страсть веселых писателей. Так зачем же делать исключения. Прощай и прости меня.

¹ Перевод с немецкого Александра Филиппова.

Карнавал

Служащий – это человек между 18-ю и 24-мя годами. Бывают и более взрослые служащие, которые здесь не будут рассмотрены. В одежде, как и в образе жизни, служащий очень аккуратен. Все неаккуратные не будут рассмотрены. Впрочем, количество служащих последнего сорта невелико и постоянно уменьшается вплоть до полного исчезновения. Настоящий служащий не проявляет особой живости ума; в таком случае он был бы лишь посредственным служащим. Служащий позволяет себе как можно меньше выходов и излишеств; как правило, он не обладает пламенным темпераментом, зато его сильные стороны это прилежание, такт, приспособляемость и еще много черт характера, которые такой смиренный человек как я даже отчасти или вовсе не решится упомянуть. Служащий может быть и очень душевным, и очень воодушевленным и отважным человеком. Я знаю одного, который во время пожара сыграл большую роль в спасении людей. Служащий в мгновение ока может превратиться в спасателя, и уж тем более, в героя романа. Почему же служащие так редко становятся героями в книгах? Грубая ошибка, в которую еще предстоит ткнуть носом отечественную литературу. Касательно политики, а также в остальных общественных вопросах служащий, хоть и обладает приятным тенором, держит язык за зубами. Да-да, за зубами! Кое-что нужно отметить особо: служащие это внутренне богатые, прекрасные, самобытные, замечательные натуры! Они богаты во всех отношениях, во многом прекрасны, самобытны во всем, и, таким образом, замечательны. Талант служащего к письму может с легкостью сделать из него писателя. Я знаю двух, трех, чья мечта стать писателем или уже осуществилась или же еще осуществится. Служащий скорее верный любовник, чем верный любитель пива, напишу так, иначе меня побьют камнями. Он испытывает особенную склонность к любви, а уж в галантности и обходительности ему нет равных. Однажды я слышал, как одна дама говорила, что хочет за кого угодно замуж, но только не за служащего. Это привело бы к беде. Но я скажу, что у этой барышни дурной вкус и еще более омерзительное сердце. Служащий в этом смысле хорош во всех отношениях. Мало у какого создания под солнцем найдется такое чистое сердце, как у него. Разве есть у него обыкновение посещать подстре-

кательские и радикальные собрания? Разве он такой же безалаберный, распутный и самонадеянный, как художник, жадный, как крестьянин, и спесивый, как директор? Директора и служащие это две разные вещи, два мира, удаленные друг от друга так же далеко, как Земля и Солнце. Нет, душа торгового служащего так же чиста и бела, как его воротничок, а кто хоть раз видел служащего с небезупречным воротничком? Хотелось бы знать, кто?

Все еще в маскарадном костюме

Поэт, презренный миром и забывший в своей одинокой камерке под крышей все манеры, может быть застенчивым, но служащий куда более застенчив. Когда он предстает перед начальством (гневное недовольство, пена на дрожащих губах), разве не являет он собой само смирение? Даже голубка не могла бы отстаивать свои права более нежно и смиренно. Служащий сто, нет, тысячу раз обдумает то, что хочет предпринять, но до дрожи боится действовать в том случае, если ему приходится выбирать. Горе тому, кто станет его врагом, будь это даже сам господин директор! В остальном служащий никогда не бывает недоволен своей участью. Он с удовольствием ведет свое письменное существование, предоставив мир и споры самим себе, он умен и даже мудр и выглядит так, как будто смирился со своей судьбой. Благодаря монотонным и монохромным занятиям у него нередко бывает возможность в полной мере ощутить, что значит быть философом. От природы он обладает талантом нанизывать мысль на мысль, озарение на озарение, мелькнувшую идею на мелькнувшую идею и с удивительной ловкостью увязывать сложнейшие размышления, подобно товарному поезду необозримой длины, который и спереди и сзади тянет по паровозу. Неужели же он не сдвинется с места? Даже об искусстве, литературе, театре и прочих не слишком ему подходящих вещах служащий может говорить часами, причем с точными оценками, тактом и пониманием. Особенно в конторе, когда он ощущает необходимость посвятить немного времени общественности. Если же шеф начинает метать громы и молнии, что черт побери они тут так оживленно обсуждают, фью, и многостраничный культурный разговор обрывается, а служащий вновь становится самим собой. Это уж точно, служащий в высшей степени способен к перевоплощениям. Он может проти-

востоять и быть покорным, изрыгать проклятия и молиться, выказывать послушание и противоречить, лгать и говорить правду, лебезить и возмущаться. В его душе находят место самые разнообразные ощущения, так же, как и в душах других людей. Он с удовольствием исполняет поручения и подчиняется. Против последнего он буквально ничего не может поделать; (Я с большой неохотой повторяюсь, но все же) – разве есть на свете что-либо более деликатное, послушное, справедливое, чем он? Служащий заботиться о своем образовании, и как! Огромный кусок жизни он посвящает наукам, этим воровкам времени, но он почувствовал бы себя обиженным, если бы преувеличили в том, что в прочих науках он так же хорош, как и в своем предмете. Он настоящий мастер своего дела, но стесняется это показать. Эта очаровательная привычка иногда даже заводит его слишком далеко, настолько, что он лучше будет выглядеть недалеким, чем раздумчивым человеком, что часто и случается, вызывая незаслуженные упреки. Но какое дело до них такому гордому духу!

Пирушка

Весь мир и рабочее пространство служащего это узкое, тощее, убогое и сухое бюро. Инструменты, которыми он творит и ваяет, это перья, простой карандаш, красный и синий карандаши, линейка и всякого рода налоговые таблицы, которые предпочли бы остаться не описанными точнее. Перья порядочного служащего обычно по-настоящему остры и жестоки. Почерк чаще аккуратный, не без размаха, да, иногда даже слишком размашист. Перед тем, как опустить перо на бумагу, опытный служащий медлит несколько мгновений, как будто чтобы собраться с мыслями, или же чтобы прицелиться, как заправский охотник. Затем следует выстрел, и, как птицы по райскому саду, летят буквы, слова, предложения, причем каждая фраза имеет грациозное обыкновение обозначать одновременно чрезвычайно много. В вопросах корреспонденции служащий настоящий пройдоха. На лету он изобретает такие обороты, которые вызвали бы удивление у многих ученых профессоров. Но где же теперь эти сладкие плоды поистине народного владения языком? Просто пропали! Со служащего могли бы брать пример нескромные поэты и ученые. Именно они, поэты, надеются прославиться и снискать почтение

благодаря каждому исписанному клочку бумаги. Насколько же благороднее и великодушнее манера поведения служащих, которые, какими бы бедными они ни показались внешне, обладают одним сокровищем, которое заслуживает того, чтобы назвать его поистине роскошным. Быть богатым вовсе не значит казаться богатым поверхностной общественности. Напротив быть бедным означает казаться богатым и носить в душе все признаки убогой и злой натуры. Это замечание целиком в пользу нашего героя, торгового служащего, но разве он этого не заслуживает? Он вне всякого сомнения хороший счетовод и эконо. Вы, дамы, почему вы не замечаете таких мужчин! Хороший счетовод обычно хороший человек, любой служащий может предоставить подтверждение этому по десять раз на дню. Мошенники и бродяги за всю жизнь не смогут сложить должным образом пару цифр. Способность точно считать просто недоступна безалаберным людям. Это чаще всего видно по художникам, которых лично я всех считаю жалкими личностями. Когда я вижу служащего: кто ж тут возразит? Служащий, как правило, превосходно понимает семь или восемь языков. Он говорит по-испански как испанец и по-немецки как он сам. Разве можно против этого, пусть и иронично, возразить? В записи своих доходов и трат, а также своих ощущений и чувств, мыслей и идей служащий проявляет одинаковую точность. Иногда даже до смешного. Но иначе все нашли бы в нем все только хорошее и достойное подражания. Мир, в котором трудится служащий, узок, его инструменты неприметны, плоды его деятельности во многом проигрывают другим творениям. А теперь скажите, это ли не тяжелая судьба?

Новый член общества

Любезный читатель, позволь представить тебе один экземпляр из моей конторы. Это молодой служащий около двадцати лет от роду, один из тех, что полны надежд. Его старание и прилежание еще не испытали на себе все коварство времени. Его рвение во всех полезных предметах цветет, подобно розе, а что касается цветов его поистине предпринимательского ума, то они не уступят и пылающему тюльпану. Я вижу его каждое утро, каждый день и вечер за едой, а по поведению за обеденным столом можно многое понять о человеке. У него чуть ли не слишком безу-

пречные манеры. Он вполне мог бы время от времени проявлять некоторую вольность, впускать ее в свои манеры, как пробивающееся сквозь тучи золотое солнце, но это не приходит ему в голову. Происходит ли это намеренно, с целью усложнить для меня описание его личности? Заметил ли парень, в чем с ним дело? О, служащие хитры и находчивы! Каждый согласится, что для меня много сложнее представить нюансы его безупречной персоны, чем если бы он хотя бы иногда не вел себя столь изысканно. Ошибки и слабости человека предлагают охочему до них автору прекрасную возможность как можно скорее высмеять их, то есть как можно скорее прославиться, как можно скорее разбогатеть. Мой герой-статист, похоже, задумал испортить мне карьеру, но подожди, парень, уж я тебя поймаю. Однако именно по этой причине с головы правды не должно упасть ни единого волоска. Правда должна остаться непоколебимой и музыкально точной. Наш герой ест мало, все скромные люди едят мало. Он крайне осторожно принимает участие в дискуссиях, опять же, это верный признак высшей мудрости. Слова не исходят, а прокрадываются из его уст, но отчего же? Может быть, неправильное строение губ. Он ест очень деликатно и превосходно обращается с ложкой, вилок и ножом. Он краснеет, если речь заходит о чем-то неподобающем, он крайне выдержан! Он никогда не решается на то, чтобы первым выскочить из-за стола, напротив, он тактично позволяет сделать это вначале старшим. Во время еды он неустанно смотрит по сторонам с дружеским желанием помочь кому-либо. Кто еще в его положении вел бы себя подобным образом? Если же кто-либо опытный произносит за столом полушутку, он вежливо смеется, но если шутит какой-нибудь стажер, наш герой молчит. Скорее всего, он рассуждает так: Что делать с полушутками, если не поспешить с услужливым смешком и, тем самым, спасти положение? Цельные шутки могут обойтись и без смеха. И еще: Разве было бы не ужасно, сидеть и видеть, как краснеют старшие, если их высказывание останется без внимания? Читатель, ты должен признать, этот бедный одинокий служащий мыслит очень благородно! Да, во время обеда я с удовольствием изучаю своих людей. И еще кое-что: внешность нашего героя соответствует его поступкам; и, поскольку они достойны, как мы видим, внешний вид также не может не быть безупречным.

Тихие минуты

Часто случается так, что служащий лишается своего места. Его или выживают, или, что происходит гораздо чаще, он уходит сам. Так поступают беспокойные натуры среди этого народа, и это часто несчастные люди. Нищего рабочего не презирают так, как безработного служащего, и на то есть свои причины. Служащий, пока у него есть место, является как бы полу-господином, но без места его быстро понижают до неловкого, ненужного и даже обременительного ничто. Его презирают как опустившегося человека, ни на что во всем мире более негодного, и это очень печально и несправедливо. Возможно, должно быть что-то в известной степени необоримо беспутное, что-то злое, жалкое в его характере; но является ли из-за этого весь человек бесполезным? Слава Богу, таких опустившихся служак немного, иначе плохо бы обстояло дело с общественным порядком и спокойствием. Голодающие служащие это одно из самых печальных явлений. Голодающие рабочие не так ужасны. Рабочие всегда тут же могут найти новую работу, а служащие – никогда, по крайней мере, не в нашей стране. Да, дорогой читатель, в этом сочинении, в котором я рассказываю тебе о бедном презренном служащем, я бы не хотел перенимать прежний шутиливый тон предыдущих глав, это было бы слишком жестоко. Что делают чаще всего безработные служащие? Они ждут! Они ждут нового места, и пока они ждут, их мучает раскаяние, которое в самых прохладных выражениях упрекает их. Обычно их некому поддержать, потому что кому же охота возиться с таким сбродом? Это печально, я знаю одного, он был шесть месяцев без места. Он ждал и трясся в лихорадке от страха. Почтальон был для него ангелом и дьяволом: ангелом, когда его шаги приближались к двери безработного служащего, и дьяволом, если он безразлично шагал мимо. Этот служащий начал от разъедающей скуки писать стихи, и даже написал несколько довольно красивых. У него была тонкая, чувствительная душа. Работает ли он сейчас? Нет, он вновь уволился, настолько он глуп и неумен. У него, возможно, своего рода болезнь, что он нигде не выдерживает, и некоторые, кто понимает в подобных вещах, предсказывают ему дурной конец. Без сомнения, он пойдёт ко дну. На этом примере видно, что среди множества смеш-

ных и незначительных служащих встречаются и трагические судьбы. Природа так удивительна! Даже самый ничтожный служащий не кажется ей лишним, все они служат какой-нибудь цели. Если тебе, читатель, не претит плакать, или ты, нежная читательница, плачешь изредка над каким-либо горем, посвяти одну слезу из твоих прекрасных глаз служащему, больному неизлечимой болезнью, которую я описал тебе выше.

Письмо в насмешку

Дорогая мама! Ты спрашиваешь, как мне нравится мое место? О, пока что очень хорошо. Работа легкая, люди вежливые, шеф строгий, но справедливый, чего еще можно желать! Я очень быстро освоил свое поле деятельности, это бухгалтер мне недавно сказал, я рассмеялся. Грустные и скверные часы тоже случаются, но не стоит обращать на них такого уж большого внимания. Для чего же, как не для этого, нам дана забывчивость! Я с особенным удовольствием вспоминаю прекрасные и добрые минуты, милые и располагающие лица и радуюсь вдвойне и даже в десять раз сильнее. Радость, мне кажется, это самое важное и ценное, особенно если она сохраняется в воспоминаниях. Что мешает мне как можно скорее забыть все печальное? Я люблю, когда у меня по-настоящему много работы. Как только я становлюсь вялым, меня охватывает грусть и тоска. Тогда я начинаю думать, а если думать без цели и смысла тоже грустно. Жаль, что у меня нет еще больше дел, я бы с удовольствием весь погрузился в работу. Я вообще должен постоянно быть погружен в работу, иначе у меня внутри все начинает бунтовать. Ты же понимаешь меня, мама? Вчера я в первый раз надевал свой новый черный костюм. Он очень мне идет, как все говорят. Я был очень горд собой и почти уже не вел себя как служащий. Но все сводится к одному и тому же. Я пока служащий и, кажется, еще долго им буду. Что я болтаю! Разве я хочу стать кем-то другим? Я не стремлюсь на самую вершину мира, у меня не та фигура для такой высоты. Милая мама, я такой скромный, я так быстро теряю мужество, только работа и позволяет мне забыться. Иногда у меня бывает такая тоска, не знаю, как это назвать. И тогда мне ничего не нравится, тогда я все делаю не так. Но, дорогая моя мама, это случается только по выходным. Меня слишком мало загружают работой. О, я чувст-

вую, как грехи затаились в досуге. Здорова ли Ты, матушка? Да, Ты, должно быть, здорова, Ты должна оставаться здоровой. Ты еще должна увидеть, как много радости я Тебе принесу. Если бы я только мог тысячу и тысячу раз доставить Тебе радостные мгновения! Каким прекрасным Бог сотворил мир. Посмотри, когда я доставляю себе радость, она передается и Тебе, работа это моя единственная настоящая радость, выполняя работу, я становлюсь порядочным и дельным человеком, и это опять радует Тебя. Прощай. Если бы мне были известны другие слова, которые могли бы убедить Тебя в честности моих устремлений, я бы не преминул их употребить. Но я знаю, Ты думаешь обо мне самое лучшее. Ты такая хорошая, мама. Прощай, прощай! Твой послушный сын.

Ожившая картина

Сцена! Голая, до боли чистая контора. Пюпитры, столы, стулья, кресла. На заднем плане большое окно, через которое в комнату скорее вваливается, а не заглядывает кусок пейзажа. Справа на переднем плане дверь. Слева и справа просто стены, у которых стоят бюро. Много служащих занимаются делами, так же, как и в реальной жизни: открывают и захлопывают книги, проверяют перья, покашливают, перешептываются, злятся и произносят про себя проклятия. Один юный бледный служащий, поражающий своей красотой и грациозными аккуратными жестами, молча работает на переднем плане. Он худ, у него темные локоны, играючи опускающиеся на лоб, и нежные узкие руки: этот служащий подошел бы для романа. Но он, кажется, не имеет ни малейшего представления о собственной красоте. Его движения скромны и робки; его взгляды тихи и пугливы. У него черные, глубокие глаза. Иногда на его губах играет дружелюбная, болезненная улыбка. В такие моменты, и зритель очень живо чувствует это, он захватывающе прекрасен. Спрашиваешь себя, что делает в конторе этот прекрасный молодой художник? Странно, но его непременно принимаешь за художника, или, если нет, то за отпрыска обедневшей аристократической семьи. Это почти одно и то же. Внезапно входит широкоплечий, отъевшийся шеф, служащие замирают в странных позах, которые их отчасти компрометируют, настолько властно действует на этих людей появление на-

чальника. Только прекрасный юноша ведет себя как обычно: он беззаботен, простодушен, невиннен! Но шеф обращается именно к нему, и, судя по всему, отнюдь не дружелюбно. Красавец краснеет от этой грубости, напора. Шеф удаляется, служащие облегченно вздыхают, но наш герой чуть не плачет. Он не может выносить упрёки, так нежна его душа. Но не плачь, красавец, такое странное чувство возникает в сердцах зрителей: не плачь. Особенно женщины чувствуют это сострадание. Но из его прекрасных глаз катятся крупные слезы, вниз по нежным щекам. Он роняет голову на руки и погружается в размышления. Между тем, наступил вечер; пейзаж в раме окна становится все темнее и темнее и таким образом указывает на это. Служащие с радостным шумом покидают свои места, складывают принадлежности и убегают. Это происходит очень быстро, так же быстро, как это происходит и в жизни. Остается только красивый молодой человек, погруженный в мысли. Бедный, одинокий красавец! Почему ты служащий! Неужели в мире не нашлось для тебя более подходящего места, чем тесная, душная контора? Теперь ты должен подумать, подумать, ах, между тем падает мертвый, жестокий, убивающий все занавес.

Сон

Однажды один служащий рассказал мне такой сон: я находился в комнате. Вдруг стены комнаты раздвинулись. Я смотрел. В комнату вплыл дубовый лес, и в этом лесу было так мрачно, так черно. Потом лес свернулся, подобно тому как заворачивается страница какого-нибудь фолианта, и я оказался на горе. Я понесся со своим товарищем, тоже служащим, с горы вниз. Мы приземлились у черного, укутанного в туман озера и бросились в воду между камышами. Сверху раздался светлый женский голос и повелел нам подняться. Как же он звучал в ушах! Я вышел из воды и начал карабкаться вверх по отвесному и крутому склону, я цеплялся за тонкие корни деревьев; под собой я ощущал все растущую, жуткую глубину. Я уже хотел было преодолеть последний отвесный выступ, но сорвался: скала была мягкой, как кусок сукна, она подалась, обрушилась и полетела вместе со мной, карабкающимся, в бездну. Меня пронзила бесконечная боль. Я падал и падал, и в конце концов снова оказался в комнате из начала моего

сна. Снаружи идет дождь. Распахивается дверь, входит женщина, которую я хорошо знаю откуда-то из прошлого. Тогда мы разлучились. Я ранил ее, или она меня, какое это имеет отношение к делу? Но теперь она так мила, так дружелюбна; улыбаясь, она идет прямо ко мне, садится рядом со мной, обвивает меня руками и говорит, что из всех людей на свете любит только меня. Я мимоходом думаю о своем товарище. Но я так счастлив, что я более не могу удержать его в памяти. Я обнимаю женщину за прекрасную тонкую талию, чувствую материю, ткань ее платья и смотрю ей в глаза. Они такие большие и прекрасные. Испытывал ли я подобное счастье? Несмотря на дождь, мы отправляемся на прогулку. Я прижимаюсь к ней, и мне кажется, что она хочет притянуть меня к себе еще ближе. Что за мягкое, звучное тело! Какая улыбка на губах! Какая гармония тела, движений, речи и улыбки! Мы так мало говорим. Ее необычное платье, кажется, говорит со мной. Странно: нам и в голову не приходит целоваться. Наверное, неожиданность нашей любви слишком сильна. Откуда мне знать! Держать ее в руках, ту, которую я навсегда считал врагом, знать, что аромат любимых рук теперь мой, это выше моих сил, чуть ли не выше моих чувств. Мы снова входим в комнату. Там сидит мой товарищ; он удивленно смотрит на нас и уходит. Причинили ли мы ему боль? Я спрашиваю себя. Но она вдруг падает к моим ногам, как надломленный цветок, целует мне руки, хочет любить только меня, меня одного на свете. - Вот что мне рассказывал служащий.

Объяснение

Эти листки являют скорее настроение, игры ветра и ощущения, чем осознанное изображение. Однако известную серьезность найдет в них даже самый серьезный читатель. Я лишь попытаюсь в завершение сухо описать, каким мне представляется мир, в который я так безрассудно впорхнул. В общем и целом, служащие в равной степени наивные и дельные люди. В них редко встретишь пороки. В них, должно быть, есть что-то забавное, иначе у меня, который надеется, что знает служащих достаточно хорошо, просто не было бы повода подтрунивать над ними в начале данного сочинения. Но меня удивило бы, если бы кто-то заметил в этих насмешках злость. Служащие – крайне примечательные лю-

ди, и то, что во всяких общественных делах им уделяют меньше внимания, чем студентам или художникам, не имеет ничего (или мало) общего с моим чувством исключительного внимания. Они спокойно выполняют свою работу, в скромности и уединении, и это достоинство, которое приятно не только им, но и окружающим. Они прекрасно понимают, что есть дружба, семья, отечество. Они также любят природу. Она для них свыше всех мер приятная и полезная противоположность тесноте и замкнутости их рабочего места. В вопросах изящных искусств они стараются составить самое естественное и простое мнение. Им не безразличны поэты и художники родной страны. Есть люди, которые наслаждаются большим вниманием и социальными благами, чем служащие, но которые сильно отстают от них в том, что касается врожденного вкуса. Обычно они происходят из лучших семейств страны. В политических спорах они предпочитают высказаться; они делают это с сердцем, но трезво. Изучение законов представляется им необходимой обязанностью, и в попытке уяснить их себе, служащие напрягают свою память и ум куда сильнее, чем принадлежащие к привилегированным классам. Они добродушны и вежливы, и в то же время легкомысленны. Они с радостью ведут себя с низшими, а в отношении высокопоставленных особ умеют защитить себя и свою точку зрения. В них есть некое кокетство, это сразу видно, но мне именно это нравится в них. Каждый интеллигентный человек хочет нравиться, а больше всего тот, кто умеет не показывать этого. В противостоянии порокам служащие ведут себя как болезненно скрупулезные, чистоплотные и совестливые люди, они холодно отвергают пороки. То, что служащие совершают свои ошибки, не станут отрицать и они сами. А кто не ошибается! Но мне кажется, что они предпочитают общепринятое, рекомендуемое. О людях чаще говорят плохо, чем хорошо. Ну, я этого не понимаю. Мне лично доставляет куда большее удовольствие, ценить и почитать мир и людей, чем высмеивать и презирать их. С этими словами, я надеюсь, я исправил свою прежнюю ошибку, когда говорил о служащих несколько шаловливо и заносчиво. Я желаю этого всем сердцем.

**Апполинария Тумина
Тексты End of the World News**

Аполлинария не понимает отчуждение

*I never understood alienation. Alienation from what?
You have to want to be part of something
in order to feel alienated from it.*
- Boyd Rice

А что тебе приходит в голову?
Russian WORLD WIDE WEB. Русский глобус.
Куточек в фольге, соль в спичечном коробке.
Пикник на обочине. Все с собой.
Беззлобно обозревают окрестности.
Из-за таких как они во всех поездах воняет тухлыми яйцами.
Хорошие парни, невредные и с мыслями.
С чувством юмора. Тошнотворным.
Раскопай своих подвалов. 60-е здесь.
Уменьшительные-сослагательные. Ежели. Мыслишка.
Лень еще листать для примеров, ya know.
Стругацкие, латинские американцы серьезно, нии, нтр.
Омерзительная самоирония.
Вот пример для меня.
Можно так смеяться над собой что всех стошнит.
Свои дела, кто обиделся, похвалили друг друга, о господи!
Нет, положительно невыносимо.
Не язык а образ мыслей. Задаёт тон.
Не все что на русском, но это - обязательно на русском.
Ходи, бери информацию если хочешь.
Ее там много, много полезной.
Информация не пахнет.
Почему нет - сейчас появилось до фига людей которые
залезли в сеть а по-английски не умеют. Так им и надо.

Вот так-то. После конца света - местечки и в местечках свой суп.

При любой технологии.

ВСЕГДА - и - наверно даже после смерти.

А что мы с ними сделаем?

А зачем?

Даже и не ненавижу, просто пофигу. Никто же не заставляет.

Бойд Райс сказал чтобы отчуждаться от чего-то надо этому сначала

принадлежать. А мне что-то совсем скучно продолжать об этом.

БОМБАРДИРОВЩИКИ - БОЛЬШИЕ ЖУКИ. ПРИВЕТ.

Как Аполлинария встречала Первой

1.05.97 г.

СТАРое МЕТРО

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ИНДАСТРИАЛ ПАНКИ ХО

111 годовщина расстрела 39 анархистов.

Один, день, весны, в году.

Ленинские горы. Развалины древнего метрополитена.

Самый большой эскалатор в мире. Был. Нелегально как в детской книжке - между деревьями мелькали красные банты то-варищей. И их зеленые головы. Почувствуйте это - из руин идет индустриальный гул и скрежет, гора высока и крута. От эскалатора остались только несущие пролеты и ступенчатая крыша. Монументально как Третий Рейх. Истинные айнштурзенде не-убаутен. Внизу кишит социальная толпа. Грязные, пестрые и пьяные дети в старомодных одеждах и аксессуарах. Четыре ирокеза и фунт булавок на квадратный метр. Сумасшедшая лысая дама с бедрами в золотых сапогах и ребенком в золотых сапогах. Крепкая рыжая немка Надя, совершенно одна, живет в сквотте. Пиориджеобразные близнецы. Мальчик достигший полного сходства с Джонни Роттенем в момент падения ниц, неосознанно, в лужу. Два фашиста унисек метра два, лысые и в темно-зеленом переступают как журавли, шипят своими камерами. Зачумленные музыканты из Проект Побег с белесой полумертвой девочкой.

Прыгает толстая малютка лет 13 и машет чудовищной грудью. Господа анархисты! - кричит комиссарша со сцены - если вас спросят, что здесь происходит - отвечайте - мы снимаем кино. Какой кайф видеть вокруг себя толпу из одних только уродов. Как уютно себя чувствуешь. Наконец-то среди своих. Албания это только начало. Красные Бригады. Очередь из стихов Маяковского то есть на сцене как в сибиджиби - панки это любят . А просто дай ему в морду. Они путаются в словах и смеются. Все вместе очень напоминает речевку в детском саду. Позитивные вибрации. Народ подбадривает - давай говори дальше, нига!

Это было действительно приятно. Часть унюханных мало-летних панков скакала по полуобвалившимся конструкциям как кошки и жуки, взрослые были скорее всего журналистами и критиками, чинно сидели на склизкой земле. Слишком стары мы для таких мероприятий, Полина. В целом атмосфера была как после 3 мировой - идиллическая, как иногда снится в счастливых снах - кругом мутанты и уничтоженные города. Приехало ТВ и вместо анархистов-устроителей сняло Диму Толмацкого. Устроители видимо были недостаточно анархисты. Сегодня должны показывать это интервью, но мне лень в банке искать телевизор. К тому же вероятно весь Димин фашизм вырезали. Музыка конечно почти никакая была, и понятно - сцена всего только железобетонный остов с кое-как и не везде положенными досками. Это не делало никакой разницы, как вы понимаете, люди имели свое удовольствие от происходящего. Менты тихо приезжали за данью. Все чинно и картинка с баткой Махно. Одна маленькая заноза - пара затесавшихся птучей. С ехидной полубородой и харикришной. И с единственной на весь серпентарий чистой, красивой, голубоглазой девочкой. В чистых белых гольфах и чистом сарафане из секондхенда. С чистым и упорным взглядом. С коротким носом и кудряшками. Достаточно было посмотреть на нее. Сразу понятно, что весь этот праздник глуп и старомоден. И нелеп. Очень жаль, но к сожалению. Нелеп. Этот парти продолжался говорят до самой поздней ночи. А потом все умерло.

2.05.97 г.

НОВОЕ МЕТРО

АКВАТОРИЯ X ПОКОЛЕНИЕ СИДИТ ТИХО

Южный порт это хорошо. Когда ты видишь в первый раз я подчеркиваю в первый раз новую действительно новую станцию метро то получается.

Если ты принадлежишь к X-GENERATION, то тебе всегда легко найти дорогу. Просто иди по X-стрелкам. Мне проще идти за кем-нибудь из X-GENERATION. Опять детский сад, то есть помещение детского сада. Очень аккуратно и гигиенично. Там планировался фестиваль из кажется 28 групп, играл Борисов, у входа на танцпол конечно же стоял Дима Толмацкий и вчерашняя немка Надя. Поколение вело себя до ужаса прилично. В чиллауте все чинно сидели на пластиковых стульчиках и слушали музыку. Никто не шевелил головой, никто не издавал звуков. Три часа играло Министерство психоделии, и играло отличный, действительно очень хороший джунгль. Было видно что поколение эта музыка не колбасит. Они завибрировали только после, от хардкора. Спрашивается - чего они там сидели? Загадка для меня. Просто пришли послушать концерт. Скучно, но что делать - пояснил очаровательный юноша, похожий на мертвого дрозда. Подвал для тинейджеров и ночной клуб для тинейджеров. Это новая эпоха. Они способны три часа тихо сидеть на стуле, три часа с двух ночи до пяти, абсолютно не врубаясь в музыку. Новая социальность. Через десять и двадцать лет ты можешь быть уверен - если тебе и наступят на ногу, то непременно извинятся. А разве это плохо? Да ааатлично это. Это гармоничные и дружелюбные люди. Легко вступают в контакт с деревенской старшей сестрой (это я), ведут здоровый образ жизни. Вот уж бояться их совершенно ни к чему. Если ты хочешь принадлежать, быть внутри - это совсем легко. БУДЬ. Будь, может помешать только непропорциональная голова и ничего более. Никто не тронет тебя. Это всего лишь место, куда приходят, чтобы не сидеть на улице. Эстетика, которая заключается в морских грузовых кранах и длинных горизонтах и в новых станциях метро и простой пластиковой одежде. Почерпнутая из двух журналов и рассказов старших товарищей. Немного провинциально раскрашенные полиэтиленовые стены, блестящие.

Вчерашняя парти и сегодняшняя - лепость и нелепость. Клубящиеся дети лепы. Они соответствуют времени и месту. Они позитивны, как я уже говорила. Панки, уроды, фрики они по определению нелепы. Андергроунд нелеп. Ненавижу андерграунд. Если ты - урод, если ты себя чувствуешь уродом, то твое место под землей. Разве не логично? Морлоки и эти как их эолы. Ну и что? Грустно как-то. Впереди масса времени. Вежливые люди. Голубые города, алюминиевые стеллы, плексиглас - кошмар шестидесятых. Хочется катастрофы.

ПРО МУТАНТОВ

Отчего бультерьеры такие опасные? Очень просто - посмотрите ему в лицо и поймете.

Они просто полные дебилы. Тупые до неподвижности.

Бывают собаки умнейшие бывают так себе а эти они даже и не собаки вовсе а какие-то низшие животные. Ящерицы. Змея кусается и никто не возражает потому что что от нее ждать.

А бультерьера многие принимают за собаку. И обижаются. А это не собака и обижаться нечего.

Это специальный регрессивный кадавр против законов эволюции.

Такие наверно ходили первые хищники - млекопитающие.

А еще специально вывели таких же людей. Для тех же целей - то есть для боев и развлечения публики.

Посмотрите на Мишу Тайсона - разве это человек? Да у него видно по лицу что ближайший биологический друг у него бультерьер. Конечно ухо откусил. Конечно садку делал на тетиньку.

А фигли вы его без поводка выпускали? А второй, кому он ухо откусил - видели? Он такой же в точности. Просто лучше дрессированный.

Я вообще не против спортсменов. Я их даже люблю. Сейчас вывели несколько пород, особенно мне нравятся разные бегуны и

бегуны. Они похожи на лошадей, такие красивые и функциональные.

И взгляд у них такой же печальный. Когда добегают потом стоят, бока ходят ходуном, а глаза влажные, со слезой. Скулы шевелятся. Но эта порода совсем не агрессивная.

Но бойцовые - это уже невозможно. Пора наконец взглянуть правде в лицо. Да, выведена замечательная линия. Да, публике нравится смотреть бои. Но почему никто не озаботился разработать элементарные правила содержания бойцовых пород?

Каждый тренер дрессирует своих питомцев по-своему. Именно из-за непрофессионализма тренера бедное животное может попасть в неволю, как уже случалось с Тайсоном. Возможно что теперь уже невозможно будет провести коррекцию и придется постоянно содержать его в неволе либо просто пристрелить. А ведь это великолепный экземпляр, он мог бы показывать еще лучшие результаты и развлекать публику. Жалко. В каждой приличной книжке про будущее содержатся мутанты. Мутанты это что-то хорошее и приятное вроде подарка в обертке. Всем хочется чтобы они были уже прямо сейчас.

И вот люди УРА! они уже есть. Просто никто не замечает то, что происходит прямо на ваших глазах.

Посмотрите как специализировались разные типы людей. Это уже не укладывается в "пределы нормы".

Вам когда-нибудь случалось стоять рядом с шестью манекенщицами? Если да, вы знаете что это такое.

Особенно красиво в метро - равномерный поток обтекает девушек которые в два раза выше всех остальных, в два раза тоньше и офигительные красотки. Мутантки.

То, что люди закончили с естественным отбором это еще не факт. Но искусственный отбор работает.

Это не причуда какого-нибудь миллионера по выращиванию людей-амфибий, это получается само.

Из-за специализации. Хорошо ли это? Да отлично!

Вот-вот начнутся разные чудеса и можно будет заезжать в супермаркет на бронетранспортере.

Но мутации же не только на экстерьере отражаются. Это просто самые наглядные примеры.

Почему манекенщицы такие худые и красивые и высокие? Всякий знает - потому что на них лучше всего продается одежда.

Если уж для такого заурядного и не самого прибыльного дела как продажа тряпок вывелась специальную породу людей.

А существуют бизнесы гораздо более доходные. МС-инг. Management & Consulting..) Существуют такие дивиденды ради которых вывелись бы хоть завязанные узлом. Но это просто не нужно. Нужны гораздо менее примитивные особенности. Уже не внешние. Модификация сознания окупается. Это происходит уже сейчас.

Все эти телесные уродцы они ведь тоже у кого-то будят комплекс неполноценности. А люди с модифицированным сознанием должны вызывать просто бешеную ненависть у населения. Что и было предсказано всеми этими фикшнами про мутантов. Или вот посмотрите на евреев. Они тоже стихийные мутанты с модификацией сознания.

Им пришлось чтобы выжить и чтобы получать прибыль. Как их не любят за это. Именно за это их и не любят. Просто евреи **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** отличаются умственно от всех остальных.

Отличаются от остальных и похожи между собой.

Я не имею в виду превосходят. Другой способ думать и иногда он оказывается эффективнее. Вот и все. Те, которые появились теперь - никто им тоже не внедрял в мозг электроды и все такое.

Вывелись от условий жизни, как мухи дрозофиллы.

Возможно ты ничего о них не знаешь. Возможно ты думаешь что это бред.

А возможно - ты один из них.

И отлично понимаешь почему они должны думать что это бред.

Гениталиев больше не будет

ДЕЛО ДОШЛО УЖЕ ДО ТОГО, ЧТО КАЖДЫЙ АБОРИГЕН В АВСТРАЛИИ УВЕРЕН В НАЛИЧИИ У НЕГО ГЕНИТАЛИЙ, ИЛИ, ЧТО ОДНО И ТО ЖЕ, КАЖДЫЙ ГОЛЛАНДЕЦ УВЕРЕН В НАЛИЧИИ В АВСТРАЛИИ АБОРИГЕНОВ

Новость, которую я хочу вам сообщить, вас возможно удивит. А может и нет. У людей на самом деле никаких гениталий нет.

Нет и многого еще другого, а вместо этого есть много того что вам и не снилось.

О гениталиях же я начала ради красного словца и чтобы привлечь ваше внимание.

Хотя гениталий действительно не существует, это чистая правда.

Вульгарный абстракт этой новости заключается вот в чем: Над нами глупо подшутили. Эта безответственная выходка, или, если желаете, психотропный эксперимент, был произведен подростками-панкстерами, горадыми на мелкие пакости, или, другими словами, группой молодых ученых, работавших с наркотическими веществами активаторного типа.

Вещества-активаторы были известны и до эксперимента.

Ощущение полной реальности, включающее не только физическую оболочку со всеми полагающимися тактильными ощущениями и прочим, но и психологические и архитектурные подробности естественно и неумолимо пользовались успехом у чутких сенсоров и, конечно же, в богемной среде.

Мгновенное воздействие твердыми активаторами, произведенное синхронно над всеми областями мирового мозга, конечно не могло пройти без побочных эффектов. Достаточно вспомнить сексуальную революцию. Наиболее молодые участки мозга, в силу своей гибкости быстрее приспосабливались ко всем этим новым генитальным подробностям, чем более затвердевшая часть коры. От этого происходили болезненные смещения (квейки) которые конечно не могли не повлиять на общемировую жизнестойкость. Конечно, хулиганство такого рода не может иметь фатальных последствий для мира, просто потому что он гораздо живее любой выдумки. Возвращательные процессы включаются сами собой и помешать им невозможно так же как неудержимой рвоте.

Появление глобальной компьютерной сети, электронная музыка, вирус СПИДа и индивидуализация сознаний - все эти архаичные приметы "истинной реальности" теперь уже нельзя не заметить. Так сказать, "человеческая" природа берет свое.

ДЕЗАКТИВАТОРЫ

Никто не противостоял воздействию всерьез. Представьте что в водопровод засыпают килограмм ЛСД. Зачем мешать? Впервые ясно что воздействие активаторов и так скоро пройдет само собой. Многим просто не захотелось портить себе кайф абсолютной реальности, и они с удовольствием потеряли самоощущение на время. Была пара консерваторов из армии спасения, которые раздавали молодежи дезактиваторы и пытались их пропагандировать. Однако все эти наспех придуманные лекарства, такие как мескалин, пейотль, псилоцибин и так далее не слишком эффективны. Как вы знаете, каждый дезактиватор защищает только от определенного вида воздействия на мозг. Понять как противоестественно пить и вообще глотать что угодно можно попробовав 2СВ. Но больше ничего, кроме почкования покрывал вы не увидите. Получить цельную картину мира невозможно даже комбинируя все известные дезактиваторы одновременно, они слишком слабы. Твердолобые сержанты КИЗИ, ЛИРИ и ФИЛИ работали над получением универсального дезактиватора так долго что дезактивировались наконец самопривольно. Смешная шутка.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХАИКИ

Основные признаки, приборы и материалы:

- Новые ментало-трибальные сообщества настоящих яиц тамагочи
- Характерное изменение в окраске личинок дерриды при обработке понятия "истинная реальность"
- крах экономики Индонезии. Малазийский кризис. Чипсы PRINGLES которые не смогла проглотить ни одна инициативская монада.

ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ КВАНТОВОГО АНДРОИДА

Ментальный Жокей.

Все больше людей на вопрос о чем они думают отвечают "ни о чем". Хотя правильным ответом было бы: "я не думаю". Что же они делают? Принцип действия квантового компьютера не похож

на принцип действия. Явления происходят. Как работает Солнце? Никак. Потому что оно ни на кого не работает. Мыслительный процесс квантового андроида полифоничен. Фуга. Явление природы. Имиджи и вербальные миксы одновременно транслируются по 256 каналам. Интуитивный МД-инг. И поверх этого процесса остинато:

(назидательно) вот такая вот.....(растерянно) фишня...

ЕЩЕ НЕМНОГО ПРО ГЕНИТАЛИИ

Все больше людей ведут себя так, будто у них нет гениталий.

Они сидят, развалившись одновременно в кресле и в костюме-тройке (а ведь это избыточно!) так будто у них и вовсе нет гениталий. Или же они садятся и ставят обе ноги параллельно сторонам танцпола, а туловище- перпендикулярно. Перпендикулярно - это важно, потому что туловище под углом означает явное присутствие гениталий. Парти анималз, особенно девушки, даже вынуждены пользоваться накладными гениталиями. На самом деле все знают, что у нормальных людей, как у старых кукол, между ног совершенно гладко. Куклы с грудью и большими губами - одно из главных преступлений пранкстеров против человечества. До встречи в Нюрнберге.

ЕЩЕ ОДНО ЗЛОДЕЯНИЕ

Юмор у трикстеров черный и извращенный. Любой из "людей" может достичь архаичного состояния "до-воздействия", но всего лишь на несколько секунд и именно во время т.н. "секса". Т.е. стремясь к истинному свету существо все сильнее увязает в абрикосовом желе (по которому веселый пахарь чертит вилкой прихотливые узоры)

ЧТО БУДЕТ?

1) КОНЕЦ СВЕТА

Если темпы естественной дезактивации останутся прежними, вероятно где-то к 2000 году большая часть мирового мозга осознает, что времени не существует. Что будет, в некотором роде, предсказанным концом света, поскольку летоисчисление на этом

закончится. Забавно, что история на этом закончится, так и не начавшись, потому что она, как вы понимаете, никогда и не начиналась.

2) А ОСТАЛЬНОЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ:

Наркосиндикаты не пострадают. Вместо дезактиваторов они снова переключатся на выпуск традиционных активаторов- таких как КУЛЬТУРА-2, ДАХАУ, ДИСНЕЙДЕНД, ДОСТОЕВСКИЙ и т.д.

3)ПЕПСИ конечно ОСТАНЕТСЯ. Первичные инвенции всегда будут выбирать ПЕПСИ. Конечно не эту жидкость для глотания, а то самое, знакомое нам всем с яйцеобразной стадии ПЕПСИ образ которого трикстеры предпочли не стирать совсем (потому что это невозможно) а лишь слегка декорировать.

4) По всей территории мирового континента будет введена валюта евро и отменены нелепые предрассудки о существовании голландцев, австралий и гениталий.

5)К нам вернется принцесса ДИАНА

Аполлинария знает будущее

НАЗАД В БУДУЩЕЕ

Лет десять назад Уильям Гибсон отяготил массовое сознание своим загадочным и невнятным виртуальным миром.

Там между глыбами защитного льда сталкеры сражаются с металлическими пауками. Киберпространственная дека напоминает одновременно яйцеобразный корабль инженера Лося и гиперболюид инженера Гарина Массовое сознание от этого удара не оправилось до сих пор. Бульварная пресса, зеркало мировой ментальности, периодически радует нас фантастическими описаниями ужасной, но притягательной жизни внутри компьютера.

Но время неумолимо летит вперед.

Табло на Тверской улице показывает сколько дней осталось до 21 века. Будущее стремительно сближается с настоящим. Более того, похоже что нулевую отметку мы как-то ненароком уже проскочили. Отец киберпанка теперь научился пользоваться такими словами, как хост, сайт и коннект. И пишет с употреблением этих слов новые фантастические романы.

БУДУЩЕЕ УЖЕ НАЧАЛОСЬ

Чего мы по своему обыкновению не замечаем, потому как привыкли.

Печальна участь великих вопросов, над которыми веками бьются лучшие умы человечества. В конце концов выясняется, что вопросы были idiotские.

Сколько ангелов уместится на кончике иглы? Что делать? Есть ли жизнь после смерти?

Вместо них возникают другие вопросы - хватит ли у тебя денег на таблетку молодости? Или на свой собственный клон?

До некоторых пор все мы жили в довольно стабильном мире. Работы на станции МИР были так же увлекательны, как и бурение сверхглубоких скважин. И точно так же необязательны. Циклические открытия лекарств от рака и СПИДа никого не вводили в заблуждение. Наука отдыхала. Новые технологии соединяли в глобальную сеть уродов разных сортов.

ПРЫГАЙ!

Все изменила революция. Я имею в виду некоторые всем известные странности в сводках новостей. По мере накопления они привели нас наконец к необходимости совершить качественный скачок сознания. Все совсем не по-старому. То, что вы сидите в сети больше не кладет на вас позорное клеймо ботаника. Но и не дает знака отличия интеллектуала. Миллионы здоровых, игривых подростков бестрепетно используют этот инструмент для своих подростковых нужд, вместе с телефоном и телеграфом. Уважаемые издания обсуждают проблему вечной молодости. Авторитетные журналисты пишут сочинения на тему "Как я не хочу жить вечно".

Спросите себя, как здравомыслящее существо - здравомыслящее существо : может ли существовать в нормальном настоящем мире туристическое агентство, из солидных, которое предлагает круизы в космосе? И конкурирующее с ним которое делает ставку на скорейшее сооружение горного курорта на Луне? Конечно, в настоящем такого быть не может. Стало быть, это происходит в будущем. Ничего страшного. Надо только отдавать

себе отчет в том, что привычные суждения могут тут уже не срабатывать. И это даже хорошо. Мы наконец-то получили уникальный шанс перевернуть привычный мир с ног на голову.

ПРИРОДА МУТАНТОВ

Есть вещи настолько очевидные, что их никто не замечает. Например, природа. Вернее ее отсутствие. На месте полей и огородов мы имеем рукотворную реальность 2-го порядка, с которой совершенно напрасно сражается Гринпис. Человек индустриальный прекрасно чувствует себя в своей искусственной среде, более того, парное молоко и горный воздух опасны для его здоровья. В отличие от курения. Человечество лет двести усваивало никотин и успешно, как тараканы - морилку, включило его в свой метаболизм. Американский курс на запрет курения в общественных местах это просто-напросто неуважение к своей собственной истории. Несколько поколений, пропитанных всеми индустриальными ядами, дают крепкое мутантное потомство, у которого запах выхлопных газов пробуждает сладкие воспоминания детства, а не рак легких. Будущая мать употребляет как можно больше алкоголя и наркотических веществ, курит злые табачки и прогуливается вдоль загазованных автострад. Таким образом ее ребенок приобретает необходимый иммунитет ко всем этим напастям, с которыми, ему без сомнения, придется неоднократно столкнуться в процессе жизни. Похоже, что срок годности теории Дарвина давно закончился. Никто не умирает от рук естественного отбора. А мутации все-таки происходят прямо на глазах.

ОБЩЕСТВО СОЗНАНИЯ ТЕХНО

Технологии, даже самые примитивные, начиная с ткацкого станка, стали производить объекты, не существовавшие в живой природе. Ромбики и красные петухи - первые монстры индустриального мира. Постепенно расплывчатые фрактальные образы живой материи все больше вытеснялись из человеческого сознания. Со взлетом технологий естественная среда обитания человека почти целиком стала состоять из продуктов его деятельности. Революция в искусстве, начавшаяся уже лет сорок назад, была вызвана желанием воспевать родную нам природу - жестяные

банки супов, квадраты, фаянсовые унитазы, и знак доллара. Из-за особенностей технологических процессов мир наводнился серией абсолютно одинаковых объектов. Индустриальная революция в искусстве воплотила современные нам представления о прекрасном. Тихо угас рокнролл - музыка полей и огородов.

Красота работающих механизмов гораздо более очевидна, чем красота какой-нибудь кривой березки. Всякое стремление повернуть вспять, в леса, интуитивно воспринимается как фальшивое. Коллективное сознание мутировало. Для того, чтобы в этом убедиться, не обязательно слушать музыку техно. Достаточно посмотреть модные музыкальные клипы или рекламу.

*Персона, вызывающая всеобщее уважение - мадонна - дает
гала-спектакль.*

*Где они, рейвы моего детства?
Где моя милая родина?*

ЖИЗНЬ КАК ИСКУССТВО ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

Искусство последнего времени. Зачем читать книгу когда можно прочитать рецензию на нее. Зачем писать книгу когда можно написать статью. Information overload unit. Известные дела. Сталкер в информационном поле. Nodal points. DJ. Altavista. Ясно? Неважно. Вторая сторона. Привыкнув к такому разнообразию, даже тошнит, как можно удовлетвориться непрерывным полотном смысла. Мороженое пломбир - уже не продают. Там обязательно орехи, шоколад, варенье, вафли и еще фиг знает какие сульфаты. Святая пицца! Раньше отдельные возделанные поля отделялись километрами леса, теперь все слилось в одно сплошное соевое варевое. И так далее. У меня нехорошо на душе. Что-то идет не так, но разве это можно уместить в двух словах. Я пишу несколько сообщений, отправляю разные депеши, провожу пару линий, устраиваю флейм в таком месте, где никому непонятно сколько из ста сообщений - мои (все). Задаю вопрос, отвечаю на него тремя разными способами, утверждаю и возражаю. Неизвестно сколько хвостов из этой психоактивности попадет на глаза. Неизвестно на сколько ответят - неизвестно сколько из них узнают как мои а сколько раз обманутся, неизвестно на

сколько ответят (откуда я знаю кто это?) Только к концу дня мой шаровой выброс эмоций покроется внешней оболочкой. Кто-то залепит слизью, залечит или укусит, я получу объемный ответ на мой объемный запрос. Инстинктивная жизнедеятельность, как деление клеток. Хорошо или плохо - точно так же. Просто вот так. Можно затеять странные флеймы на непонятные темы, о судьбах науки или культуры потому что хочется получить пару подтверждений трем - четырем страшным догадкам о судьбах своего носа. Нужно ли описывать эти обыденные развлечения?

Упрут и неподатлив русский интернет. Ты замаскировалась, но мы тебя узнали. Кто сказал что я пряталась? Правил нет. Нет! Происходят замечательные процессы. Трансляции растягиваются во времени, в топографии, в способах и манерах изложения, и таким образом может быть. Получается не такое упрощенное выражение. Того что выражается само. Как составить план игры? Это что - медиа-планирование? Гы-гы-гы. Произвольность тут почти как у природы. Привычное кружение, тем более интенсивное чем сильнее свербит, приводит к помечиванию территории то там, то здесь, да, совсем как котяра жирный. Если бы такие вещи делались по определенному плану это было бы мерзко. Нет, это природа. Привычка унимать зуд обтирая шерсть о деревья в лесу. Там клочок, тут след и запах. Тревога и веселье, неожиданные для себя выбросы, иногда совершенно никогда никем не замеченные, но процитированные в дальнейшем. Живые люди, манипуляции, искаженные потоки информации. Все, что вы можете мне предложить, включая телефон и телеграф. Все используется в процессе. Процесс - какой процесс? Какой еще процесс. А это уже вообще страшное дело, про это лучше даже и не думать.

Аполлинария прощается

Раньше мой мир был сухим и безжизненным а теперь мокрый и шевелится. Хорошо. Кругом масса возможностей. Это открытие, и еще какое. Ты можешь сделать все что угодно. Абсолютно все, что угодно. Кругом может стать каким угодно. Открываются не потайные тоннели а виды с гор и аэропланов. Ты можешь брать в руки увлекательные вещи. Душевный подъем, танцы, спуск с американских горок. Совершенно просто так. Без всего.

Потому игра любыми понятиями становится скучной. Мне неактуально. Потому что какие угодно суждения выглядят жалкими на ее большой большой груди. Это иносказание, ясно. Ее никакой нет. Я вот есть, но грудь не моя. Но у нас же есть. Что у нас есть?

Конечно сила у нас есть. У кого чего, главным образом же от перепада высоты и неравномерного освещения. Громадная энергия переливается всеми цветами радуги, отсвечивает электрик и не дается в руки. От нее еще дети бывают.

Вот я что-то последнее время люблю все настоящее. Pure cotton. Правду я люблю. Правдолюбков.

Реальность - это не иллюзия!

И в ней не десять и не тысяча покрывал и не миллион гранул в форме диких зверей,

И не тысячи звезд смотрят тысячи разных снов в этом пространстве связей друг с другом не ищут они и может быть потому их передвиженья легки уносясь в высоту чудо-цветок нежно раскрыл лепестки тайну свою не торопясь открывать никому но первый случайный полет тайну познает его не спастись никому. Никому - никому.

Все закрыто разными иллюзиями а надо взять их и выкинуть.

Просто перестать описывать то что не успел разглядеть.

Разодрали радиоактивный небосвод и вышли на свежий воздух.

Чу! Чу! Чу! Душный тесный ящик. Тысяча поцелуев. МИР - ВАМ!

БОМБАРДИРОВЩИКИ - БОЛЬШИЕ ЖУКИ. ПРИВЕТ.

extremum

Алексей Лапшин Социопатия

Для начала определимся с понятиями. «Социопат – индивид с патологической неспособностью или нежеланием к адаптации в социуме», - сухо констатирует современная психиатрия. Обратите внимание на это «или», поставленное в определении социопата. «Патологическая неспособность или нежелание...» Постойте, господа специалисты. Неспособность и нежелание - совершенно разные вещи! В одном случае речь идет о психическом отклонении, в другом – о некоем сознательном личностном выборе. (Слово «патология» в психиатрии можно трактовать очень вольно.) Вы правильно ставите разделительный союз «или» между неспособностью и нежеланием, но почему-то объединяете их под одним термином. Допустимо ли это?! Ведь таким образом открываются огромные возможности для произвола.

Тем не менее, такое пренебрежение смыслами понятий вполне соответствует сути отношения к людям в технологической цивилизации. В мире, где личность отождествляется с выполняемой ею социальной функцией, нежелание адаптироваться к системе воспринимается как неспособность к самореализации. Знания, труд не имеют ценности, если они не проданы. Установление контроля над личным пространством человека – главная задача системы. Следовательно, закономерно и отношение к социопатии, как к серьезному отклонению. Гораздо удобнее и выгоднее назвать её заболеванием, чем разбираться в причинах. Индивидуальность, проводящая резкую границу между своей внутренней жизнью и внешними социальными условиями, вызывает большие подозрения. Особенно, если эта внутренняя жизнь становится причиной поведения, входящего в конфликт с социальными условиями. Во избежание недопонимания, уточню, что не имею в виду какой-то патологический эгоизм, стремление удовлетворить свои желания любой ценой. Я говорю о противоречии между экзистенциальным ядром человека и навязываемыми ему

внешними стандартами поведения. Зафиксируем этот момент, поскольку именно в смешивании понятий заключается подлог, совершаемый системой.

От того, насколько глубоко человек чувствует свою экзистенцию, во многом зависит его положение в социуме. Единица, не знающая или скрывающая своё «я», приспосабливается намного легче, чем индивидуальность, которая это «я» ощущает постоянно. Вопрос в том, способствует ли такое приспособление самореализации? Эрих Фромм писал: «Подлинное «я» является создателем своих психических проявлений. Псевдо «я» лишь исполняет роль, предписанную ему со стороны, но делает это от своего имени. Человек может играть множество ролей и быть субъективно уверенным, что каждая из них это он. На самом деле, человек разыгрывает каждую свою роль в соответствии с представлением о том, чего ждут от него окружающие. У большинства людей подлинная личность полностью задушена псевдоличностью.» Тут с известным психологом, пожалуй, можно полностью согласиться. Остаётся только добавить, что подлинное «я» может и не стремиться к реализации в социуме. Поэтому многие под давлением среды его от себя и прячут, так сказать саморепрессируют. Однако находятся и другие...

Руководствуясь современными критериями, социопатом, в принципе, можно объявить любого, кто не видит достойных для себя целей в обществе потребления. Достаточно не бежать вместе со всеми к указанным ориентирам. Не стремиться к карьерному росту и накоплению собственности, быть равнодушным к рекламе курортов и новых авто, не считать спокойное благополучие своей семьи высшей ценностью в жизни, предпочитать уединение болтовне на «тусовках».

Характерно, что социопатию часто и, скорее всего, намеренно смешивают с асоциальным поведением. На Западе в качестве типичных социопатов проходят бродяги, опустившиеся наркоманы и алкоголики, криминальные элементы. В США между социопатом и психом фактически ставится знак равенства. В американской поп-культуре существует образ агрессивного социопата - коварного, безжалостного типа с ярко выраженными авторитарными наклонностями. Чаще всего это философствующий главарь банды или группы террористов. Он ненавидит чужую свободу и верит только в себя и насилие. В конце его, разумеется,

пристреливает доблестный служитель системы. Ясно, что подобные пропагандистские трюки призваны внедрить в сознание обывателей устойчивую неприязнь к попыткам разного рода непонятных одиночек жить не по правилам общества. Заодно – смешать вооружённую политическую борьбу с обыкновенным бандализмом. Социопатия – это патология, - внушают жрецы системы. Больные – либо преступники, либо лузеры. Их нужно изолировать, обломать, ну а в «лёгких» случаях просто высмеять. Вспомним уже классические «Заводной апельсин» Бёрджесса, «Над гнездом кукушки» Кизи или хотя бы их одноимённые экранзации. В обоих романах и фильмах в жёстко сатирической форме показано как система «лечит» тех, кого считает социопатами. Её метод – подавление воли.

В России термин «социопатия» долгое время практически не использовался. Модным он стал совсем недавно и, возможно, поэтому часто употребляется не совсем в том значении, что на Западе. Социопатами в России обычно называют себя молодые люди, нигилистически настроенные по отношению к окружающей их реальности. Бывает, что это лишь поза, но встречаются и вполне последовательные личности. Как правило, они воспитаны на произведениях контркультуры и нередко примыкают к протестным политическим движениям. Думаю, в ближайшее время российская психиатрия возьмёт на вооружение термин «социопатия», который будет использоваться властью для преследования инакомыслящих. Не удивлюсь, если появится диагноз «синдром Раскольникова» в честь самого известного в русской литературе носителя этой «болезни». Кстати, политическая активность, проявляемая и у нас и на Западе так называемыми социопатами, в корне противоречит утверждению об их нежелании вести социальную жизнь. Другое дело, что они не хотят адаптироваться на условиях, предлагаемых системой.

Как видим, рассуждая на данную тему, мы постоянно сталкиваемся с подменой смыслов. Сначала пришлось отделять психическое отклонение от сознательного выбора, затем уточнять, что социопатия и асоциальное поведение не одно и то же, наконец, указывать на политическую активность социопатов. Пора поставить точки над «i». Что собственно я вкладываю в разбираемое понятие? Социопатия для меня определяется как психологическое состояние, в котором личность остро ощущает непреодоли-

мое на данном этапе противоречие между своими внутренними установками и правилами игры, существующими в обществе. В зависимости от своего интеллектуального уровня, склада характера и воспитания, пребывающая в таком состоянии личность вступает в ту или иную форму противостояния установившемуся порядку взаимоотношений. Это противостояние бывает как пассивным, так и активным. Социопат может оказаться и революционером, и тихим, сторонящимся мира «ботаником», и, пославшим к чёрту условности, маргиналом, вроде Чарльза Буковски. При определённых обстоятельствах он вполне может стать и преступником. От асоциальных личностей с девиантным поведением его отличает в той или иной степени осознаваемое экзистенциальное противоречие с миром. При этом социопат не обязательно должен чётко для себя всё формулировать. Социопатия – состояние не пожизненное. Радикальное изменение общественных отношений или открытие новых внутренних перспектив может привести к его исчезновению. Социопатия – не следствие природных наклонностей, а результат столкновения личности с обществом. Психологическая неспособность определённых индивидов к нормальному поведению в социуме – совсем другая история.

Наверное, чтобы избежать путаницы в понятиях, для описания подобного состояния лучше было бы придумать другой термин, но его пока не нашлось. Приходится пока использовать тот, что есть под рукой. Впрочем, очищенный от идеологического мусора, он выглядит не так уж плохо.

Маргарита Кривченко Обаяние социопатии

«Моя мать – самая прекрасная женщина на свете. Она была сильной, много работала, чтобы прокормить своих четверых детей. Прекрасная женщина. Я начал воровать у нее драгоценности, когда был в пятом классе. Знаете, я никогда по-настоящему не знал эту суку – наши пути разошлись...»

Из книги Р.Д.Хэра «Лишенные совести»

Термин «социопат» в русскоязычной среде трактуется очень вольно. Даже психологи и психиатры чаще употребляют его в «бытовом» значении, чем в клиническом. Добавка «пат», означающая патологию, явно отражает негатив, и этого оказывается достаточно, чтобы записать в социопаты всех, кто так или иначе противостоит обществу. Иногда оговаривается, что термин «социопатия» распространен на Западе, а у нас он «не прижился», что немного оправдывает неразбериху.

Тем не менее в западной прессе социопатический тип описан достаточно точно, чтобы представить себе образ такой личности. В общем, это харизматичный и притягательный человек, он легок и приятен в общении. На определенной дистанции он кажется совершенно нормальным. Отклонение от нормы состоит в том, что социопат не способен испытывать эмоции по отношению к другим, у него никогда не возникает сожалений, угрызений совести или чувства вины. Социум для него – это набор кукол, из которых следует разыграть спектакль с собой в главной роли. Фундаментальное отсутствие интерактивных эмоций успешно заменяет рациональность и интеллект. Начисто лишенный совести, социопат беспрепятственно врет, жульничает и обманывает при любой возможности. Так же легко он уворачивается от наказаний, подставляя других.

Этот тип легко себе представить, поскольку развлекательные книги и фильмы заполнены героями-социопатами – как негативными, так и позитивными. Джеймс Бонд, Остап Бендер, Скарлетт О'Хара, разного рода вампиры, фантомасы и потрошители... Их множество бесчисленно. Кажется, что для успеха романа доста-

точно сделать главным героем какого-либо социопата. Почему этот типаж так привлекает публику? Отсутствие эмоций по отношению к человеку делает социопата бесстрашным, всегда готовым к риску. Крайне самоуверенным и харизматичным. С безопасной дистанции отсутствие привязанностей выглядит не психическим расстройством, а сильным характером. Хотя даже у самых ушлых писателей этот типаж получается ограниченным и поверхностным.

Некоторые психологи считают, что социопатия является не расстройством, а адаптацией характера. Если в основе общества лежит подчинение закону, то непременно открывается эволюционная ниша для социального типа, который в личных интересах будет эксплуатировать доверие масс. В самом деле, о каком расстройстве идет речь, если социопаты успешно вписаны в общественную жизнь. Те немногие, кто попался на преступлении закона, считаются «неуспешными» социопатами. Большинство же из них преуспевают. Журнал «Сайнтифик Америкэн» свидетельствует об исследованиях, согласно результатам которых социопаты преобладают в политике, предпринимательстве и шоу-бизнесе. И в обычной офисной жизни им открыта широкая дорога. Харизматичность, уверенность, бесстрастность, напористость, доминирование, ориентированность на результат – личностные качества, которыми должны обладать эффективные менеджеры для продвижения по служебной лестнице, сильно коррелируют с социопатическими.

Социопатия – это совокупность черт характера и общественно девиантных поступков. Если социопата удастся обвинить в антиобщественном или преступном поведении, лишь тогда ему можно поставить официальный психиатрический диагноз. Но обвинить социопата не просто – он обладает отличными манипулятивными способностями и умело отвергает все обвинения. Нужно ли его лечить? Социопаты всегда рациональны и не проявляют ментальных дефектов или явных психотических симптомов. Они не страдают от своей девиантности, а скорее наслаждаются ею. Они вполне интегрированы в социум. У них нет никаких причин обращаться за лечением. Ну и ко всему прочему – социопатия практически не лечится.

Со своей стороны социум, похоже, обожает социопатов. Их обаяние, хладнокровность, импульсивность, рационализм, свобо-

да от совести и эмоциональных переживаний вызывают у обывателей восхищение и зависть:

- *Обаяние и напор при полном игнорировании чуждого мнения. Хотел бы я быть таким!*
- *Я думаю, большинство великих людей нашего общества можно отнести к категории социопатов... Социопаты, не склонные к насилию, это цвет общества и им нет нужды быть «нормальными».*
- *Я думаю, социопаты оказывают позитивное влияние на общество. Поскольку у них нет эмоций, они могут лучше работать при помощи логики.*
- *Это просто эволюция... Возможно, социопаты просто лучше адаптированы к сегодняшнему миру.*

Комментарии к статье о социопатии

Люди, знакомые с этим характером в теории, склонны к позитивной его оценке. Однако на практике взаимодействие с социопатом оборачивается сладким, тягучим кошмаром. Чувства по отношению к другим так глубоко укоренены в нашей психике, что мы с трудом верим, что их может не быть. Всегда кажется, что у такого обаятельного человека, как встреченный нами социопат, должны быть честность, сочувствие, совесть – хоть немного, хоть в искаженном виде. И каждый раз мы с ужасом обнаруживаем тотальную пустоту, полное отсутствие этих обычных человеческих проявлений. Но мало того. Жертва социопата не просто бывает бесстыдно обманута – у нее остается смутное, тягостное ощущение, что в этом ее собственная вина.

С ним вы хорошо проведете время, правда, вам за все придется платить. Он будет обманывать вас с улыбкой на лице и приводить в ужас одним лишь взглядом. И когда вы перестанете его интересоваться, он опустошит вас и надолго лишит равновесия и чувства собственного достоинства. Вы станете намного печальнее, но не намного умнее, и еще долго будете думать о том, что произошло и в чем была ваша ошибка.

Из книги Р.Д.Хэра «Лишенные совести»

Говорят, что социопаты – это другой вид человечества. Является ли он прогрессивным? Человек, лишенный социальных эмоций и, соответственно, привязанностей легко приспосабливается к прогрессу, к самым глобальным изменениям. В обществе эффективных, рациональных харизматиков вся психологическая муть обиды, вины, тревоги, сожаления останется за бортом. Наступит цивилизация ловких одиночек – общество джеймсов бондов и Остапов Бендеров, крупных и мелких. Кажется, к этому и движется социум. Если в кругах элиты – в политике, в предпринимательстве, в шоу-бизнесе – превалируют социопаты, то общество, естественно, будет равняться на «звезды» и стремиться быть похожими. Так оно и делает. Душевный гуманизм, противопоставленный социопатическому рационализму, слишком жалок, беспомощен и насквозь фальшив.

Очевидно, понимать фразу «социопаты – это цвет общества» следует по-другому. Не социопаты так хороши, что составляют цвет общества, а общество так плохо, что своим цветом считает социопатов. В своем развитии оно выхолащивает чувственную основу своего существования – честность, доверие, ответственность. Вместо социальных чувств социум использует суррогаты, поставляемые гуманитарными институтами. В социопатическом обществе социальные чувства заменяют георгиевские ленточки и штампы социальной рекламы.

Но социопат – это не новый тип человека, не приобретение западной цивилизации. Это всего лишь тип характера. В других сообществах он может восприниматься как бесполезный отброс. В языке эскимосов, живущих возле Берингова пролива, есть слово «кунлангета». Так они называют человека, который постоянно врет, мошенничает, крадет вещи, насилует женщин. Он не обращает внимания на правила, и его постоянно приходится вести к старейшинам общины для наказания. На вопрос, что бывает с таким кунлангетой, эскимосы ответили: «Кто-нибудь сталкивает его со льда в воду, пока никто не видит».

Бруно Беттельхейм Люди в концлагере (фрагменты²)

«Инициация». Обычно стандартная «инициация» в заключенные происходила во время транспортировки их из местной тюрьмы в лагерь. Чем короче было расстояние, тем медленнее приходилось ехать: нужно было какое-то время, чтобы «сломать» заключенных. На всем пути до лагеря они подвергались почти непрерывным пыткам. Характер пыток зависел от фантазии эсэсовца-конвоира. Но и здесь был обязательный набор: избиение плеткой, удары в лицо, живот и пах, огнестрельные и штыковые ранения. Все это перемежалось процедурами, вызывающими предельное утомление, например, заключенных часами заставляли стоять на коленях и т.п.

Время от времени кого-нибудь расстреливали. Запрещалось перевязывать раны себе или своим товарищам. Охранники вынуждали заключенных оскорблять и избивать друг друга, богохульствовать, обливать грязью своих жен и т.п. Я не встречал ни одного заключенного, которому удалось бы избежать процедуры «инициации», продолжавшейся обычно не менее двенадцати часов, а зачастую много дольше. Все это время любое неисполнение приказа (скажем, ударить другого заключенного) или попытка оказать помощь раненому, карались смертью на месте.

Цель такой массовой травматизации – сломать сопротивление заключенных, изменить если не их личности, то хотя бы поведение. Пытки становились все менее и менее жестокими по мере того, как заключенные прекращали сопротивляться и немедленно подчинялись любому приказу эсэсовцев, каким бы изощренным он ни был.

В одном лагере группа чешских заключенных была полностью уничтожена следующим образом. На некоторое время их выделили как «благородных», имеющих право на определенные привилегии, дали жить в относительном комфорте без работы и

² По книге "Психология господства и подчинения" (Харвест, 1998)

лишений. Затем чехов внезапно бросили на работу в карьер, где были самые плохие условия труда и наибольшая смертность, урезав в то же время пищевой рацион. Потом обратно – в хорошее жилище и легкую работу, через несколько месяцев – снова в карьер на мизерный паек, и т.д. Вскоре все они умерли.

Однажды эсэсовец, надзиравший за командой заключенных-евреев, обратил внимание на двоих, которые, по его мнению, «сачковали». Он приказал им лечь в канаву, вызвал заключенного из работавшей неподалеку команды поляков и приказал ему закопать провинившихся живьем. Стшаска (так звали поляка), окаменев от ужаса, отказался подчиниться. Эсэсовец принялся его избивать, но Стшаска упорно отказывался. Тогда в бешенстве эсэсовец приказал им поменяться местами. Теперь те двое получили приказ закопать поляка. В смертельном страхе, надеясь избежать своей участи, они стали бросать землю на своего товарища. Когда голова Стшаски уже была еле видна, эсэсовец приказал им остановиться и выкопать его обратно. Евреям снова было приказано лечь в канаву, и на этот раз Стшаска подчинился, – возможно, из-за того, что они согласились его закопать, а может быть, надеясь, что их тоже пощадят в последнюю минуту. Но на этот раз помилования не последовало, и эсэсовец притоптал сапогами землю над головами жертв. Когда пять минут спустя он приказал их отрыть, один уже был мертв, а другой умирал, и обоих отправили в крематорий.

Психические изменения, происходившие со всеми «стариками», формировали личности, способные и желающие принять внушаемые СС ценности и поведение, как свои собственные. Причем немецкий национализм и нацистская расовая идеология принимались легче всего. Удивительно, как далеко продвигались по этому пути даже высокообразованные политзаключенные. [...]

В 1938 году в лагере я опросил более ста «стариков»-политзаключенных. Многие из них не были уверены, что следует освещать лагерную тему в иностранных газетах. На вопрос, при-

няли бы они участие в войне других государств против нацизма, только двое четко заявили, что каждый, сумевший выбраться из Германии, должен бороться с нацизмом, не щадя своих сил.

Почти все заключенные, исключая евреев, верили в превосходство германской расы. Почти все они гордились так называемыми достижениями национал-социалистического государства, особенно его политикой аннексии чужих территорий.

Большинство «стариков» заимствовало у гестапо и отношение к так называемым «неполноценным» заключенным. [...] Дело в том, что «новички» создавали для «стариков» сложные проблемы. Их жалобы на убогость лагерной жизни, их неприспособленность вносили дополнительную напряженность в и без того сложную жизнь барачников. Их неправильное поведение в бараке или в рабочей команде угрожало всем. «Высовываться», обращать на себя внимание всегда было опасно, и обычно вся группа, в которой находился «заметный» человек, выбиралась СС для специального наблюдения. Так что «новички» оказывались помехой для всех остальных.

Более того, самые слабые из «новичков» чаще становились доносчиками. Слабые обычно умирали в течение первых недель, поэтому казалось, что от них можно избавляться и раньше. «Старики» иногда этому содействовали, давая «новичкам» опасные задания или отказывая им в помощи. Избавляясь от «неполноценных», они поступали согласно идеологии СС. Таким же образом «старики» обращались и с доносчиками. Самозащита требовала их устранения, но метод, по которому их мучили целыми днями и медленно убивали, был заимствован у гестапо.

Иногда кто-нибудь из эсэсовцев, повинаясь минутной прихоти, отдавал бессмысленный приказ. Обычно приказ быстро забывался, но всегда находились «старики», которые еще долго его соблюдали и принуждали к этому других. Однажды, например, эсэсовец, осматривая одежду узников, нашел, что какие-то ботинки внутри грязные. Он приказал мыть ботинки снаружи и

внутри водой с мылом. После такой процедуры тяжелые ботинки становились твердыми как камень. Приказ больше никогда не повторялся, и многие не выполнили его и в первый раз, потому что эсэсовец, как это часто случалось, отдав приказ и постояв немного, вскоре удалился. Тем не менее, некоторые «старика» не только продолжали каждый день мыть изнутри свои ботинки, но и ругали всех, кто этого не делал, за нерадивость и грязь.

У многих из «стариков» появлялась потребность хотя бы некоторых из офицеров считать справедливыми и добрыми. Поэтому, как это ни покажется странным, они испытывали и положительные чувства к СС. Подобные чувства обычно концентрировались на офицерах, занимающих относительно высокое положение в лагерной иерархии (но почти никогда – на самом коменданте). Заключенные утверждали, что за грубостью эти офицеры скрывают справедливость и порядочность, что они искренне интересуются заключенными и даже стараются понемногу им помогать. Их помощь внешне не заметна, но это потому, что «хорошим» эсэсовцам приходится тщательно скрывать свои чувства, чтобы себя не выдать.

Настойчивость, с которой узники пытались обосновать подобные утверждения, вызывала у меня жалость. Целая легенда могла быть сплетена вокруг случая, когда один из двух эсэсовцев, инспектировавших барак, вытер ноги, прежде чем войти. [...] Чем дольше заключенному удавалось выжить, то есть чем в большей степени он становился «стариком», потерявшим надежду жить иначе и старавшимся «преуспеть» в лагере, тем больше он находил общих точек с СС. Причем для обеих сторон кооперация была выгоднее, чем противостояние. Совместная жизнь, если ее можно так назвать, с неизбежностью формировала общие интересы.

Начальники из числа заключенных могли использовать свое положение для облегчения участи товарищей, но чтобы остаться «в должности», они должны были прежде всего служить СС.

Личные интересы требовали сохранения власти любой ценой. Так они отвечали за порядок в бараке или в рабочей команде, то старались защитить себя, предупреждая любое возможное требование СС. Часто это кончалось тем, что в жестокой придирчивости они превосходили СС. Так вело себя большинство «руководящих» заключенных.

По мере того, как система лагерей разрасталась и усложнялась, их структура все более напоминала общество в миниатюре. Члены «аристократического класса» становились все могущественнее, и со все большим их числом надо было налаживать отношения, чтобы выжить.

Как это свойственно большинству правящих классов и в особенности тем группам, которые недавно пришли к власти, элита (в том числе и коммунисты) теряла способность сочувствовать судьбе, страданиям заключенных более низких «классов» или ставить себя на их место. Она уже не понимала, что значит испытывать лагерную нищету, изнурительный труд в любую погоду без отдыха и без минимальной медицинской помощи. [...] Защищая себя они искали и находили причины для того, чтобы отстраниться от рядовых заключенных. Они ругали их за неряшливость, которая грозила лагерю загрязнением и эпидемиями. Они презирали их, потому что те пили грязную воду, хотя следовало пользоваться только кипяченой.

Привилегированные заключенные не могли позволить себе признать тот факт, что они значительно лучше питались и имели вдоволь кипяченой воды, в то время как остальные настолько страдали от голода и жажды, что гигиенические соображения часто не играли для них никакой роли.

Характерный пример – отношение старост блоков к тем голодающим, кто собирал картофельные очистки в контейнерах с отбросами. Здоровяки, весом под 90 кг, избивали (якобы для их же пользы) несчастных людей, похожих на тени, весивших едва ли 45 кг, за нарушение лагерного закона, запрещавшего есть отбросы.

Вот еще одно соображение по поводу известной лагерной истины: самый большой враг заключенного – не СС, а свой же брат

заклученный. СС, уверенная в своем превосходстве, менее нуждалась в его демонстрации и подтверждении, чем элита, которая никогда не чувствовала себя в безопасности. СС обрушивалась на заключенных как всепокрушающее торнадо по несколько раз в день, и каждый жил в постоянном страхе, но при этом всегда были часы передышки. Давление же начальников из заключенных чувствовалось непрерывно – днем во время работы и всю ночь в бараке.

Когда один заключенный, пользуясь своим физическим преимуществом, избивал другого за непристойный разговор, грязь или какую-либо нерадивость, то, пытаясь снять с себя вину, обычно говорил: «Я не могу быть нормальным, когда приходится жить в таких условиях.»

Тревога и раздвоение чувств были неразрывно связаны с получением письма из дома.

Заклученные могли плакать, когда в письме рассказывалось, как родственники пытаются добиться их освобождения. Но в следующий момент они начинали ругаться, прочитав, что какая-то собственность была продана без их разрешения, пусть даже с целью купить для них свободу. Они проклинали свои семьи, которые, «очевидно», считали их «уже мертвыми», раз распоряжались их собственностью без их согласия.

Строительство зданий для СС сопровождалось спорами, надо ли строить хорошо. Новые заключенные были за саботаж, большинство старых – за качественное строительство. Это вновь обосновывалось тем, что здания могут быть использованы в новой Германии. Старые заключенные объясняли, что неважно, кто в конце концов будет использовать результаты их труда, важно хорошо работать, чтобы чувствовать себя человеком. Наконец,

они заявляли, что любую работу, которую приходится делать, надо делать хорошо.

Большинство старых заключенных понимало, что иначе они не смогут продолжать работать на СС. Некоторые даже утверждали, что добросовестная и качественная работа покажет СС, что вопреки ее уверениям заключенные не являются «отбросами». Заклученные, делающие подобные заявления, до опасного близко подходили в своих представлениях к СС.

Тяжелейшим испытанием для человека в лагере становилась его собственная агрессивность. Преодолеть ее было намного сложнее, чем противостоять враждебности со стороны других заключенных. Любое твое слово или поступок моментально вызывали возражение или сопротивление либо охранников, либо других заключенных. В результате заключенные постоянно находились в состоянии жесточайшего раздражения. Процедура утреннего подъема в лагере иллюстрирует это неотступное давление окружающей обстановки, направленное на разрушение каждого человека как личности.

Каждое утро заключенных будили задолго до того, как они успевали отдохнуть. В Дахау сирена ревела летом в 3.15 утра, зимой немного позже. После этого полагалось около 45 минут на уборку. В нормальных условиях времени, кажется, вполне достаточно. Однако в лагере все иначе. Сразу после сирены начиналась ожесточенная борьба между заключенными за то, чтобы успеть сделать все необходимые дела в отведенное время. Первое ощущение нового дня: мы существуем, чтобы подчиняться, спущенные сверху правила важнее естественной потребности позаботиться о своем теле.

Утренний период проходил организованно, без напряжения, беспокойства, драк и разного рода других проявлений взаимного раздражения лишь в некоторых блоках, где жили старые заключенные, прошедшие годы в лагерях, или там, где командовали приличные начальники.

Две основные утренние задачи – застелить постель (если таковая имелась) и убрать свой шкафчик. [...] Как только звучала сирена (раньше свет был погашен, и делать что-либо было вообще невозможно), заключенные выпрыгивали из коек, и спавшие в верхнем ряду начинали процедуру. Им надоедали соседи снизу, требуя не уродовать их матрасы, хотя избежать этого было практически невозможно. Они все время торопили верхних, спеша начать свою уборку. То же самое делали и соседи сбоку, так как при уборке одной из постелей можно было легко повредить соседнюю.

Заключенные, едва кончившие воевать друг с другом по поводу уборки кроватей, набрасывались на тех, кто, как им казалось, слишком долго сидел в туалете. Наблюдение друг за другом в такой ситуации тоже явно не способствовало взаимному расположению.

Так начинался любой день.

Эсэсовцы представлялись заключенным более жестокими, кровожадными и опасными, чем вообще может быть человек. На самом деле многие из них действительно были опасными, некоторые жестокими, но только очень немногие – извращенцами, тупицами, жаждущими крови, или убийцами-маньяками. В действительности они убивали или калечили только по приказу, либо когда считалось, что этого ждет начальство. Но «вымышленный эсэсовец» жаждал убийства всегда и при всех обстоятельствах.

Следовательно, страх перед СС во многих случаях был не обоснован и не нужен. Но большинство заключенных избегали встреч с СС любой ценой, зачастую рискуя даже больше, чем при контакте. Например, некоторые заключенные бросались прятаться, когда им приказывалось предстать перед СС. За бегство их всегда жестоко наказывали, часто расстреливали. Если же заключенный являлся по приказу, наказание никогда не было столь тяжелым. Удивительно, но даже самоубийцы не пытались сначала прикончить кого-либо из охраны. По-видимому, действовал сложившийся стереотип СС, но чаще, потеряв интерес к жизни,

исчерпав жизненные силы, они не находили достаточно сил даже для мести.

Когда разговор был возможен, он, как и любой поступок в лагере, мог облегчить жизнь либо сделать ее невыносимой.

Обычно люди снова и снова повторяли одни и те же истории, досаждая слушателям и доводя их порой до отупения. Даже в благополучных командах (например, штопальщиков носков, где заключенные во вполне комфортабельных условиях сидели за столами спокойно выполняли очень легкую работу) редко случалось, чтобы двое заключенных говорили о чем-либо настоящему интересном хотя бы несколько часов.

Иногда всего один или два охранника конвоировали до четырехсот заключенных по безлюдной дороге. Без сомнения, четверста человек могли справиться с такой охраной. Даже если кого-нибудь и убили бы при побеге, большая часть смогла бы присоединиться к партизанским группам. В самом худшем случае эти смертники хотя бы порадовались своей мести безо всякой для себя потери.

Таким образом, в лагерях уничтожения заключенные были лишены всего, что могло восстановить их самоуважение или волю к жизни.

Все это может объяснить покорность заключенных, которые шли в газовые камеры или сами копали себе могилы, а затем выстраивались так, чтобы упасть в них после выстрела. Другими словами, большая часть таких заключенных были самоубийцами. Идти в газовую камеру – значило совершить самоубийство путем, не требующим энергии, обычно необходимой для выполнения такого решения. С точки зрения психологии, большинство заключенных в лагерях уничтожения совершали самоубийство, не сопротивляясь смерти.

Если это рассуждение верно, значит в лагерях уничтожения цели СС нашли свое законченное выражение. Миллионы людей приняли смерть, потому что СС заставила их увидеть в ней един-

ственный способ положить конец той жизни, в которой они больше не чувствовали себя людьми.

Когда были введены ограничения на передвижение евреев в Германии, те, кто не поддавался инертности, воспринял это как сигнал, что настало время уйти в подполье, присоединиться к движению сопротивления, обзавестись поддельными документами и т.д. (если все это не было уже давно сделано). Большинство таких людей выжило.

Иллюстрацией может служить пример моих дальних родственников. В самом начале войны молодой человек, проживавший в небольшом венгерском городе, объединился с другими евреями, готовясь к вторжению немцев. Как только нацисты установили комендантский час, его группа отправилась в Будапешт, поскольку в большом городе легче скрыться. Там они сошлись с подобными группами из других городов и из самого Будапешта. Из этих групп были выбраны мужчины типично "арийской" внешности, которые, добыв фальшивые документы, вступили в венгерскую СС, чтобы иметь возможность предупреждать своих о готовящихся акциях, районах проведения облав и т.п. Система столь хорошо работала, что большинство членов этих групп остались живы. Кроме того, они обзавелись оружием и были готовы в случае необходимости сопротивляться, чтобы гибель немногих в бою дала бы большинству возможность скрыться. Некоторые вступившие в СС евреи были все же разоблачены и немедленно расстреляны, но такая смерть, надо полагать, предпочтительней газовых камер.

Тем не менее, большинство членов этих групп, скрывавшихся до последнего момента среди СС, уцелело.

Мой молодой родственник не сумел убедить свою семью последовать за ним.

Три раза, страшно рискуя, он возвращался домой и рассказывал сперва о растущем преследовании евреев, затем о начавшемся их уничтожении и газовых камерах, но не смог убедить родных покинуть свой дом, свое имущество. С каждым приездом он все настойчивее уговаривал их, но с отчаянием видел, что они все менее хотят или способны действовать. С каждым разом они как

бы все дальше продвигались по пути в крематорий, где потом все действительно и погибли.

Чем больше была угроза, тем сильнее его семья цеплялась за старый распорядок, за накопленное имущество. В этом истощающем жизненные силы процессе уверенность в завтрашнем дне, державшаяся ранее на планировании жизни, постепенно заменялась иллюзией безопасности, которую давало им имущество. Опять таки как дети, они отчаянно цеплялись за предметы, надея на тем смыслом, которого они более не видели в окружающей жизни. Постепенно отказываясь от борьбы за выживание, они все более и более сосредоточивались на этих мертвых предметах, шаг за шагом теряя свою личность.

В Бухенвальде я разговаривал с сотнями немецких евреев, привезенных туда осенью 1938 года. Я спрашивал их, почему они не покинули Германию, ведь жизнь стала уже совершенно невыносимой. Ответ был: "Как мы могли уехать? Это значило бы бросить свои дела, свой бизнес". Земные блага приобрели над ними такую власть, что приковали их к месту. Вместо того, чтобы использовать имеющиеся у них средства для своего спасения, люди попали к ним в подчинение.

Постепенный распад личности, для которой вся жизнь сосредоточена в материальных ценностях, можно увидеть также и через призму изменявшейся политики нацистов по отношению к евреям. Во время первых бойкотов и погромов еврейских магазинов единственной видимой целью нацистов было имущество евреев. Они даже позволяли евреям взять что-то с собой, если те соглашались немедленно уехать. Достаточно долго нацисты с помощью дискриминационных законов старались принудить к эмиграции людей, принадлежавших к нежелательным для них меньшинствам, в том числе и евреев. Политика уничтожения, несмотря на свое соответствие внутренней логике нацизма, была введена только после того, как не оправдался расчет на эмиграцию. Не встречая сопротивления, преследование евреев потихоньку усиливалось. Возможно, что именно покорность евреев привела нацистов к мысли, что их можно довести до состояния, когда они сами пойдут в газовые камеры.

Большинство польских евреев, не веривших, что все останется по-прежнему, пережило Вторую мировую войну. При приближении немцев они бросали все и бежали в Россию, хотя многие из них не доверяли советской системе. Но в России, где они были гражданами второго сорта, их все же считали людьми. Ну, а те, кто остался и продолжал обычную жизнь, пошли по пути распада и гибели. Так что, в сущности, путь в газовую камеру был следствием философии бездействия. Это был последний шаг на пути несопротивления инстинкту смерти, который можно назвать иначе - принцип инерции. Первый шаг в лагерь смерти человек делал задолго до того, как туда попадал.

С другой стороны, поведение самоубийц показывает, что принуждение имеет свой предел. Дойдя до определенной черты, человек предпочитает смерть животному существованию. Но путь к этому ужасному выбору начинается с инерции. Те, кто ей поддался, кто перестал черпать жизненную энергию в окружающем мире, не мог больше проявлять инициативу и боялся ее в других. Такие люди не могли уже адекватно воспринимать реальность. Они как дети старались лишь отрицать неприятное и верить в собственное бессмертие.

Очень показательны с этой точки зрения воспоминания бывшей узницы концлагерей Ленжиель. Она рассказывает, что хотя заключенные жили в нескольких сотнях метров от крематория и газовых камер и не могли не знать, что к чему, большинство из них не признавали очевидного даже спустя месяцы. Понимание истинной ситуации могло бы помочь им спасти либо свою, практически обреченную жизнь, либо жизнь других. Но они уже не хотели этого понимания.

Когда Ленжиель вместе со многими другими заключенными была отобрана для отправки в газовую камеру, она единственная пыталась вырваться, и ей это удалось. Поразительно, но среди находившихся рядом с ней таких же обреченных, нашлись люди, которые донесли начальству о попытке ее побега. Ленжиель не знает, почему люди отрицали существование газовых камер, когда они видели целыми днями дым над крематорием и чувствовали запах горящей плоти. Как могли они не верить в смерть только ради того, чтобы не пришлось защищать собственную жизнь? Причем заключенные ненавидели всякого, кто пытался избежать общей участи, тогда как сами они не имели для этого достаточно

храбрости. Я думаю, причина - потеря воли к жизни, подчинение инстинкту смерти. И в итоге, такие заключенные были ближе к СС, чем к тем своим товарищам, которые, цепляясь за жизнь, иногда ухитрялись избежать смерти.

Однако многие были парализованы страхом не только из-за угрозы угодить в концентрационный лагерь, но также из-за своей неспособности принимать жизненно важные решения и действовать в соответствии с ними. А ведь речь шла не о самоуважении, а о самой жизни. Чем больше страх, тем сильнее необходимость действовать. Однако страх истощает. Как я уже говорил в начале этой главы, совершить поступок при первом приступе страха сравнительно легко, ибо он является мощным раздражителем и стимулом к действию.

Кроме страха за жизнь угроза лагеря порождала еще одно чувство, которое может быть названо страхом за свою душу. Перед человеком неизбежно вставал вопрос: если сопротивление государству лишает меня положения в обществе и семье, лишает меня дома и имущества, смогу ли я жить без всего этого? Только тот, кто точно знал, что главное останется с ним несмотря ни на какие испытания, мог позволить себе бросить вызов этому страху. Такие люди выбирали или борьбу, или бегство из Германии. [...]

Вызов в гестапо многие воспринимали как избавление. У одних при этом приступ страха побеждал, наконец, нерешительность и вызывал активные действия. У других возникало желание поскорее отдаться в руки гестапо. Это означало для них конец душевной агонии. Не нужно больше задавать себе мучительный вопрос: "Что придает мне силы? Мои внутренние убеждения или мое положение по службе, мое имущество, которое я смог скопить?" Постоянное повторение таких вопросов само по себе оказывало разрушающее воздействие на психику. А ведь еще оставались мучительные сомнения - как поведут себя жена и дети, если ты лишишься социального положения и благополучия. Можно понять, почему человек так цеплялся за эти внешние символы, когда стремительно падал запас его внутренних сил.

Многие немцы, зная или предполагая, что гестапо рано или поздно ими займется, обдумывали планы побега. Тем не менее они оставались дома и ждали повестки, и когда, наконец, она пришла, у них уже не было внутренней решимости совершить побег.

После победы над Германией общественное мнение в Америке было изумлено и возмущено тем отношением к лагерям, которое преобладало среди немецкого населения. Оказалось, немцы отрицали какое бы то ни было знание о существовании и характере концентрационных лагерей. Офицеры союзных армий были потрясены увиденным и испытывали ненависть к немцам, заявлявшим, что они ничего не знали. Такое отношение немцев послужило основанием для военных властей союзников начать после войны кампанию по широкому распространению информации о лагерях. Немецких граждан насильно заставляли посещать и осматривать их. Однако эта кампания явно не была результатом глубокого психологического анализа.

Конечно, немцы были до глубины души потрясены, увидев горы мертвых тел в лагерях. Их реакция, во всяком случае, доказала, что двенадцати лет фашистской тирании все же недостаточно, чтобы уничтожить все человеческие чувства. Но кампания, организованная союзниками, не достигла своей цели. По-видимому, главный ее результат в том, что немцы воочию убедились, насколько в действительности они были правы, не решаясь выступить против гестапо. До того они еще могли думать, что гестапо преувеличивало свои возможности; теперь же полностью оправдывалось стремление подавить и прогнать от себя даже мысль о лагерях

Для некоторых людей выбор пути был настолько тяжел, что они кончали жизнь самоубийством. Причем, у них даже не было необходимости самим себя убивать - достаточно было неосторожно брошенной фразы, остальное происходило автоматически. Многие так и поступали. Другие покорно ждали прихода СС, не

пытаясь скрыться, поскольку подсознательно желали покончить со всем этим, даже попав в концлагерь.

Выжить в концлагере было значительно труднее, но внутренний разлад личности был там уже не столь велик. Не требовалось, скажем, ни гитлеровского приветствия, ни любого другого проявления любви к фюреру. Можно было разрядить свою ненависть к режиму в любых словах без боязни, что на тебя донесут. Но главное, что ты попадал в руки врага вопреки своему желанию и был бессилён что-либо сделать.

Андреа Часовски К инцесту

(манифест тех, кто любит своих родителей)

Мы призываем вас к неповиновению. И в первую очередь - к преодолению тех моральных и этических норм, которые навязаны вам Церковью, Школой и Государством.

К соблазну! - так кричит наше Сердце. Соблазните собственных матерей! Вступите с ними в половые сношения. Пусть рождаются прекрасные создания с крыльями и двумя головами! Будьте творцами!

Вам еще не опротивел одинокий секс с противоположным полом?!!! И рабоче-крестьянские позы, от которых рождаются менеджеры и шоферы? Вперед! - к собственным матерям!

Девочки, соблазняйте своих отцов! Облизывайте взрослые пальцы! Дышите на родные потные лица самым прекрасным запахом сладких леденчиков и карамели, пудры и шелковых шарфиков. Отцы никогда еще не видели такой приторной любви.

Отцы, засыпая, всегда представляют себе копающимися в промежностях собственных дочерей. Осуществите сны своих родителей! Пусть сон станет явью!

Сыновья! Обнимайтесь! Обнажайтесь! Пускайте веселые семена в материнские раскаленные пещеры похоти! Вы возвращаетесь в первоначальный мир блаженства - так плачьте от радости и задыхайтесь от счастья!

Никогда! Никогда Государство и Церковь не дадут вам полного счастья и свободы. Ждите! - так обещает Церковь, что значит - ждите смерти! Работайте, и все вам будет! - так говорит Государство и... врет. Работа превращает человека в винтик, способного только к труду и к зачатию таких же винтиков.

Давно пора избавиться от Церкви и Государства...

Дети должны решать все! У детей нет запретов, их игры насыщены улыбками, обаяниями, проникновениями друг в друга, тоской друг по другу. Но чтобы построить свой счастливый мир, следует изменить взрослых.

Любите взрослых! Любите своих отцов и матерей! Сотни оргазмов от прикосновений ваших маленьких пальчиков пусть хорошенько встряхнут Космос. Оплодотворяйте Землю! Но скоро придет время, когда нужно будет оплодотворить Солнце и Луну и Космический Хаос.

Возлюбите этих хмурых людей, что живут с вами под одной крышей и пытаются учить вас правилам своей собственной неинтересной игры. Придет время, и ваши родители станут глотать межзвездную сперму вместе с вами в бесстыжих звездолетах, отправившись на поиски Космического Ануса. От того насколько быстро вы сейчас перейдете к действию, зависит приближение этого прекрасного будущего.

Прекрасные дети, милые ангелы, вгрызайтесь в испорченные государством родительские тела! Пусть ваши мелкие - почти еще крысиные зубки - вырвут такие неинтересные Закон и Порядок. Освободите своих стариков! Они слишком долго слушали Государство и лепетали перед Церковью извинения за свои сны.

К неповиновению зовет вас Природа и ваша собственная Игра. Стоит только захотеть, и вы перевернете мир. Мы густо онанируем на ваши планы относительно освобождения мира. Мы следим за вашими губками, пальчиками...

Нетерпеливые слюни текут по лоснящимся подбородкам...

Вперед же, вперед!

персонажи

Любимчикова дает задание

Заявление

Моим телефоном пользуются соседи с 1993 года. Сразу, как перевела на новую квартиру телефон 576-xx-xx, без разрешения приключился Ренат Николаевич, затем сделал параллельное присоединение Зорько Александр Васильевич, кв.47. После выезда Зорько А.В. тут же сделал параллельное присоединение Ренат Николаевич, кв.45.

Ренат Николаевич и его жена Ирина устраивают хулиганство с телефоном:

1. При разговоре глушат слова, устраивают шум в телефоне.
2. Всегда телефон приключен, часто не дают разговаривать, прерывают разговор.
3. Ко мне на дом не дают звонить, всегда занято, прослушивают каждое слово.
4. Просьбы и шум не помогают, телефон ломают, набирают номер и трясут телефон, новый тестер ремонтировали несколько раз у вас в АТС и снова нужно ремонтировать, часто по телефону нельзя разговаривать, так как ломали его около десяти раз.
5. Прошу отремонтировать телефон, Ренат Н. лазит в кв.44, каждый день, жирит и обсыпает телефон пылью.

Любимчикова

Заявление

В 1993 году к моему телефону 576-xx-xx параллельно присоединилась без разрешения Сеяцова Ира-Вирта, которая жила с Алилуевым Ренатом Ибрагимовичом в кв.45, держала телефон до 17.07.97 (это 4,5 года), все это время хулиганила по телефону, часто не давала мне звонить, ломала аппарат около десяти раз,

обрывала провода, ремонтировал часто сотрудник АТС Виктор, аппарат и проводку бесплатно.

Приходила на прием к вам много раз, чтобы Ира-Вирта Сеяцова отсоединилась от телефона и не хулиганила, но она не отсоединилась, постоянно хулиганила, лазила в квартиру, все воровала, сломала замков пять штук, забивала в них штыри. Ломала дверь, приходили из милиции, смотрели и приказали починить дверь. Ира-Вирта по призванию убийца и вор, с обрезом 25-ти зарядным ходит за пазухой, после смерти отца Ивана Алексеевича Сеяцова около девяти лет. Сидела в тюрьме пять лет вместо семи за убийство Черненко, больна вшивым Спидом-Проказой много лет, она опасна.

В 1997 году 17 июня я переехала на другую квартиру. Как только перевела телефон, Ира-Вирта и Сеяцова Наталья Осиповна, мачеха Иры-Вирты, начали ломать телефон, не давали звонить. Ира-Вирта переехала со мной на третью квартиру. Я без телефона была три месяца, кабель долго ремонтировали. Сразу после ремонта кабеля Сеяцова Ира-Вирта и Сеяцова Наталья Осиповна, имея свой телефон, параллельно присоединились к моему телефону. Я была на приеме у вас много раз и просила отсоединить параллельный телефон, который присоединила банда Сеяцовых без разрешения. Они его держат, чтобы следить за нами и закачать производством Уран 200-250 в сек. нас насмерть, меня и внука. Они закачали насмерть и похоронили в квартире, в которой я живу, двадцать человек, закачивали в течение двух месяцев.

Банда Сеяцовых и Алилуевых, шесть человек, все наркоманы, тяжелые шизофреники, глупые, учиться в школе не могли, все бывшие тюремщики, больны проказой, вшивым-спидом, растленные морально и физически, сильные воры и убийцы, они перепили все Правительство от Ленина В.И. до Горбачева М. Наталья Осиповна Сеяцова приходится родной сестрой жене Сталина И.В. Алилуевой и их родная сестра мать - Клавдия Алилуева, мать Иры-Вирты. Мать - Клавдия и Ира-Вирта были в доме терпимости негров в Москве, два дня и заразили вшивым-Спидом 3.000 тыс. негров, а в Федерации - три тысячи мужиков, по суду они платят 1.500 мужикам по 5.000 тыс. руб. в месяц неграм.

Я с внуком живу 3,5 года с большой и опасной бандой, они украли у меня телефон второй раз, присоединились параллельно

и последние две недели не дают мне звонить, пользоваться телефоном, хулиганят.

1. Выбивают вилку из розетки, часто при разговоре и набирании номера

2. Делают почти всегда занято, не дозвонишься

3. Глушат звонки, когда нам звонят

4. Хулиганят по телефону, говорят чепуху

5. Часто делают пустые звонки, портят аппарат, качают на аппарат. В конце 1998 года на параллельно присоединенный аппарат поставили автоответчик, взяли самовольно книжку и произвольно платят за параллельное присоединение, они имеют каждый по 90 миллиардов долларов накачаных на мне и внуке в рот, частенько применяют Уран-500 в сек., нас отдувают от смерти, нужна помощь, а звонить не дают.

6. Прошу Срочно отсоединить параллельный телефон, мы с внуком без телефона. Операцию ведут Александр Павлович Шевцов, Нестеров Александр Николаевич, Нумертан Борис Иванович и др.

*От заслуженной пенсионерки Любимчиковой А.Ф.,
участницы ВОВ с мировыми заслугами*

Заявление

Я, Любимчикова, самая заслуженная пенсионерка в мире, мои патенты в Патентном ведомстве самые умные и самые нужные, я самая сообразительная в ведомстве. Психического заболевания нет, а с учета в 20-й больнице не снимают, Сеяцовой тяжело больны шизофренией, живут на взятках, дают большие взятки в 20-ю больницу, чтобы меня не снимали с учета. У меня самая большая секретность, допущена ко всей документации в Патентном ведомстве.

Пишу пятое заявление, чтобы отключили телефон, мой номер 576-хх-хх, его украли Сеяцовой Наталья “Вош”, и Ира-Вирта “Вша”, и ее сын Саша. Все они большие воры, сильные убийцы, параксисты, они все родились с аномалией половых органов. Их шесть человек, тяжелые шизофреники, морфинисты с пяти лет, большие уголовные преступники, все сидели в тюрьме за убийство Президента Черненко У., дали всем срок тюремный по 20 лет,

Саша и Гриша, сыновья “Воши”, сидели по 10 лет, а Наталья “Вошь” - 5 лет, мать Клавдия - 5 лет, Ира-Вирта сидела вместо 7 5 лет. Все выписаны из кв.86. Последний раз выписаны 12.12.2000 г, выгнаны из города три года назад. Областная коммандатура настаивает, чтобы Сеяцовы отдали мне телефон.

Сеяцовы заявляют, что телефон не отдадут, украли его восемь лет назад и не дают нам пользоваться.

1. Отключают телефон, много раз ломали
2. Гасят сигналы
3. Устраивают в аппарате шум
4. Выбивают вилку из розетки
5. Делают ложные звонки
6. Прерывают разговор, хватают трубку, не дают разговаривать, гасят слова, не слышно

Прошу срочно отключить № 576-xx-xx, я живу без телефона, а за все уплачено вперед, милицию просят отключить, всегда делают занято, не дают звонить.

От пенсионерки Любимчиковой и внука Пашкова А.С., студента, самого умного в мире

Заявление

Прошу отсоединить незаконное присоединение Сеяцовой Натальи к моему телефону, параллельное с автоответчиком.

1. Отсоединить присоединение, поставить заглушку и опечатать коробку.
2. Сеяцова Наталья и ее банда присвоила мой телефон, не дает звонить, делает часто занято, глушит звонки, выбивает из розетки телефонный аппарат, часто отсоединяет телефон совсем, ломает проводку, все прослушивает. Сеяцова Наталья имеет свой телефон 408-xx-xx.

Трут взрывчатку в нашей квартире более десяти лет. Все обворовали, все поломали, все отравили мышьяком и синильной кислотой, Сеяцова и Алилуева близкие родственники, они сильные воры, большие убийцы, врожденные морфы, болеют проказой и параличом мозга, живут большими взятками и на них держятся.

Десять лет отбираю телефон, хожу в милицию и к Соколову В.Н., но телефон у них не отбирают, хлопоты не имеют успехов, дают большие взятки.

*От пенсионерки Любимчиковой А.Ф.
с мировыми заслугами по патентам,
участницы ВОВ (удостоверение серии СЕ, №0876700)*

Заявление

Прошу от моего основного телефона 576-xx-xx отключить незаконное параллельное присоединение, которое сделали убийцы около двенадцати лет назад Наталья Иосифовна Свитова, Ира-Вирта Свитова, урожденная Волкова, мать Клава Алилуева.

Раньше было сделано параллельное подключение Алилуевым Ренатом Ибрагимовичем, он пользовался моим телефоном 576-xx-xx около пяти лет.

Сейчас мой телефон находится у Гриши Алилуева и Иры-Вирты, она сожительница и родная сестра по матери Клаве Алилуевой Гриши Алилуева. Они живут без прописки, выгнаны из Долгопрудного, Ира-Вирта три года назад, а Гриша Алилуев одиннадцать лет назад, выписан и выгнан.

Они заняли кв.92, на девятом этаже, там живет уголовный бандит Саша Алилуев в кв.91, двоюродный брат Клавы Алилуевой, они тоже сожители. Наталья живет в кв.86, ее тел. 408-xx-xx. В кв.78 живет “Лю” Казимировна, тел. 408-xx-xx.

Все лезут в мою кв.85 оправляться, обедать, качать, выливать отходы от получения платины. Они все живут в моей кв.85, а к моему приходу уходят, иногда “Дума” оправляется в моей квартире в ведро и выливает кал в раковину на кухне. Все обворовано, поломано. Нам троим, внуку Александру, отцу внука Пашкову С.Ю. и Любимчиковой А.Ф., не во что переодеться, все отравлено, много раз бандиты ломали проводку и аппарат, не дают пользоваться совсем.

Отключают мой телефон 576-xx-xx на 7-10 дней, иногда отключали и 3-5 дней, последнее время отключают постоянно, не дают звонить в ОВД, так как украл внука Александра “Дума”, он живет в Москве, в квартире Лагутиной Г.Н. Она жила с ним около пяти лет, год назад он ее убил, ебал в глазницы, сделал слепой,

но немного видящей, а после убил. Моего внука украл около 7 лет назад, не дал учиться, с первого дня, как внук приехал, ебли его и отца внука в глазницы, рот, вытаскивали глаза, скулы, после ебли грязно вставляли, внук и отец были бы слепые, но их поддерживали Шевцов А.П., Нестеров А.Н. и Копылова Р.В. и ее сын Копылов В.В.

Последние 9 месяцев “Дума” запер внука Александра в квартире Лагутиной Г.Н., не отпускает учиться. В этой квартире “Дума” собирает мужиков паралов (до 20 мужиков), и все ебут внука Александра в глазницы, вытаскивают глаза, после отдыхают два часа, а после снова ебут. Грязно делают, воспаляются глаза, нужно перделывать, перделывает А.П. Шевцов, все моет и чистит и снова вставляет, мужики ебут до смерти, от смерти отдувают А.П. Шевцов, А.Н. Нестеров и другие. От пяти часов до трех суток.

25.06.04 внука Александра угнали в квартиру Останковой Инны Алексеевны. Она его ебла всю ночь до рассвета, наставляла телефонную трубку на половые органы и еще сильнее ебла, внук Александр стонал, ему не давали отдохнуть и снова ебли, он им сказал “Лучше дома умереть, чем на ебле”. После “И” его ебла “О” тоже долго, затем “Лю” Казимировна, после Клава Алилуева. Внук уже три дня голодный живет на троих.

Освободите внука от параллельной ебли, и пусть он придет домой, пусть больше никогда его не загоняют ни в какие расстреленные квартиры и не загоняют Шевцовых Михаила, и Григория, и Ивана Серова.

Помогите отобрать у бандитов оптические зеркала Игальдегидные, а то нельзя работать сотрудникам ОВД, ЖУ, Больницы и т.д.

Срочно отсоединить от моего телефона 576-xx-xx параллельное присоединение, а то мне не дают пользоваться телефоном, отключают, делают всегда занято.

*От пенсионерки Любимчиковой А.Ф.,
самой умной в мире по изобретению патентов*

Любимчикова дает задание (Заявление)

Прошу Вас отсоединить незаконное присоединение к моему телефону 576-xx-xx. Параллельное присоединение сделано двенадцать лет назад уголовной бандиткой Копыловой Раей, как только мне установили телефон.

Я, Любимчикова А.Ф., плачу за телефон 576-xx-xx как за основной всегда вперед за полгода. Я участник ВОВ 1941-45 гг. Не имеете права делать незаконные подключения, за это расстреливают. Я обиваю ваши пороги больше десяти лет, с вашей стороны это уголовное преступление. Я настаиваю на срочном отключении параллельного присоединения.

Я много раз об этом жаловалась на Петровку, 38. Вас вызывали в разные УВД и в Министерство УВД. Я уголовным бандитам свой телефон не отдам.

Срочно отключите параллельное присоединение у уголовных сумасшедших бандитов, они не прописаны, влезли, как воры, в квартиры и живут, не выгнать. Копылова Р.В. их не выгоняет, а поддерживает, они у меня все обворовали, лезут в кв.85, и в квартиру, где жила раньше, лезут уже больше тридцати лет, они, в том числе Копылова Рая и Вася, убили моего внука, самого умного в мире Пашкова Александра 23,5 лет, студента Юридической академии, у них организовано производство ебли, много двуполых бандитов.

Бандиты ебли и убили 27.12.2004 г. Последней ебла Рая Копылова, при ебле положила в рот синильную кислоту, через два часа Гриша Алилуев и сам “Душа” отвезли и бросили в канал.

А отца Пашкова Сергея Юрьевича убил Вася Копылов железной трубой. Бил в голову Пашкову С.Ю. 105 раз, до смерти, отобрал три миллиарда долларов, раздел догола, все новое надел на себя, куртку пуховую за 1000000 рублей, дорогие сапоги зимние, дорогие ботинки, даже надел на себя шерстяное нательное белье.

Убиты Пашковы сын и отец под руководством Копыловой Раи, следователя-секретаря УВД Долгопрудного, он самый сильный математик мира.

Хотят бандиты убить и меня, Любимчикову А.Ф., самую умную в мире.

Копылова Рая убила в УВД Долгопрудного двадцать сотрудников, двух полковников запаса и многих других, а сама сидела в тюрьме на Колыме десять лет вместо двадцати, откупилась, ее Вася Копылов сидел на Колыме сорок лет.

Срочно отключите телефон.

Оба Копыловы, Рая и Вася, сильно сумасшедшие. На врачей 20-й больницы, которые приехали их забирать, наставили пять обзоров, врачи с ними не справились, там был и сам "Душа", он тоже сумасшедший.

*От самого умного тайного агента в мире
Любимчиковой А.Ф.*

Заявление

Прошу отсоединить незаконное присоединение к моему основному телефону 576-xx-xx, присоединение уголовных бандитов Алилуева Гриши и Волковой-Свитовой Иры-Вирты, не прописанных, выгнанных из города шестой год, но не уходят и не освобождают квартир, занятых самовольно уголовниками, которые сидели в тюрьме на Колыме 20, 40 и 10 лет за убийства.

Руководит этими бандитами Копылова Ранса Васильевна, следователь-секретарь Долгопрудного УВД, она дает задания уголовным бандитам, кого убить, у кого воровать и кого загонять на половую жизнь к растленным бандитам. После половой жизни они многих убивают, убивает и сама Копылова Р.В., и ее сын (посажен в тюрьму пожизненно, но откупился, отсидел сорок лет и вышел из тюрьмы, продолжает убивать).

Живут оба Копыловы половой жизнью в глазницы, после кладут кусочек кала в глазницу и вставляют глаз, а гражданин быстро становится слепым и его убивают.

Рая Копылова и Гриша Алилуев жили насмерть половой жизнью в глазницы с моим внуком Пашковым Александром, студентом второго курса Юридической академии, ему было 23 года, он магического ума и самый красивый в мире, они жили 7,5 лет, всегда в глазницы, били, отбирали деньги, есть не давали и до смерти делали половую жизнь, убили его оба Копылова Рая и Гриша Алилуев с 9 на 10 апреля 2005 года и ночью бросили сразу в канал. Когда бросали, Копылова Рая положила в рот 200 грам-

мов синильной кислоты. При половой жизни эти уголовники не расширяли глазниц, порвали орбиты глазниц, Пашков А. кричал три часа, Рая Копылова гасила крик, порвала сильно обе орбиты глазниц.

После Копылихи Раи приступил к половой жизни Вася Копылов, сын Копылихи, он еще больше разорвал Пашкову А., моему внуку, орбиты глазниц, он орал еще три часа, потерял сознание, но не умер, много было крови, залито все лицо. Это видели Иванов-Шевцов А.П., Нестеров А.Н., Иванов-Нумерман Б.И., все жители дома ул. Заводская, 8 (не знаю квартир).

А раньше на две недели по заданию Копылихи Раи сам Копылов Вася убил отца внука Пашкова С.Ю. в возрасте 51 года. Отец Пашков С.Ю. шел из УВД с родственницей Раи Копыловой бывшей женой Васи Копылова Ирой-Блядью. Копылиха ее подослала к УВД. Вася Копылов выскочил из-за угла и железной трубой насмерть ударил по маковке головы Пашкова С.Ю., он упал, но не умер, и его отвезли в квартиру на Тверской улице к самому "Думе". Там четверо "Дум" делали половую жизнь в глазницы, они порвали ободки глазниц, очень сильно орал отец, его ебли четыре "Думы" по два часа в обе глазницы, было много крика и крови, но он не умер, его повезли к каналу, бросили в глубокую выемку канала, в воде жил один час и умер. У меня не стало Пашковых: внука Александра и самого сильного математика мира Пашкова С.Ю.

Теперь хотят Копыловы Рая и Вася убить меня, Любимчикову А.Ф., самую умную женщину мира. Потом убить Иванова-Шевцова А.П. и его сыновей Михаила и Григория, они заканчивают Юридическую академию в этом семестре, учатся на одни пятерки, как и мой внук Александр, магического ума оба. Потом убить Нестерова А.Н., после убить Иванова-Нумермана Б.И., затем главного прокурора Москвы Рябина Владимира Федоровича, после убить начальника областного УВД Мишенина Михаила Ивановича, все четверо доктора юридических прав, а Мишенин кандидат юридических прав.

Я живу с этими уголовными бандитами, они всех обворовали, по семь домов собственных сожгли у Иванова-Шевцова А.П., Нестерова А.Н. и по сорок раз все разворовывали. И квартиры с мебелью, одеждой, вещами и всей посудой, чайной и бытовой, нам всем переодеться не во что и купить нельзя, все воруют.

Всем сотрудникам УВД негде жить, они живут около двух лет на Опорном пункте №3, спят на лестнице, а они доктора юридических прав.

Копылова Р.В. убила около десяти миллиардов граждан, более половины сотрудники УВД, она сильно растленная и двупололая, живет с Пругло П.В., Моргуном Г.А., Прокушевым О.Н., сыном Васей и др. Во всех УВД рвет телефонную связь Копылов Вася, как только отремонтируют, он сразу рвет связь.

Я, можно сказать, без телефона.

*От самого умного тайного агента мира всех УВД
Любимчиковой А.Ф*

Заявление

Я, Любимчикова А.Ф., отказываюсь от телефона 576-хх-хх, так как этот телефон отключен 27 ноября 2005 года совсем. Мой основной телефон участника ВОВ 1941-45 гг. в настоящее время параллельно присоединен в кв.93, там живет Алилуев Гриша, не прописан, квартиры украл (91, 92, 93).

В квартире 92 живет 10 ручных псов.

В квартире 91 живут Копылов Вася и Копылова Рая, у них тоже мой телефон 576-хх-хх.

В 1993 году мой телефон был присоединен параллельно в кв.47 на проспекте Пацаева, хх к Зурко Александру Васильевичу, потом в кв.45 Алилуеву Ренату Ибрагимовичу, после того, как Зурко А.В. уехал жить в другой дом.

В 1997 году мой телефон был параллельно подключен Свитову Александру, который пришел из тюрьмы. Телефон участника ВОВ ходит по рукам матерых бандитов.

Саша Свитов умер ровно четыре года назад, тогда телефон был параллельно присоединен, не отключая от Свитова Саши, на девятый этаж Алилуеву Грише и Васе Копылову, а они и раньше мне не давали пользоваться телефоном.

Я совсем не пользуюсь телефоном 576-хх-хх с 27 ноября 2005 года. На мои письма Мазепин В.Я. не отвечал. Я всегда платила за телефон 576-хх-хх как за основной по 200 руб. в месяц. Не уплачено только за апрель и май 2006 года, платить не буду, от телефона 576-хх-хх отказываюсь.

Все эти годы не давали пользоваться телефоном, всегда была нервотрепка.

Копылова Рая украла два телефонных аппарата, один аппарат за 3500 рублей, его подарил Иванов-Шевцов Александр Павлович, теперь он Президент России. Этот аппарат украла в декабре месяце 2005 года. Второй аппарат украла Копылова Рая в начале февраля 2005 года.

Телефонных аппаратов больше не покупала и дома Любимчикова А.Ф. не жила. Живу на вокзалах Москвы, Ярославском, Казанском, Ленинградском, Курском, в Александрове и Орехово-Зуево. Последние пять лет дома почти не жила.

Копылова Рая держала в подвале с псами моего родного племянника год, а потом отравила газом фозген, целый год он был голодный, ходил голый, два раза его одевали, Вася Копылов все с него снимал и продавал на морфий, спал с псами, их кормил и мыл, и за псами убирал. Это матерая убийца, воровка-шпионка с пяти лет. Нам она оторвала руки 1.06.2006, никто не может писать.

Она, Копылова Рая, ворует у Иванова-Шевцова А.П. шестьдесят лет, обворовала его до нитки, у Нестерова А.Н. ворует шестьдесят лет, обворовано все до нитки, сожгла по семь собственных новых домов, с 1973 года ворует и у Любимчиковой А.Ф.

От пенсионерки Любимчиковой А.Ф.

Содержание номера

	Вступление	4
<u>микро</u>	Ника Дуброва. Художник / С приездом!	5
	Маргарита Кривченко. В театре	12
<u>проза</u>	Вадим Климов. Бесплатное питание на вокзалах. Микророман	14
	Станислав Курашев. В день осенней годовщины битвы при Фермопилах	79
	Олег Шинкаренко. Два рассказа	97
<u>мертвый текст</u>	Роберт Вальзер. Служащий (пер. с нем. А. Филиппова)	105
<u>архив</u>	Апполинария Тумина. Тексты End of the World News	117
<u>extremum</u>	Алексей Лапшин. Социопатия	133
	Маргарита Кривченко. Обаяние социопатии	136
	Бруно Беттельхейм. Люди в концлагере (фрагменты)	141
	Андреа Часовски. К инцесту	155
<u>персонажи</u>	Любимчикова дает задание	157